Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Забайкальский государственный университет

Вестник

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Воспоминания об учёном, педагоге, производственнике, общественном деятеле Леониде Францевиче Наркелюне

Общественно-научный журнал

№ 4

Чита
ЗабГУ
2022

УДК 082
ББК я54
В 387

Рекомендовано к изданию Советом по научной и инновационной деятельности Забайкальского государственного университета

Редакционная коллегия

Л. В. Шумилова (главный редактор),
А. Э. Ефремова (отв. секретарь)

Редакционный совет

О. Л. Кузнецов (председатель), В. Ж. Аренс, И. Л. Гейхман, Г. А. Денисов, Е. А. Козловский, А. В. Лагуткин, А. И. Мелуа, А. Н. Никитин, В. С. Новиков, И. Е. Осокина, М. Пал (Германия), В. С. Пирумов, Ю. А. Рахманин, В. К. Сенчагов, С. В. Степашин, В. Г. Тыминский, Г. Н. Фурсей, Дж. Чилингар (США), Ю. Л. Шевченко

Recommended for Publication by the Council for Scientific and Innovative Activities of the Transbaikal State University

Editorial Board

L. V. Shumilova (Editor-in-Chief),
A. E. Efremova (Assistant editor)

Editorial Council

O. L. Kuznetsov (Chairman), V. Zh. Arens, I. L. Geichman, G. A. Denisov, E. A. Kozlovsky, A. V. Lagutkin, A. I. Melua, A. N. Nikitin, V. S. Novikov, I. E. Osokina, M. Pal (Germany), V. S. Pirumov, Yu. A. Rakhmanin, V. K. Senchagov, S. V. Stepashin, V. G. Tyminsky, G. N. Fursey, J. Chilingar (USA), Yu. L. Shevchenko

В 387 **Вестник Забайкальского регионального отделения Российской академии естественных наук.** Воспоминания об учёном, педагоге, производственнике, общественном деятеле Леониде Францевиче Наркелюне : общественно-научный журнал / Забайкальский государственный университет ; ответственный редактор Л. В. Шумилова. – Чита : ЗабГУ, 2022. – № 4. – 81 с.

ISBN 978-5-9293-3122-0

В журнале приведены сведения о жизненном и творческом пути известного российского забайкальского учёного-геолога и педагога, лауреата Государственной премии СССР в области науки, заслуженного деятеля науки РСФСР, почётного разведчика недр, почётного гражданина Читинской области, почётного профессора Читинского госуниверситета, мыслителя, организатора, педагога, внесшего заметный вклад в изучение недр России, Забайкалья, Казахстана, создателя научной школы, замечательного отзывчивого человека Леонида Францевича Наркелюна. В год столетия со дня рождения профессора Л. Ф. Наркелюна приводятся воспоминания родных, друзей, коллег по работе, учеников, которые входили в серию книг «Ученые ЧитГУ» (2006).

Издание предназначено для специалистов в области общих проблем естествознания, горного производства, геоэкологии, геологии, студентов, магистрантов и аспирантов в указанных областях знаний.

Bulletin of the Trans-Baikal Regional Branch of the Russian Academy of Natural Sciences. Memories of the scientist, teacher, industrial worker, public figure Leonid Frantsevich Narkelyun : social and scientific journal / Transbaikal State University; Responsible Editor L. V. Shumilova. – Chita : Transbaikal State University, 2021. – No. 4. – 81 p.

The journal contains the information about the life and creative path of the famous Russian and Trans-Baikal geologist and teacher, Laureate of the USSR State Prize in Science, Honored Scientist of the RSFSR, Honorary Prospector of the subsoil, Honorary Citizen of the Chita region, Honorary Professor of the Chita State University, thinker, organizer, teacher, who made a significant contribution to the study of the subsoil of Russia, Transbaikalia, Kazakhstan, the creator of the scientific school, a wonderful sympathetic person, Leonid Frantsevich Narkelyun. In the year of the centenary of the birth of Professor L. F. Narkelyun, the memoirs of relatives, friends, work colleagues, students which were included in the series of books “Scientists of CHITSU” (2006) are given.

The collection is of interest to specialists in the field of the common problems of natural sciences, geology, mining production, geoecology, students, undergraduates and graduate students in these fields.

УДК 082
ББК я54

ISBN 978-5-9293-3122-0

© Забайкальский государственный университет, 2022

Содержание

Трубачев А. И. Жизненный и творческий путь Л. Ф. Наркелюна ……..... 4

Наркелюн М. Л. Слово об отце. …….....…… 30

Воспоминания коллег об учёном, педагоге, производственнике,
общественном деятеле Леониде Францевиче Наркелюне…….....…….. 34

Слова памяти, гордости, уважения Леониду Францевичу Наркелюну…..... 49

Наши юбиляры …….....…….. 66

Фотогалерея, посвящённая 100-летию со дня рождения
Леонида Францевича Наркелюна 69

Contents

Trubachev A. I. The Life and Creative Path of L. F. Narkelyun 4

Narkelyun M. L. In Memory of Father …..... 30

The Scientist, Teacher, Industrial Worker, Public Figure
Leonid Frantsevich Narkelyun …….....…. 34

Words of Memory, Pride and Respect to Leonid Frantsevich Narkelyun …..... 49

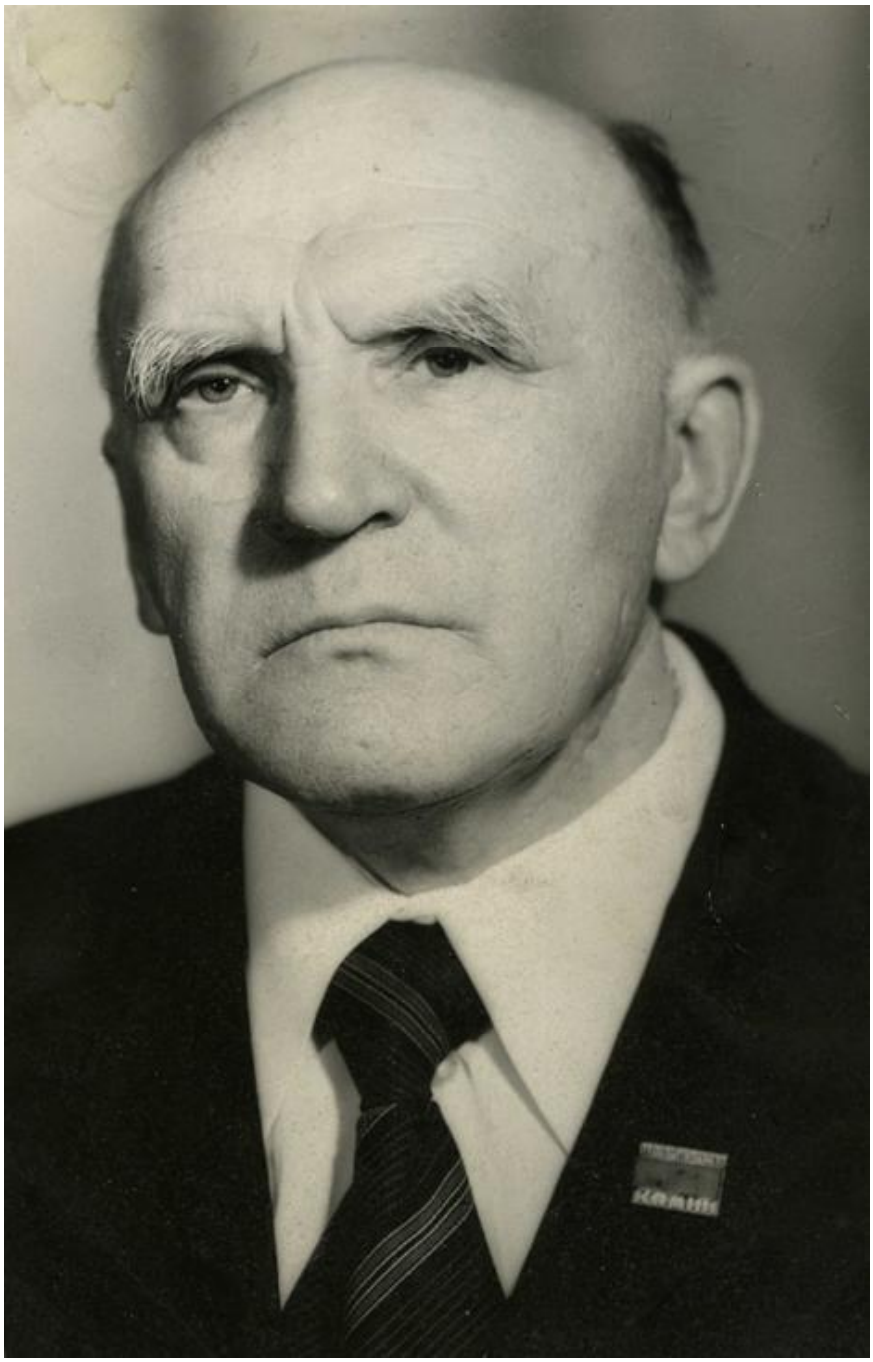
Our Anniversaries …….....…. 66

Photogallery in Honor of the 100-th Anniversary of
Leonid Frantsevich Narkelyun …….....…. 69

УДК 549

Алексей Иванович Трубачев,
д-р геол.-минерал. наук,
профессор ЗабГУ

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ Л. Ф. НАРКЕЛЮНА
THE LIFE AND CREATIVE PATH OF L. F. NARKELYUN



Леонид Францевич Наркелюн,
доктор геолого-минералогических наук, профессор

Наркелюн Леонид Францевич был первым и долгое время единственным профессором нашего университета. В Читу он приехал из Казахстана, где более 20 лет работал на Джезказганском меднорудном комбинате на различных должностях: геодезист, главный маркшейдер, рудничный геолог, главный геолог комбината. Там же он без отрыва от производства закончил с отличием Всесоюзный заочный политехнический институт, а через 8 лет успешно защитил кандидатскую диссертацию. После успешной защиты докторской Леонид Францевич перешёл в 1972 г. на работу в Читинский политехнический институт (ныне университет). Здесь проявились его самые лучшие качества учёного, организатора, педагога, общественного деятеля. Проработав 33 года в нашем университете, он отдал весь свой талант, всю энергию на формирование научной школы по изучению стратиформных месторождений, широко известной у нас в стране и за рубежом; организацию кафедры геологии, оснащение её учебно-лабораторной базы; создание прекрасного геолого-минералогического музея, который ныне носит его имя.

Ключевые слова: Наркелюн Леонид Францевич, учёные Забайкальского государственного университета, видные учёные-геологи, практик-ученый, Джезказганский меднорудный комбинат

Leonid Frantsevich Narkelyun was the first and for a long time the only professor of our university. He came to Chita from Kazakhstan, where he worked for more than 20 years at the Dzhezkazgan copper Ore Combine in various positions: geodesist, chief mine surveyor, mine geologist, chief geologist of the production complex. There he graduated with honors from the All-Union Correspondence Polytechnic Institute while working, and 8 years later he earned his PhD successfully. Then, Leonid Frantsevich moved in 1972 to work at the Chita Polytechnic Institute (now the university). His best qualities as a scientist, organizer, teacher, and public figure were manifested here. Having worked for 33 years at our university, he gave all his talent, all his energy to the formation of a scientific school for the study of stratiform deposits, widely known in our country and abroad; the organization of the Department of Geology, equipping its educational and laboratory base; the creation of a wonderful geological and mineralogical museum, which is now named in his honor.

Keywords: Leonid Frantsevich Narkelyun, scientists of the Trans-Baikal State University, prominent geologists, practical scientist, Dzhezkazgan Copper Ore Complex

---

Свыше 170 лет назад А. Г. Болотов (1738–1833) – тульский писатель натуралист, селекционер, агроном, экономист, автор 350 книг, писал о себе: «Видел себя только в ежечасном труде; спасение – в непрерывном движении и умении; защиту – в постоянном думанье – вот смысл жизни моей». Сказанное можно в полной мере отнести к Леониду Францевичу Наркелюну (рис. 1). В нижеследующем слове об учителе предпринята попытка подтвердить сказанное.

1. Истоки. Леонид Францевич Наркелюн родился 14 сентября 1921 года в г. Симферополе в рабочей семье. Сохранилась справка о его рождении № 11 от 10 июля 1923 года: «У гражданина Виленской губернии Свенцинского уезда Довгеминской волости, дер. Лавренчукишки ФРАНЦА ХРИСТОФОРОВИЧА НАРКЕЛЮНА католического вероисповедания и законной жены его ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВОЙ православного исповедания в 1921 году сентября 1-го дня родился и 5-го того же месяца крещен сын ЛЕОНИД.

Восприемниками были: юрисконсульт Александр Парамонов Хмелик и крестьянка Волынской губ. Житомирского уезда Чудновской волости дер. Сербиновки Любовь Стефанова Кибектюк.

Таинство св. крещения совершал священник Парфений Дмитревский с псаломщиком Иаковым Брыднахиным, что свою подпись и приложением церковной печати удостоверяю: священник Парфений Дмитревский».

После окончания семилетки в 1937 году он в течение года – рабочий базы Союзкультторга в г. Курске; 1938–1941 гг. – учащийся Московского дорожно-механического техникума; 1941–1952 гг. – младший геодезист – главный маркшейдер Шахтостроительного управления и открытых горных работ Джезказганского медькомбината; 1952–1958 гг. – главный геолог шахтоуправлений Джезказганского ГМК; 1958–1961 гг. – главный геолог Джезказганского горно-металлургического комбината; 1962–1963 гг. – зав. отделом геологии и полезных ископаемых Забайкальского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР; с сентября 1963 г. по июль 1964 – директор-организатор ЗабНИИ Министерства геологии и охраны недр СССР; 1964–1970 гг. –

зам. директора ЗабНИИ по научной работе; 1971–1972 гг. – зав. лабораторией осадочных полезных ископаемых ЗабНИИ; 1972–1974 гг. – профессор Читинского политехнического института; 1974–1989 гг. – заведующий кафедрой геологии ЧитПИ; 1990–1995 гг. – профессор этой же кафедры, с 1996 по 2005 гг. – профессор кафедры обогащения и вторичного сырья ЧитГУ.

Леонид Францевич – один из последних столпов той плеяды учёных, которые полвека назад в яростной схватке с научными соперниками сумели заложить и отстоять основы теории о происхождении ряда рудных месторождений, получившей в 70–80-е гг. XX столетия всеобщее признание. Это «осадочная гипотеза», объясняющая возникновение и механизмы формирования крупнейших представителей минерального царства свинцово-цинковых месторождений, медистых песчаников и сланцев, пробила себе дорогу в противовес царствовавшей тогда гидротермальной теории.

Извечная борьба «плутонистов» и «нептунистов» длится с незапамятных времён, но именно в начале 50-х гг. прошлого века она приобрела особенно острый характер. Всё новые и новые факты, добываемые при геологоразведке и горной добыче, не укладывались в прокрустово ложе, изготовленное «плутонистами-гидротермалистами». Московский учёный М. М. Константинов, надорвавший силы в этой борьбе, так и не увидел при жизни свой главный труд – его монография о происхождении стратифицированных свинцово-цинковых месторождений была опубликована только в 1963 г. при большой поддержке академика Н. М. Страхова.

Другой корифей «осадочной теории» В. М. Попов, вынужденный скитаться по разным городам (Алма-Ата, Фрунзе, Джезказган, Донецк) из-за преследователей-гидротермалистов (главным здесь был академик Н. И. Сатпаев), сумел в жестокой схватке отстоять свои убеждения на шестичасовой защите докторской диссертации, где главным оппонентом был тот же К. И. Сатпаев, который написал «разгромный» официальный отзыв, намного превышающий по объёму всю защищаемую работу.

Ленинградский учёный В. С. Домарев, излазив Мангышлакские и Минусинские степи, проштудировав геологические данные по германским и африканским объектам, пришёл к тем же выводам, что и Константинов и Попов. Москвич Д. Г. Сапожников, отличавшийся исключительной педантичностью и скрупулёзностью в подборе фактов, только на одних сравнениях и сопоставлениях своих материалов по Центральному Казахстану также утвердился в правильности выводов Попова.

Член-корреспондент АН СССР Л. В. Пустовалов сумел привлечь огромный коллектив учёных для сбора и обобщения обширных данных по геологии важнейших металлов: цветных, чёрных, редких, благородных, редких и рассеянных, а также неметаллов: барита, флюорита, целестина, серы, так или иначе связанных с осадочными толщами. Итоговая трёхтомная монография «Металлы в осадочных толщах», изданная в 1963–1965 гг. под его редакцией, не только свела воедино всё, что было накоплено практикой и теоретической геологией, но и дала мощный импульс к дальнейшему поиску путей для решения этой сложной проблемы. Нельзя не сказать и о том, что без основополагающей теории по осадочному литогенезу, развиваемой в то время Н. М. Страховым, вряд ли были бы успешными разработки осадочной рудной геологии.

Названные имена известных учёных, как говорится, были у всех на слуху, на их трудах учились многие геологи. А сколько было безымянных геологов-практиков, которые на своих конкретных объектах находили факты, подтверждающие выводы учёных-теоретиков. 1950–1980-е годы стали эпохой становления и бурного развития осадочной гипотезы о происхождении важнейших руд – меди, свинца, цинка, ртути, вольфрама, золота, сурьмы, мышьяка, олова, а также барита, целестина, флюорита, и многих других месторождений, на долю которых, по подсчётам Л. В. Пустовалова, приходилось около 70 % всех запасов и 80 % по своей эквивалентной стоимости всех добываемых из недр полезных ископаемых.

Вот в этой-то эпохе расцвета идей осадочного рудогенеза, эпохе Ренессанса рудной геологии и формировался как учёный Л. Ф. Наркелюн, ставший впоследствии одним из авторитетнейших представителей теории осадочного рудогенеза, создавший свою научную школу, представители которой трудятся во многих городах и весях нашего Отечества.

2. От практика к учёному. Непростым и долгим был путь к науке у Леонида Францевича. В конце 1930-х гг. мальчишкой уехал из Курска в Москву учиться в автодорожном тех-

никуме. Там он увлёкся минералами и вдвоём с другом стал заниматься в Минералогическом музее АН СССР, где нередко занятия проводил сам А. Е. Ферсман – знаменитый академик и поэт камня, как его все и называли за прекрасные статьи и книжки про минералы.

Неизвестно, как бы всё сложилось в дальнейшем, но перед самой войной Леонид Францевич уехал работать в казахстанские степи, где разворачивалось строительство крупного Джезказганского меднорудного комбината. Начинал учеником геодезиста, потом стал младшим, затем главным маркшейдером шахтоуправления. Эта работа требует точности, внимательности, добросовестности и очень большой ответственности. Разбивая полигоны под строительство автомобильных и железных дорог, карьеров и шахт, молодой геодезист всё время думал – для чего всё это? Любознательность и пытливость привели Леонида Францевича к естественному ходу мыслей: маркшейдеры – это хорошо, интересно, увлекательно, но, видимо, нужней всего сейчас то главное, ради чего ведутся все работы – это геология. И решив учиться, поступил во Всесоюзный заочный политехнический институт на геологический факультет. С большим юмором и гордостью Леонид Францевич рассказывал, как трудно, но чертовски интересно было учиться заочно, какие серьёзные и непомерные по нынешним временам требования предъявляли к студентам-заочникам. Одной не сданной контрольной работы было достаточно, чтобы не получить допуск к сессии. В 1953 г. закончен с отличием институт, надо браться за решение новых задач.

Меднорудный комбинат расширяется, ему требуется всё больше и больше руды. К этому времени в геологической науке начинает разгораться серьёзная, принципиальная борьба двух научных школ, так называемых «нептунистов» и «плутонистов». Этот спор идёт очень давно, но на каждом новом витке подкрепляется всё новыми фактами. В то время к плутонистам принадлежали почти все ведущие учёные мира и нашей страны. В Казахстане эту школу возглавлял известный учёный, крупный организатор, человек выдающихся способностей – академик К. И. Сатпаев. Нелишне заметить, что плутонисты очень рьяно заботились о том, чтобы никто не смел оспаривать их мнение. «Нептунисты» были представлены редким смельчаками. Одним из таких смельчаков в то время был В. М. Попов, ставший впоследствии доктором наук, профессором и академиком Киргизской АН. Спор названных школ – это не только теоретические разногласия, он напрямую выходит в практические дела – куда направлять поиск новых залежей, что добывать в рудных телах, как задавать эксплуатационные выработки, какую технологическую схему извлечения металлов из руды выбрать и многое другое. Леонид Францевич, работая рудничным геологом, а позднее и главным геологом всего комбината, в шахтах, карьерах внимательно изучал все детали геологического строения Джезказганского месторождения. Собирал и объединял вокруг себя молодых геологов, ставя им цель познать истинную природу оруденения. Спорили, доказывали друг другу в рабочие и выходные дни. Позднее Леонид Францевич признавался, что именно тогда он стал понимать, что же такое генезис месторождений? Изучив формы рудных тел, их расположение в пространстве, он пришёл к твёрдому выводу, что рудные тела и по форме и по размерам развиваются синхронно с вмещающими горными породами и, что особенно важно, в различных фациальных обстановках: вначале это было мелководное море, затем озёра и в конце – дельты и русла реки. Здесь Леонид Францевич блестяще овладел актуалистическим методом и применил его для решения научно-прикладных задач. Он впервые в нашей стране на примере Джезказгана показал строго закономерное – зональное – расположение главных рудообразующих минералов относительно береговой линии древних палеобассейнов, где шло накопление пород и руд.

Многие годы из руд Джезказгана кроме меди добывали свинец и цинк. Леонид Францевич вместе с другими геологами и технологами установил наличие многих других полезных спутников и доказал, что каждая минеральная зона имеет свой набор ценных спутников. Он первым открыл в рудах Джезказгана новый минерал – бетехтинит, его раньше называли халькозином, и это впоследствии оказало заметное влияние на решение ряда генетических вопросов.

Упорно работая, набирая факты, Леонид Францевич поступает в заочную аспирантуру при Институте геологии, петрографии и минералогии АН СССР к известному профессору Д. Г. Сапожникову. Дмитрий Гаврилович и особенно Василий Михайлович Попов, а также Г. Ф. Крашенинников и академик А. Л. Яншин оказали сильное влияние на Леонида Фран-

цевича при становлении его как начинающего учёного. Своей кандидатской диссертацией Леонид Францевич «бросил» открытый вызов «плутонистам». Последние делали всё возможное, чтобы помешать Леониду Францевичу защитить свою работу. Прошло много лет, а Леонид Францевич часто вспоминал, как перед самой защитой к председателю учёного совета зашёл один из самых маститых плутонистов (Сатпаев) и небрежно сказал: «Сегодня у Вас защищается Наркелюн, так вот я считаю, что это плохая, не стоящая работа, и её надо провалить». Председатель совета академик А. В. Пейве действительно засомневался, но прослушав всю защиту, а она шла в течение четырёх часов, проголосовал, так же как и все члены совета, единогласно за него.

Пока шло бурное освоение Джезказгана, на севере Читинской области Е. И. Бурова, К. К. Деньгин и другие геологи Лесной экспедиции открыли Удоканское месторождение меди. Через 18 лет после его открытия появились первые публикации о нём. Леонид Францевич внимательно следил за ними и постепенно укреплялся дерзкой мыслью, а не поехать ли изучать Удокан на месте, а не по литературным данным?

Март 1962 г., снежная пурга застала автомобиль на Клюквенном перевале. Помог трактор. В машине, на банках с тушёнкой в пальто и ботинках ехал на Удокан Леонид Францевич. В Наминге ввалился в дом Э. Ф. Гринталя – главного геолога Удоканской ГРЭ. Жена Эльза напоила и отогрела горячим чаем. Пошёл интересный разговор, и тут же договорились с Гринталём начать новый цикл работ по Удокану. Окончательно очарованный суровой северной природой: два седоглавых хребта, разделённых широкой и живописной Чарской долиной, но самое главное – загадочный Удокан – старший брат Джезказгана, так на него похожий и всё же отличающийся – перетянули чашу сомнений. Леонид Францевич со своей семьёй переезжает в Читу, где только что открылся новый институт – ЗабНИИ СО АН СССР. Ему поручается возглавить отдел геологии, ведущий в институте.

Институт-то открыт, но фактически его нет. И Леонид Францевич со всей своей энергией берётся за организационную работу. Заказывает оборудование, литературу, работает в фондах, подбирает кадры. Начался новый десятилетний период весьма плодотворной работы. Детально изучается Удокан, его спутники на севере Забайкалья, по югу Сибири. Делается фундаментальный вывод-прогноз: Удокан – это только часть огромной Восточно-Сибирской меденосной провинции, где возможно открытие новых объектов. Разрабатывается новая классификация медных месторождений, выясняется их тектоническое положение в структурах земной коры, условия их зарождения и формирования. Всё это стало возможно благодаря тому, что Леонид Францевич вместе со своими молодыми коллегами-единомышленниками широко привлекал материал и по другим месторождениям меди СССР и зарубежных стран. Леонид Францевич посещает Польские медные месторождения, не раз выезжает в Джезказган, чтобы с новых позиций оценить большой фактический материал свой и подаренный ему Натальей Сергеевной Мануиловой, человеком легендарной и сложной судьбы, учёным-энциклопедистом.

Дискуссии, споры внутри своего коллектива, какая-то всеобщая атмосфера энтузиазма, научных поисков царили в те годы, велась нелёгкая борьба с «плутонистами» в Чите (где их всегда отмечалось засилье) и в других городах, куда приходилось выезжать на различные совещания и конференции. На первом Читинском семинаре по стратиформным месторождениям в 1971 г. поставлены точки над «и» по многим проблемам, имели место размежевания и общие точки соприкосновения двух противоположных научных школ, появились новые подходы к решению сложных вопросов и особенно генетических. И хотя в науке голосованием не решаются спорные вопросы, большинство участников совещания высказалось за осадочную природу многих месторождений цветных металлов, т. е. поддержало ту точку зрения, которой придерживался и развивал в своих трудах Леонид Францевич и его коллеги.

Принципиальность Леонида Францевича во всём снискали ему уважение в институте и городе: он работает заведующим отделом, потом зам. директора по науке, а некоторое время одновременно директором и секретарем партбюро института, его избирают депутатом горсовета. Казалось бы, всё идёт нормально, но, как говорил один учёный: «Борьба школ проявляется во всём – в науке, в споре за должности, личной приязни и неприязни, зависти и хуле, злобе и наговорах». Всё это сполна испытал на себе Леонид Францевич, да и его ребята тоже. К концу 1960-х гг. в ЗабНИИ

сложилась нездоровая обстановка, появились группки, приближённые и отдалённые к директору; на учёных советах рассматривались не кардинальные научные проблемы и пути их решения, а чисто хозяйственные, нередко мелочные. В этой обстановке Леонид Францевич уходит с поста зам. директора по науке, становится зав. отделом литологии и заканчивает свою докторскую диссертацию, работа над которой шла уже давно. В 1972 г. он ее успешно защищает, утверждение получает через 3,5 месяца после защиты и в том же году переходит на работу в Читинский политехнический институт (тогда ещё филиал Иркутского политеха).

Вновь всё сначала: организуется кафедра геологии, подбирается коллектив преподавателей; через два года открывается геолого-минералогический музей, за создание которого Леонид Францевич награждается Почётной грамотой Президиума Всесоюзного минералогического общества.

Наряду с организаторской и преподавательской деятельностью научные работы не прекращаются ни на один день, расширяется география исследований; теперь уже в сферу исследований входит не только Сибирь, но и Казахстан, другие регионы Средней Азии, Урал, Украина, зарубежные страны. Уточняются прежние научные представления, развиваются новые. В 1977 году в Чите на базе Читинского политехнического института и ЗабНИИ Леонид Францевич организует 2-й семинар по стратиформным месторождениям, который, как и первый, явился прологом всех последующих всесоюзных семинаров и конференций, прошедших в 1979, 1981, 1982, 1985, 1990 гг. в разных городах Союза. Уже давно Леонид Францевич входит в состав Межведомственного литологического комитета АН СССР и его Сибирского отделения, где ведёт большую организационную работу. Сам участвует в их работе с докладами и сообщениями, редактирует сборники научных трудов. Осадочная гипотеза получила широкое распространение у нас в стране и за рубежом, из неё «отпочковываются» новые направления и школы, она сама расширяется и углубляется. За разработку этой теории в 1986 г. Леонид Францевич получил Государственную премию СССР в области науки. В отзывах на этот цикл работ дана высокая оценка: «Авторы его теоретически обосновали и практически установили исходную сингенетичную – одновременно с вмещающими их осадочными толщами – природу стратиформных месторождений, что стало фундаментальным теоретическим положением современной геологии полезных ископаемых. Приоритет разработки этой концепции целиком принадлежит этим авторам. Это новое научное направление в теории рудообразования дало мощный толчок по пересмотру генезиса многих других полезных ископаемых. Теоретические выводы способствовали открытию и разведке новых крупных месторождений и будут служить путеводной звездой в перспективе, они являются основополагающими при всех прогнозных исследованиях».

Свыше 40 лет отдано изучению стратиформных месторождений мира. Установлены главные черты их строения, состава, закономерности размещения в недрах Земли, разработаны классификации, выяснены условия образования, предложены критерии прогноза и поисков и указано, где и как искать и разведывать эти объекты. Результаты этих исследований Леонид Францевич вместе со своими коллегами и учениками отразил в многочисленных статьях, научных сборниках и крупных монографиях. Особенно знаковыми были пять монографий:

1. Медистые песчаники и сланцы южной части Сибирской платформы. М.: Недра, 1977.

2. Медистые песчаники и сланцы мира. М.: Недра, 1983.

3. Справочное пособие по стратиформным месторождениям. М.: Недра, 1990.

4. Окисленные руды Удокана. Новосибирск: Наука, СО АН СССР, 1987.

5. Удоканское медное и Катугинское редкометалльное месторождения Читинской области России. М.; Чита: [б. и.], 2004.

Последняя книга (522 с.) является важнейшей частью проекта «Рудные гиганты мира», задуманного ещё в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. Академией наук СССР и Министерством Геологии СССР. Но с развалом СССР проект был закрыт, почти повсеместно прекратились все виды работ по стратиформным месторождениям; некогда многочисленные и плодотворно работавшие коллективы геологов, изучавшие их, прекратили своё существование, как и практически вся геологическая служба СССР. Теперь даже Министерства геологии нет, чем всегда гордились и результаты работы которого были весьма впечатляющими. Нынешние олигархи, захватившие все минеральные ресурсы СССР и России, поль-

зуются результатами исследований и геологоразведки советских геологов.

В условиях развала геологической службы Леонид Францевич находит новое поле деятельности. Он уходит в разработку новых проблем, главными из которых стали: «Комплексное использование минерального сырья и отходов горного производства», «Геология месторождений облицовочного сырья», «Роль минералогии и геологии в обогащении руд», «Геолого-технологическая оценка минерального сырья». Эти проблемы он разрабатывал до последнего дня своей жизни, издал три монографии, написал несколько статей и учебных пособий.

3. Педагог, организатор, общественный деятель. Свыше 30 лет Леонид Францевич проработал в Читинском госуниверситете, из них 16 лет заведовал организованной им кафедрой геологии, создал геологическое направление. Лекции, лабораторные занятия, семинары по геологическим дисциплинам он вёл на очень высоком научно-методическом уровне, с учётом новейших достижений науки в тесной увязке с практикой и на весьма доступном и понятном студентам языке. В последнее время для магистрантов разработал совершенно новые спецдисциплины: «Горно-геологические основы обогащения руд», «Комплексное использование минерального сырья». Наркелюн руководил выпускными и диссертационными работами магистрантов, студентов, аспирантов и соискателей. За это время при его непосредственном и активном участии подготовлено свыше 1500 горных инженеров, 2 доктора и 15 кандидатов наук, работающих ныне в Забайкалье и других регионах страны.

Леонид Францевич один из организаторов ЗабНИИ, в нём он был зав. отделом и лабораторией, зам. директора по науке, директором-организатором. Особая заслуга принадлежит Леониду Францевичу в организации научно-лабораторной базы ЗабНИИ, научной библиотеки, полевых отрядов, которые работали на территории всей Читинской области и соседних регионов (Бурятия, Якутия, Хабаровский край, Иркутская область, Красноярский край и др.); в формировании и разработке научной тематики и стратегии научных исследований в Забайкальском геологическом полигоне, которые в значительной мере разрабатывались до самого последнего времени.

Леонид Францевич создатель и организатор кафедры геологии в ЧитГУ, её учебно-научно-лабораторной базы, оснащения учебно-научной литературой, учебным оборудованием, методического обеспечения. Как уже говорилось, особая роль принадлежит ему в создании геолого-минералогического музея, который теперь носит его имя. На базе кафедры геологии организованы две новые выпускающие кафедры: гидрогеологии и инженерной геологии и геофизики.

Профессор Л. Ф. Наркелюн принимал активное участие в общественной жизни университета, города, области, России и СССР. Руководил семинаром «Философские проблемы науки», являлся депутатом Читинского городского совета (1965–1967), членом Секции технико-экономического Совета при Читинском обкоме КПСС; дважды (в 1982 и 1987 гг.) представлял Читинскую областную организацию общества «Знание» на всероссийских съездах, работал в составе Межведомственного литологического комитета АН СССР (России) и его Сибирского отделения; работал заместителем председателя Всесоюзной Комиссии по стратиформному рудообразованию; членом секции по «Технологической минералогии» Всероссийского минералогического общества; организатором Читинского отделения Всероссийской геммологической ассоциации; членом диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций; научным редактором многих сборников и монографий; членом ГЭКов и ГАКов; был активным пропагандистом знаний по философии, религии, музыке; членом ученых советов ЗабНИИ, горного института и ЧитГУ.

Для многих читинцев стало откровением, что при своей загруженности научной, организационной работой Леонид Францевич оказался страстным любителем классической музыки и поэзии. Мало любить, нужно ещё приложить большие усилия, чтобы найти ту или иную пластинку с «Прелюдиями Баха» или с первым концертом Чайковского, да ещё в определённом исполнении. На это тратилось всё то ничтожное время, которое оставалось после научных работ. Леонид Францевич не позволил себе оставаться на ступеньках дилетантского познания и открытия мира музыки. Он закончил заочный музыкальный университет, и, как всегда, дипломная работа защищена на отлично. В поэзию он был влюблён давно и мог потратить массу времени на проникновение в бессмертные творения Фета, Тютчева, Жуковского, Пушкина и других. Есть много лю-

бителей музыки и поэзии, которые замыкаются на этом и не делятся впечатлениями с окружающими. Это ни в коем случае не относилось к Леониду Францевичу. Его характерная черта – делиться своими знаниями со всеми окружающими. Он много раз проводил вечера музыки для студентов, преподавателей и жителей города.

Ещё одна черта удивительно сочеталась в Леониде Францевиче с его фантастической работоспособностью – это любовь к путешествиям. Пожалуй, в каждом из геологов живёт «муза дальних странствий», но у Леонида Францевича эта муза не только жила, но и манила в дальние страны. Он был в Польше, Болгарии, Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Англии, Франции, Австрии, Венгрии, Югославии, Монголии, Корее, Китае, а уж Советский Союз объездил почти весь. И везде живо интересовался бытом, экономикой, религией, обычаями, культурой и, конечно же, геологией, минералами и рудами.

Леонид Францевич удостоен многих научных наград и званий: доктор геолого-минералогических наук (а перед этим был и кандидатом), профессор, лауреат Государственной премии СССР в области науки, заслуженный деятель науки РСФСР; отличник Минвуза СССР, почётный разведчик недр; почётный гражданин Читинской области, почётный профессор Читинского госуниверситета; член-корреспондент Восточно-Российской академии горных наук; академик Международной академии минеральных ресурсов; действительный член Всероссийского минералогического общества; действительный член Русского географического общества; награждён медалью «Ветеран труда», многочисленными почётными грамотами и благодарностями.

4. В научных командировках и на конференциях. Любой человек, а учёный тем более, не может печься в собственном соку. Ему необходимо обмениваться своими наблюдениями и полученными результатами с коллегами, оппонентами. В спорах, дискуссиях рождается новая мысль, принимаются новые решения. За свою долгую жизнь Леонид Францевич множество раз, особенно в советское время, был в научных командировках и многих научных конференциях, симпозиумах, семинарах, совещаниях разного уровня – от региональных до всесоюзных и международных. Все их осветить невозможно, но на некоторых следует остановиться.

В 1963 г. в Москве работала Международная геохимическая конференция, посвящённая 100-летию академика В. И. Вернадского. Попасть туда было крайне сложно, ибо там собралась вся геохимическая элита СССР и мира. Доклады были только заказные ведущим учёным, работало много секций, которые возглавляли академики, члены-корреспонденты, ведущие зарубежные учёные. Леонид Францевич участник всех пленарных заседаний и ряда секций. Привёз тезисы докладов, а потом получил книгу со всеми выступлениями. Там он познакомился со многими учёными, в частности, близко сошёлся с известным геохимиком В. В. Щербиной, который впоследствии оказал содействие Юре Безродных в публикации его статьи в известном (сейчас бы сказали рейтинговом) журнале «Геохимия». Ещё более укрепились его контакты с членами-корреспондентами АН СССР А. А. Сауковым и А. И. Тугариновым, академиками А. Л. Яншиным и Н. М. Страховым.

Запомнилось VII Всесоюзное литологическое совещание в ноябре 1965 г., куда были командированы от ЗабНИИ Леонид Францевич, я и Г. А. Юргенсон. Остановились в гостинице «Заря» на ВДНХ. Заседания проводили в Геологическом институте АН СССР. Совещание шло под руководством академика Н. М. Страхова, посвящено геохимии осадочных пород и руд, новой ветви геологии, главной задачей которой является познание истории всей совокупности элементов при формировании осадков, пород и руд. Эта ветвь зародилась в недрах литологии и по своей методологии отличается от классической геохимии, являющейся, по существу, геохимией магматизма. Около двух десятков докладов по тематике объединены в пять разделов:

а) коры выветривания и формы миграции элементов;

б) геохимия современных осадков;

в) геохимия древних осадочных толщ;

г) геохимия осадочных руд;

д) эпигенетическое рудообразование.

Доклады делали крупнейшие учёные: академик Н. М. Страхов, член-корреспондент Л. В. Пустовалов; республиканские академики – В. И. Попов, В. М. Попов; доктора наук – А. Э. Конторович, Н. А. Лисицына, Б. М. Михайлов, Н. В. Логвиненко, В. Н. Холодов, супруги Анкинович С. Г. и Е. А., Ю. В. Богданов, В. Д. Шутов, П. Т. Тажибаева, А. И. Перельман, Д. П. Сердюченко и др. Обсуждение

было глубокое, заинтересованное, с детальным разбором тематики, методики, достигнутых результатов. В неформальной обстановке завязывались более тесные контакты, которые впоследствии хорошо помогали в работе. Нашего доклада не было, но Леонид Францевич выступал в дискуссии и принял участие в выработке решения совещания.

В 1967 г. Леонид Францевич был в научной командировке в Польше. От Мингео СССР его курировал Анисий Михайлович Филин, а с польской стороны – Э. Константинович и Я. Выжиковский. Главная цель командировки – знакомство с польскими медистыми песчаниками, которые глубокими шахтами стали в то время отрабатываться. Ему показали работу многих шахт, разрешили отобрать образцы пород и руд с ряда месторождений, в качестве экскурсий провезли на автомашине почти по всей Польше. Результатом командировки было сопоставление медистых песчаников Польши и Сибири, их сходство и различия и возможность открытия подобных месторождений у нас; публикация статьи в «Советской геологии».

Знаковый 1-й Всесоюзный семинар по стратиформным месторождениям организован Леонидом Францевичем и Василием Михайловичем Поповым по заданию Литологического комитета СССР и Министерства геологии и охраны недр СССР на базе ЗабНИИ в Чите в сентябре 1971 г. Поскольку Василий Михайлович был во Фрунзе, все организационные подготовительные вопросы в Чите легли в основном на Леонида Францевича и его помощника – учёного секретаря Юрия Безродных; наш коллектив как мог помогал им во всём. Тезисы своих докладов прислали академик В. И. Смирнов, академики В. М. Попов, В. И. Попов; доктора и кандидаты наук, инженеры-геологи, специалисты из Киева, Ленинграда, Баку, Москвы, Оренбурга, Перми, Харькова, Хабаровска, Иркутска, Новосибирска, Фрунзе, Алма-Аты, Ташкента и многих других городов. Среди представителей различных научных школ преобладали «гидротермалисты», а за ними «осадочники». Тезисы докладов, изданные небольшой книжицей в 95 страниц тиражом 800 экз. под редакцией В. М. Попова, Л. Ф.Наркелюна и А. И. Сизикова («Записки Забайкальского филиала Географического общества СССР. 1971. Вып. 53. «Стратиформные месторождения цветных металлов»), разошлись моментально и ныне стали уже библиографической редкостью.

На заседаниях, проходивших в течение трёх дней в Малом зале Дома офицеров, велись оживленные дискуссии по всем прочитанным и стендовым докладам.

Леонид Францевич делал два доклада:

1) обобщающий, от группы геологов-осадочников;

2) по медистым песчаникам Сибирской платформы.

Все читинцы – Ю. Безродных, В. Салихов, А. Трубачев, Д. Н. Алексеев, Э. Ф. Гринталь, П. Чихачев и др., занимавшиеся этой проблемой, представили свои доклады, и в целом забайкальские «стратиформщики» выглядели достойно. Это был прообраз всех последующих конференций и семинаров по данной проблеме, которые проводились в разных городах СССР вплоть до 1990 г.

На неофициальных мероприятиях (две дискуссии на квартирах Леонида Францевича и моей) выработка решений продолжалась в более узком кругу: В. М. Попов, Л. Ф. Наркелюн, В. С. Яблоков, Д. Н. Алексеев, У. Асаналиев, Ю. В. Богданов, И. П. Дружинин, Г. Д. Младенцев, В. В. Гурба, П. В. Зарицкий, В. С. Домарев, А. Е. Мирошников, П. С. Саакян и др. Итоги семинара, его решения были освещены почти во всех всесоюзных геологических журналах, они легли в основу ряда практических решений по линии Мингео СССР и Литологического комитета СССР.

В апреле 1973 г. в Москве в актовом зале министерства на Б. Грузинской, 4/6 проходило 10-е Всесоюзное литологическое совещание, посвящённое теории литогенеза, осадочного и осадочно-метаморфогенного рудообразования в докембрии. Руководил им министр геологии СССР академик Александр Васильевич Сидоренко. Вопросов рассматривалось много, докладчики съехались со всех концов Союза из 80 научно-производственных организаций и вузов, заслушано более 100 докладов. Леонид Францевич на этом совещании сделал доклад по рудоносности древних осадочных толщ Кодаро-Удоканской зоны, т. е. о том, чем мы занимались последние годы. Академик Сидоренко был очень демократичен, практически со всеми здоровался за руку, всем желающим давал возможность высказаться. На совещании выработано хорошее решение по внедрению в практику теоретических разработок и дальнейшему расширению исследований по докембрийской литологии. Правда, с гибелью А. В. Сидоренко в Алжире

это направление стало развиваться не так широко и глубоко, как при его жизни, а в последние годы тихо и медленно, как и всё в геологии, угасает.

В сентябре 1977 г. в Чите проходил 2-й Всесоюзный семинар «Стратиформные месторождения цветных металлов и золота Сибири и Дальнего Востока». Организаторы: СО Межведомственного литологического комитета СССР, Забайкальский филиал Географического общества СССР, Читинский политехнический институт, ЗабНИИ, Читинское геологоуправление. Председатель оргкомитета – Л. Ф. Наркелюн. Подготовка к семинару началась в апреле: это выбор гостиниц, договоры с питанием, транспортом, редактирование тезисов и их издание – переговоры, переписка, масса текущих дел, всё это решал оргкомитет, зачастую с большим трудом. И всё-таки к началу работы семинара в сентябре практически всё было готово: гости встречены и доставлены с Читинского аэропорта и ж/д вокзала; особо почётных гостей встречали персонально члены оргкомитета; изданы тезисы 85 докладов (176 авторов) (Записки Забайкальского филиала Географического общества СССР. 1977. Вып. CVI. 139 с. / гл. ред. Л. Ф. Наркелюн). Первое пленарное заседание прошло в актовом зале ЗабНИИ. Леонид Францевич делал главный доклад «Современное состояние и задачи изучения стратиформных месторождений» от имени В. М. Попова, У. А. Асаналиева, И. П. Дружинина и своего, в котором затронул все стороны (спорные и перспективные, решённые вопросы) и как бы сразу задал темп и настрой на детальное и глубокое освещение рассматриваемой проблемы. Подробно ответил на вопросы. С докладами выступили все ведущие специалисты по этой проблеме: доктора и кандидаты наук – академик В. М. Попов, У. Асаналиев, Ю. В. Богданов, В. С. Домарев, Э. И. Кутырев, Я. К. Писарчик, С. А. Вахромеев, П. В. Зарицкий, В. В. Сагло, И. П. Дружинин, А. В. Ван, А. Е. Мирошников, И. Ф. Габлина, Э. Г. Дистанов, Р. Г. Матухин и другие. Забайкальцы были представлены многочисленной группой (свыше 20 человек) и выступали с интересными докладами по всем темам семинара с особым акцентом на доказательстве своих выводов на огромном фактическом материале на конкретных месторождениях (Д. Н. Алексеев, Ю. И. Симонов, В. С. Чечеткин, В. С. Салихов, У. А. Корчагин, В. Я. Мельниченко и др.).

Были жаркие дискуссии, споры, обмен мнениями в неофициальной обстановке. На семинаре было показано, что после 1-го Читинского семинара накопился новый обширный материал по этим месторождениям, расширился список типов месторождений, что позволяет по-новому подойти к переоценке перспектив старых горнорудных районов и выявлению новых перспективных площадей на территории Сибири и Дальнего Востока. Совещание выработало рекомендации по направлению научных и геолого-поисковых работ в конкретных районах нашей страны.

Оргкомитет организовал для участников семинара выезд на Ивано-Арахлеевские озёра. Желающих оказалось много, на трёх автобусах и двух легковых машинах свыше 50 человек поехали на базу отдыха Читинского геологоуправления. Так уж оказалось, что кроме работников столовой ОРСа ЧГУ (5 чел.) из оргкомитета поехал только один А. И. Трубачев. Погода была тихая, тёплая, начал накрапывать легкий моросящий дождь, в автобусах пели песни, шутили; долго выясняли топонимику озера Арахлей и постановили, что Арах – это водка, а лей – это лей в горлышко, чьё, известно. На базе всех разместили с комфортом: особо почетных гостей (С. А. Вахромеев, В. С. Домарев, Я. К. Писарчик, В. М. Попов, У. Асаналиев, Р. Матухин, В. А. Алексеенко, Э. Дистанов) поместили в 2–3-местные коттеджи, остальных – в комнаты по 4–5 человек. В просторной столовой под руководством тамады Олега Розена (он представлял академика А. В. Сидоренко), довольно весёлого, находчивого и остроумного человека, начался праздничный ужин. Много тостов, здравиц, пожеланий; никого не стесняли ни во времени ни в тематике. Часов в 11 вечера в самый разгар веселья налетел ураган, попадали деревья, оборвались провода и всё погрузилось во тьму. Зажглись свечи, керосиновые лампы, вечер продолжался. Позже в кромешной темноте на ощупь пришлось всех разводить по корпусам и укладывать спать. Если бы не была проявлена особая бдительность, могли быть жертвы. В ту ночь в карповских лесах под Читой (ветер, снег, мороз) погибли два крепких мужика – доценты Читинского мединститута, были сообщения о гибели людей в Бурятии. У нас, слава богу, всё обошлось. Назавтра утром, согрев пищу на кострах, пересчитав, всех удалось доставить в Читу, а уж оттуда каждый самолётом или поездом добирался самостоятельно.

Это совещание надолго запомнилось всем его участникам. За хорошую организацию семинара ректор ЧитПИ Ю. В. Кулагин объявил Леониду Францевичу благодарность и рекомендовал брать пример с геологов при проведении подобных мероприятий.

Заслуживают особого упоминания всесоюзные конференции по стратиформным месторождениям, которые проходили во Фрунзе в 1981 и 1985 гг. на базе политехнического института, где была создана ПНИЛСМ – Проблемная научно-исследовательская лаборатория стратиформных месторождений. Возглавил эту лабораторию член-корреспондент (впоследствии академик) АН Киргизии Усенгазы Асаналиев, проректор по науке ФПИ, идейно-научный вдохновитель – академик В. М. Попов. Эти конференции отличались обилием и многообразием докладов (до 350), их широчайшей тематикой, многочисленностью участников, сердечной гостеприимностью и радушием хозяев, высоким научным уровнем и большой практической отдачей принятых решений.

Леонид Францевич – в числе главных организаторов этих конференций, будучи 1-м заместителем председателя оргкомитета и созданной Комиссии по стратиформным месторождениям при Комитете по рудообразованию АН СССР вплоть до 1996 г., когда эта Комиссия распалась в связи с кончиной У. А. Асаналиева. На этих конференциях Леонид Францевич всегда делал заказные доклады на пленарных заседаниях, руководил секциями, участвовал в выработке всех решений, редактировал сборники научных трудов, участвовал в дискуссиях.

Вообще, в Средней Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан) Леонид Францевич имел большой авторитет среди учёных, там к нему относились с большим уважением, даже с каким-то обожанием. Кроме этих конференций мы с ним были много раз во Фрунзе, Алма-Ате, Ташкенте. Всегда нас селили в хороших гостиницах, представляли транспорт, сопровождали в поездках на рудники и экскурсии и, конечно, всегда принимали в домашней обстановке. Киргизский ритуал принятия пищи особый. Уважаемого гостя (а Леонид Францевич всегда им там был) усаживали на почётное место (это обычно атласная подушка на возвышении), давали сваренную голову барана, от которого надо было отрезать кусочек мяса, а голову передать хозяину.

В Чите наш политехнический институт 11–13 сентября 1990 г. вместе с ПГО Читагеология, ЗабНИ, ЧИПРом, Комиссией по стратиформному рудообразованию, Сибирским отделением Межведомственного литологического комитета АН СССР организовал проведение межрегиональной конференции по стратиформным месторождениям, которой был придан статус Всесоюзной. На конференции представлено 258 докладов от ведущих специалистов Якутии, Дальнего Востока, Восточной и Западной Сибири, Забайкалья, Казахстана, Средней Азии, Урала, Кавказа, Украины, Москвы, Ленинграда и др. Были рассмотрены основные проблемы по стратиформным месторождениям, накопившиеся за последние пять лет. Это последняя конференция, т. к. дальше с разрушением СССР их проводить стало невозможно. Все выработанные рекомендации никому больше не понадобились.

На всех конференциях и семинарах по проблеме стратиформных месторождений, которые проводились в Москве (4), Фрунзе (3), Чите (3), Алма-Ате, Джезказгане, Звенигороде, Новосибирске, Леонид Францевич сыграл большую роль как один из главных организаторов, автор, докладчик, редактор. В это время сложилась научная школа по изучению стратиформных месторождений, представители которой работали в различных НИИ, вузах, производственно-геологических организациях в ряде городов СССР, в том числе и в Чите. Читинскую группу во главе с Леонидом Францевичем рассматривали как одну из ведущих, работоспособных и плодотворных в нашей стране, результаты своих научных исследований читинские стратиформщики (Л. Ф.Наркелюн, Ф. П. Кренделев, Д. Н. Алексеев, В. С. Чечеткин) докладывали на Международном геологическом конгрессе в 1984 г. в Москве, их статьи были изданы за рубежом.

Была ещё одна длительная (более месяца) запомнившаяся командировка по Уралу – от Воркуты до Орска в засушливое лето 1975 г. Главная цель её – сбор коллекций минералов и руд для нашего музея. Леонид Францевич, я и Александр Матвеев прибыли в Воркуту в начале июня, нас должен был встретить Бруно Янович Дембовский – начальник поисковой партии и аспирант Леонида Францевича. Но его перед этим срочно отправили в командировку и, естественно, нас он не встретил. Взяли такси и поехали в здание Воркутагеология. Бросились в глаза покосившиеся дома, дома на сваях, полное отсутствие зелени и вообще деревьев. Только позже мы были в Комсомольском парке

Воркуты, где основные деревья – искривлённый низкорослый ивняк, который каждую зиму вымерзает почти полностью. Воркута – это несколько отдельных поселений вокруг угольных шахт, соединённых автодорогой с центром из панельных и кирпичных 4–5-этажных домов. Все автобусные остановки – небольшие домики с печками и дровами. Зимой налетает пурга, и в этих домиках пассажиры задерживались надолго, а «пьяные дома» – это результат действия мерзлоты. Поэтому там и нашли выход (как в Якутске, Норильске) борьбы с ней – строительство зданий на сваях. Удивительное совпадение, как раз в это время в Воркуте началось Всесоюзное совещание по сооружению фундаментов на мёрзлых грунтах. Места в гостиницах, естественно, были заняты, в геологообъединении нам ничего не обещали. Начался обильный снегопад, а мы в летних туфлях и кедах. Принимаем решение поездом ехать на юг, т. к. самолёты из-за непогоды уже не летали. На поезде Воркута-Адлер отопления не было, от холода спасались под несколькими одеялами и только в Кирове отогрелись. Следующая остановка в Свердловске, там уже была жара. Устроились в гостинице геологоуправления. Нас радушно принял его начальник Щеголихин Юрий Иванович, до этого работавший в Улан-Удэ начальником Бурятского геологоуправления и хорошо знавший Леонида Францевича. Узнав о цели нашего приезда, он выделил нам автомашину (совершенно бесплатно) и сопровождающего геолога.

Челночными рейсами мы собирали коллекции на Берёзовском руднике, на Липовском никелевом карьере, Баженовском громадном (25 км длиной) карьере хризотил-асбестов, Сидельниковском месторождении родонита, Шайтанском переливтов, Шабровском месторождении талька и магнезитов. Весь день посвятили осмотру экспонатов знаменитого Уральского геологического музея, съездили в пригород в экспедицию Уралкварцсамоцветы, побывали у местных любителей минералов. Везде пришлось наблюдать, как Леонид Францевич проявлял свои незаурядные способности общения с людьми. В ход шло всё: торг, обмен любезностями, иногда лесть и хвала, и деньги, и всё это для того, чтобы завладеть понравившимся образцом. Конечно, основную массу коллекционного материала мы собрали сами в обнажениях, на карьерах, шахтах, отвалах. Из Свердловска отправили багажом несколько ящиков из под ВВ в Читу – это сотни килограммов.

В Оренбурге нас встречал М. И. Проскуряков. Жара стояла несносная, Урал превратился в мелкую речушку, поля все выгорели, деревья пожухли. Главной целью было посещение Гайского медного месторождения, Сольилецких копей и знаменитой яшмовой горы Полковник.

Раньше мы много слышали о знаменитых орских яшмах, что на горе Полковник. Туда нас свозили. В бескрайнем мелкосопочном рельефе эта гора заметно выделяется. Нас встретила бригада добытчиков яшмы. Разработка только ручная, взрывчатку применять запрещено, чтобы не нарушить рисунок яшмы, за что она и ценится так высоко. Нет ни одного куска, штуфа яшмы, чтобы рисунок повторился, такова фантазия природы. Технология добычи яшмы проста: летом огромными кувалдами вбивают клинья в трещины породы, постепенно отделяя куски разных размеров и формы. Зимой ещё проще – в трещины заливают воду, замерзая, она растрескивает породу, немного усилий и сырьё готово к отправке. Поскольку орская яшма на особом учёте, нам удалось взять её всего несколько килограммов.

Из этой поездки Леонид Францевич вернулся в Читу очень довольным. Во-первых, он всюду восхищался природой: горы, леса, степи; во-вторых, здесь удалось ознакомиться с самыми разными геологическими процессами и их продуктами; в-третьих, было полное удовлетворение от количества, разнообразия и качества собранного минерального царства своими руками из шахт, карьеров, да еще с такого старинного и прославленного горнорудного края, как Урал, по этим признакам во многом схожим с нашим Забайкальем.

А уж по Забайкалью Леонид Францевич поездил немало. Для сбора коллекций для создававшегося геолого-минералогического музея ЧитПИ он осуществил три экспедиции на автомашине с нашими сотрудниками. А до этого, работая в ЗабНИИ, много раз бывал во многих местах. Одна из самых последних поездок состоялась в 1992–1993 гг. в Приаргунье, когда Леонид Францевич заключал хоздоговор с фирмой Сопрнатех (глава её А. В. Коровин) для поиска облицовочных камней. Два года мы ездили в Кличку, Кадаю, Михайловку, Горный Зерентуй, Орловку, Шамболиху, Жерей и другие места. В ходе этих исследований установили, что Забайкалье – кладезь облицовочного

сырья, разнообразного по составу и своим качествам (цвет, блеск, полируемость, рисунок, прочность, трещиноватость, декоративность и др.). Как всегда, Леонид Францевич с присущей ему настойчивостью и настырностью добивался многого в достижении поставленной цели. Достаточно сказать, что была создана прекрасная камнетека из полированных брикетов всех типов горных пород, которые мы изучали и которые сейчас хранятся в нашем музее. Параллельно создавали шлифотеку: тонкие отполированные пластинки наклеивались в папочки, которые высылались заинтересованным организациям в качестве рекламных проспектов в Москву, Свердловск и даже зарубеж. Особенной красотой выделялись «кадаинские белоснежные искристые мраморы» – это смесь магнезита и кальцита, которые в своё время (1936) описал академик С. С. Смирнов и которые можно смело рекомендовать для добычи, ибо запасы не ограничены. Прекрасны шамболихинские габброиды и орловские лампрофиры, которые из-за своей прочности, чёрного цвета и прекрасной полируемости нашли применение при изготовлении памятников. Кстати, памятник Леониду Францевичу на его могиле сделан из этих камней. Большое будущее у могзонских цветных эффузивов, которые по многообразию рисунков и цветовых оттенков, несомненно, будут востребованы.

Прекратив раньше времени (отсутствие финансов у фирмы) исследования, Леонид Францевич был расстроен, с одной стороны, а с другой – с удовлетворением отмечал, что начато хорошее перспективное дело, у которого большое будущее. Он ратовал за организацию в Забайкалье камнеобрабатывающей промышленности и мечтал о том времени, когда многие здания и холлы в них будут одеты прекрасными забайкальскими облицовочными камнями, которых здесь в изобилии.

Запомнилась ещё командировка. В апреле 1987 г. мы с Леонидом Францевичем совершили вояж: Фрунзе – Алма-Ата – Караганда – Джезказган для заключения договора с Фрунзенским политехническим институтом о совместном проведении работ по крупным месторождениям стратиформного типа и сбор материала по Джезказганскому рудному полю.

Везде нас радушно принимали – во Фрунзе У. Асаналиев и его группа – наши единомышленники, в Алма-Ате – его ученик Р. Фатиков, Н. В. Пучков, Е. С. Зорин, Г. Е. Шинкарев в КазИМСе (наши единомышленники), а вот в ГИНе АН КазССР встречали С. Сейфуллин, П. Тажибаева, М. К. Сатпаева – наши оппоненты по генезису; в Караганде при сборе фондовых материалов очень помог начальник Центрально-Казахстанского геологоуправления доктор наук Л. Ф. Думлер, а также Н. С. Бектурганов и его группа из химико-металлургического института АН КазССР, которые занимались разработкой технологии обогащения удоканских руд. В Джезказгане были все друзья и ученики Леонида Францевича – Владислав Гурба, Георгий Младенцев, Леонид Белявский; встречался он с директором Джезказганского ГОКа Г. Урумовым, директором медьзавода П. Ли, многими обогатителями, которые его еще хорошо помнили. Под Джезказганом в пос. Геологическом размещалась Джезказганская геолого-разведочная экспедиция. Там Леонид Францевич имел большой разговор с её начальником М. А. Асановым, геологами А. В. Струтынским, В. В. Гайдышевым, Н. Б. Голодновой. Из всех бесед Леонид Францевич всегда что-то имел лично для себя и для дела, ради которого сюда приехал. В этой командировке, будучи в Алма-Ате, мы получили печальное известие о кончине Ф. П. Кренделева. Леонид Францевич очень сильно огорчился, с ним его связывала многолетняя дружба и тесное сотрудничество. По результатам договорённости со многими организациями и лицами мы потом в течение 4 лет вели большие работы, результатом чего стал фундаментальный труд «Факторы локализации оруденения крупных стратиформных месторождений меди», хранящийся ныне в фондах нашего университета, Кыргызского горно-металлургического института им. акад. У. Асаналиева, Джезказганского ГМК, Карагандинского геологоуправления и Всесоюзного геологического фонда (г. Москва).

Во всех командировках Леонид Францевич всегда ставил конкретные цели и задачи и, как правило, в конечном итоге их решал. Большую роль он отводил личному знакомству с учёными и производственниками, ибо в этих беседах черпал обширную информацию, которую не найдёшь ни в одной публикации. В организационном и бытовом плане в командировках Леонид Францевич всегда ставил три задачи: взять авиабилеты (а это был тогда самый доступный транспорт) туда и обратно, устройство в гостинице (здесь он иногда проявлял чудеса изобретательности) и наладить питание. Вечерами, конечно же, мы всегда

старались сходить в какой-нибудь театр. Он предпочитал оперу, реже оперетту; если туда не удавалось попасть, то шли в драмтеатр или на концерт, на худой конец – в кинотеатр, но всегда на что-то необычное. Потом всё это бурно обсуждали, спорили, были разногласия, но чаще всего приходили к единомыслию.

Последняя командировка у Леонида Францевича была с группой наших университетских коллег во Внутреннюю Монголию КНР в г. Хух-Хото в середине 1990-х гг., о которой он рассказывал не особенно подробно.

5. На полевых работах. Значительную часть своих геологических исследований Леонид Францевич провёл в карьерах, шахтах, квершлагах, штольнях. Чтобы там что-то увидеть, надо обладать особым умением, особыми навыками. Во-первых, это всегда замкнутое пространство, ограниченное контурами горных выработок. Во-вторых, стенки их всегда покрыты толстым слоем пыли. В-третьих, в них всегда есть опасность вывала горных пород, обвала кровли и стенок, особенно в забоях лавы, где высота выемочного пространства достигает нескольких десятков метров. Чтобы подняться на такую высоту нужны специальные приспособления. И ещё одна особенность геологической документации в добычном пространстве – это ограниченность во времени, надо обязательно уложиться в график работы забоя, это, как правило, время проветривания после отпалок и вывоза взорванной массы руды. В это время работает масса техники: породопогрузочные машины, экскаваторы, автосамосвалы, электровозы, вагонетки. Здесь же зачастую работают крепильщики. Нередко в выработках бывает много воды, часто слабая освещённость. И чтобы в этих поистине адских условиях произвести геологическую документацию и опробование, надо быть физически крепким, иметь высокие профессиональные знания и знать специфику месторождения.

Работая рудничным геологом, Леонид Францевич проделывал всё это мастерски. Я смотрел его материалы по геологической документации горно-очистных выработок, все они сделаны тщательно, аккуратно, со всеми подробностями. Ведь в мелких деталях, как правило, потом раскрываются основные закономерности. Когда он стал главным геологом рудника, а потом всего комбината, его задачи стали другими, он уже контролировал работу всех геологов (а их было свыше сотни человек), определял стратегию и тактику эксплуатационной разведки. Он держал тесную связь с обогатителями, которые предъявляли свои требования к качеству руды, её сортности, разубоживанию. Через качество концентратов, полученных обогатителями, Леонид Францевич связывался с металлургами и решал вопросы комплексного использования сырья, поскольку из джезказганских руд кроме меди, свинца и цинка извлекали серебро, рений и другие элементы. По его подсказке химики-аналитики выявили осмий и иридий хотя и в небольших количествах, но эти элементы оказались очень важными для решения генезиса руд и в использовании в радиокосмической технике.

Полевые работы в их истинном смысле Леонид Францевич стал проводить в забайкальский период. В 1962 г. он организовал Удоканский отряд. Тогда спецрейсом на самолетах АН-2 в Чару вылетели вместе с ним Г. А. Юргенсон, его жена Нина, Л. И. Фердман, Ю. С. Салов, несколько рабочих, повариха, позднее к ним присоединился Ю. П. Безродных. В 1963–1964 гг. к этому отряду добавились С. С. Каренин, А. Н. Шевцова, А. И. Трубачев, в 1965 г. – В. С. Салихов, Ю. И. Зиновьев, А. И. Матвеев. Отряд обычно базировался выше посёлка геологоразведчиков на правом берегу р. Наминги в нескольких палатках. Речка Наминга в сухое время почти исчезала, вода вся уходила под каменные русловые россыпи и валуны и тогда была проблема с ней. Однако после дождей, даже кратковременных в течение 2–3 часов, она напоминала взбешённого зверя, сметавшего на своем пути всё. Поэтому палатки приходилось ставить подальше от русла, ближе к крутым склонам в зарослях кедрового стланника. В палатках ставили небольшие жестяные печки, пищу готовили на костре. Мылись раз в неделю в бане удоканских геологоразведчиков, в кино и на танцы ходили в их клуб. В течение всего лета (июнь, июль, август, часть сентября) полевые работы велись по четырём направлениям:

1) геологические маршруты в пределах всего месторождения (это примерно 30–40 км^2); так называемая крупномасштабная геологическая съёмка, главная цель которой не составление геологической карты месторождения (она уже к тому времени составлена в масштабе 1:10000), а тщательное изучение взаимоотношений пород и руд, их вещественного состава, текстурно-структурных особенностей, всех метаморфических преобразований, особенно

на контактах с магматическими комплексами, и тектонических нарушений. Графически это выливалось в составление литолого-фациальных колонок, геологических разрезов и планов, схем, зарисовок, фотографий. И такие маршруты сделаны по всем ручьям и распадкам (Скользкий, Розовый, Нирунгнакан, Правая и Левая Наминга, Шумный-Крутой, Снежный, Висячий и др.), по водоразделам между ними;

2) документация геологоразведочных канав, которых к тому времени на Удоканском месторождении пройдено несколько сотен, все они располагались большей частью на высоких водоразделах и склонах, в 400–900 м выше уровня р. Наминга, где мы жили. Длина канав большая: десятки-сотни метров. Подход к канавам длился 1–2 ч, спуск по крутым и нередко каменисто-курумным склонам тоже длительный;

3) документация горно-разведочных выработок штолен, штреков, квершлагов, рассечек. Общая протяжённость их – сотни-тысячи метров. Больше 3–4 ч в этих выработках проработать нельзя, так как средняя температура в них минус –3…7 градусов, это зона многолетнемёрзлых пород. Приходилось тепло одеваться, освещение осуществлялось, как правило, карбидкой, стенки выработок приходилось мыть подогретой водой или вообще работать на ощупь. К тому времени пройдены штольни 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, расположенные в разных местах месторождения;

4) документация керна буровых скважин, их пробурено несколько сотен. Длина керна по каждой скважине – сотни метров, диаметр керна от 150 до 76 мм, поэтому ящики с керном очень тяжёлые, чтобы их поднять и переставить, требовалось иметь силу, сноровку, да и здоровье.

Из всех перечисленных видов работ Леонид Францевич большей частью занимался документацией горно-разведочных выработок и керна скважин, хотя был на канавах и в маршрутах. Вся его документация отличалась высокой тщательностью и скрупулёзностью.

В 1965–1966 гг. Леонид Францевич уже в качестве зам. директора по науке больше ездил на автомашине (с Анатолием Ивановичем Рыбальченко) по многочисленным отрядам ЗабНИИ, работавшим на юге Забайкалья. Здесь его главная задача заключалась в оказании методической помощи, координации работ, уточнении планов работ на местах, устранении недостатков. Знакомясь с геологическими материалами непосредственно в поле, он познавал строение Забайкалья, общие закономерности размещения месторождений. Всё это позволило ему в последующем использовать эти данные в учебном процессе.

В 1967 г. была начата большая научно-исследовательская работа по изучению медистых песчаников и сланцев в южной части Сибирской платформы. Для их полевого изучения было организовано несколько небольших мобильных отрядов. Леонид Францевич поехал в Прибайкальский отряд вместе с Ю. П. Безродных, В. С. Салиховым, С. С. Карениным, А. Н. Шевцовой. Работали они в верховьях р. Лены, Киренги. Транспорт – лошади и моторные лодки. Изучали отвесные разрушенные скалы по берегам этих рек. Жара, гнус (без накомарников выйти из палаток было невозможно), дожди, наводнения, частые поломки мотора – всё это сильно осложняло проведение полевых работ, высота скал такая, что без верёвок не обходилось изучение обнажений. Леонид Францевич изучал в основном вдоль береговые скалы, описывал их, зарисовывал, отбирал образцы и пробы. Особенность этих Ленских медистых песчаников (известных ещё древнему человеку, который выплавлял из них медь и делал бронзу) заключалась в их сильной окисленности. Медносульфидных минералов (халькозин, борнит, халькопирит и др.) при окислении осталось мало, поэтому чтобы найти эти сульфиды, надо тратить много времени и чаще брать пробы и штуфы для дальнейшего их изучения под микроскопом. И всё же по результатам полевых наблюдений и лабораторно-аналитических исследований удалось выявить основные закономерности размещения медного оруденения, увязать его с литолого-фациальной обстановкой седиментации и наметить перспективные участки для дальнейших поисков и разведки. Из этих полевых работ у Леонида Францевича ярко запечатлелись богатая рыбалка и особенно то, что икру ленковую и хариузовую они ели большими ложками. Много впечатлений осталось от общения с аборигенами, знакомства с их бытом, обычаями. Конечно, главным были жаркие вечерние дискуссии по генезису руд.

Из-за большой загруженности Леонид Францевич не смог побывать в Приангарье, Присаянье, Привитимье, где работали наши отряды, но всё время держал с ними связь. Когда велась приёмка полевых материалов,

он непременно участвовал в этом, одновременно знакомясь с деталями и сразу направляя дальнейший ход исследований. Через три года исследования по этой теме завершились, написан довольно громоздкий научно-исследовательский отчёт в трёх томах. Поскольку в то время уже начались трения во взаимоотношениях директора ЗабНИИ В. И. Лозовского, ряда членов учёного совета (Р. С. Сейфулин и др.) и группой Наркелюна, мы решили рецензировать отчёт не в стенах института, а на стороне. В результате отзывы были получены от ведущих учёных страны, из Мингео СССР и РСФСР, все отзывы были весьма хвалебными. Впоследствии эта работа получила Всесоюзную премию и нашим «недоброжелателям» был доказан высокий научный уровень исследований. По их результатам были защищены кандидатские диссертации Ю. П. Безродных, А. И. Трубачева, В. С. Салихова и докторская Л. Ф. Наркелюна, а в 1977 г. опубликована наша коллективная монография в издательстве «Недра». Это был прорыв на всесоюзный уровень, который не всем удавался в то время.

Особенно запомнились ещё два полевых сезона. В 1970 г. мы заключили договор с Читинским геологоуправлением на изучение медистых отложений в верховьях р. Сюльбан (Кодарский хребет). Сюльбанская партия Удоканской экспедиции под руководством Б. В. Ермакова и В. С. Чечеткина (в то время гл. геолога Удоканской ГРЭ) уже вела там поисково-разведочные работы. Одновременно с нами туда же прибыли наши коллеги из Московского института ВИМСа – В. М. Федотова, А. А. Савченко. Нашу группу на базу Сюльбанской партии из Чары доставили вертолётом. Место базирования знаменательное. Располагалось оно на устье р. Хадатканда и Кукугунда, впадающих в реку Сюльбан. В 1950-х гг. здесь был лагерь заключённых – власовцев и бандеровцев, которые добывали в этих горах первый российский уран. Штольневые отвалы урановой руды в 1,5–2 км от наших палаток. Рядом полузаросший аэродром для самолётов ПО-2, контуры автомобильной дороги до Витима. Этим транспортом доставлялись и вывозились люди и грузы. На территории лагеря сохранились каркасные остовы 10- и 20-местных палаток, в которых жили зэки летом и зимой (при морозах –40…50^0), остовы под железные печки. Стоял в целости карцер, сложенный из толстенных лиственниц, из двух отделений: одно с печкой, другое – без, в последний сажали провинившихся. В карцере одно маленькое зарешечённое оконце, из которого видны вечно заснеженные кодарские горы. И здание конторы, по фронтону которого висел большой плакат с надписью: «Ударный труд – путь к досрочному освобождению». Эвенки-оленеводы, старожилы Чарской долины, рассказывали, что если зэкам удавалось бежать, то они на своём пути не оставляли никого в живых. Поэтому оленеводам дано право этих беглецов вылавливать и расстреливать на месте, в качестве доказательства им разрешалось привозить руку, ногу, голову, даже уши; за это им выдавалось вознаграждение. Не знаю, так ли это было или нет, но такие слухи тогда ходили в тех краях. Кстати рядом среди валунов сохранилось несколько могил в лесу.

От базы партии до места работ в горах около 30 км. Никакого транспорта, кроме оленей, в нашем распоряжении. У нас был договор с Кюсть-Кемдинским колхозом на 20 оленей. Ждали мы их довольно долго – недели две. За это время сделали несколько рекогносцировочных маршрутов в окрестных местах, уточняли планы работ, намечали маршрутные ходы, изучали фондовые материалы, ловили хариусов, устраивали банные дни. Леонид Францевич любил париться в бане. Наши полевые бани весьма своеобразны. На берегу реки выкладывали большую кучу валунов и гальки, на них жгли в течение всего дня костер, грели воду. К вечеру с накаленных камней сметали золу и угли, над ними ставили шестиместную палатку, внутри примитивные лавки из досок и бревен, застегивались и начинали дышать и потеть. Жар в такой палаточной бане был приличный, но дышалось очень легко. За 10–15 минут несколько раз камни поливали водой, от нагретых паров палатка чуть не взлетает. Изрядно вспотев, вылетали в соседний ручей с ледяной водой и вновь в палатку. И так по 3–5 раз. После такой бани чувствуешь себя как заново рождённый. Никакие стационарные сауны, особенно городские бани, не могут сравниться с такой палаточной баней. Только после такой процедуры палатка уже не пригодна для проживания – она пропускает любую влагу, не говоря уже о дожде.

Наконец-то прибыли наши олешки – 20 штук, вёл их молодой каюр Кеша, вместе с ним прибыли четыре студента-геолога из Иркутского госуниверситета. День-два отвели на сборы и отдых, и мы двинулись в путь. Юра Безродных, Володя Салихов, студенты, пова-

риха Алла пошли вместе с нагруженными оленями, а мы с Леонидом Францевичем вдвоём потихоньку тронулись вслед за ними. Олени шагают со скоростью 5–6 км/ч, за ними человеку фактически надо бежать трусцой. Леонид Францевич (а ему уже шёл 50-й год) с такой скоростью идти не мог, да вдобавок тренировки и навыков таких больших походов, да еще всё время в гору, у него не было. День жаркий (всё-таки июль), гнуса не очень много. Два брода через бурные и холодные воды р. Сюльбан и Кукугунду (почти по пояс), раздевшись, мы преодолели часа за 1,5. Жара нарастала, мы шли вдоль р. Серегли, вода в ней быстрая, холодная, чистая. Всё чаще и чаще Леонид Францевич наклонялся и пил эту приятную водичку. С каждым глотком такой воды, живот наполнялся, а силы таяли. Часам к 16 мы кое-как одолели полпути. Идти стало тяжелей, отдыхали через каждые 5–10 мин. Чем выше в горы, тем хуже тропа, больше валунов и глыб, ноги не слушаются. Продукты, которые брали с собой, съедены, гнус к вечеру наглеет, пот течёт обильными ручьями, наша одежда промокла насквозь и набухла, портянки в сапогах стали натирать мозоли. Леонид Францевич уже фактически навалился на мои хрупкие плечи. Ползём как улитки, он от усталости плохо видит и слышит, начинает отказываться от дальнейшего пути. Говорю ему: «Леонид Францевич, смотрите, мы уже почти дошли. – Откуда ты знаешь? – Да вот же начались следы пребывания геологоразведчиков сюльбанцев, значит, мы уже у цели». Доплелись до их лагеря, спрашиваем, где наши? – Пройдёте еще метров 500, переправитесь на другой берег, там и будут ваши ребята.

Верховье р. Серегли каменистое, болотистое, неровное, кругом кустарники, места под палатки выбрать трудно. Кричим из последних сил, выскакивают наши ребята и под руки фактически на себе переносят Леонида Францевича на свой берег, где он падает и не говорит ни слова. Немного отдышавшись, просит дать ему спирта и марлю. Ничего не понимаем, зачем? Леонид Францевич заполз в палатку, разделся и стал натирать всё тело спиртом, переодевшись в сухую одежду, чуть поев, он уснул. К нашему удивлению утром он встал бодрым и даже весёлым, с хорошим аппетитом. Потом было ещё одно наше удивление. Хорошенько оглядевшись, мы обнаружили, что свой табор поставили на могиле какого-то аборигена. Пришлось искать новое место. Весь день ушёл на обустройство лагеря, заготовку дров, подгонку снаряжения, выбор маршрутов и мест составления разрезов.

Леониду Францевичу определили самый обнажённый участок горы по распадку недалеко от лагеря. В помощники определили студента Мунко. Позавтракав, Леонид Францевич с полевой сумкой, геологическим молотком выходил к своему разрезу. Через 30–40 минут его Мунко, нагруженный рюкзаком с продуктами, котелком, мешочками, бумагой обёрточной, соляной кислотой (для определения карбонатности пород), другими приспособлениями и вязанкой сухих дров поверх рюкзака, подходил к нему. Часам к 10–11 они добирались до своего разреза и начинали колотить слой за слоем все породы. Через час-два налетал ураган, гроза, ливень, молнии, спрятаться негде. Стихия бушует час-два, вся одежда мокрая, и Леонид Францевич с Мунко возвращаются в лагерь. Только вернутся – стихия утихает, солнце светит ласково, на небе ни облачка, однако день уже пропал для работы. Все остальные маршрутчики были далековато от лагеря, стихию пережидали прямо на скалах, где она их застала, потом продолжали свой ход. На первых порах было жутковато, особенно от раскатов грома и молний, которые впивались в скалы совсем рядом в огромном количестве. Так продолжалось довольно долго.

Но тем не менее за месяц мы работу на этом участке закончили. Леонид Францевич составил такой детальный разрез, который потом стал эталонным. К вечеру собирались все в лагере, делились впечатлениями. Наша кормилица Алла за день напекала лепёшек и оладьев, которые с невероятной скоростью поглощались нами, и особенно нашими студентами. Алла из-за этого сильно сердилась на них, но Леонид Францевич всегда их оправдывал, даже иногда отдавал им свою порцию. Рацион скудный: тушенка, сушеный картофель в брикетах, макароны, горох, гречка. Из оружия имелся наган (самооборона от зверей по технике безопасности) и тозовка. В горах понемногу стреляли из тозовки горных тарбаганов (сурков черношапочных). Мясо долго варили на костре, жир весь стекал, потом мясо жарили с сухим луком и перцем – получалось довольно вкусное блюдо, по вкусу схожее с курятиной.

Через месяц возвращались на базу. За это время Леонид Францевич окреп, обратный поход был лёгким. В устье р. Серегли, в месте

её впадения в Сюльбан наловили много харисов, тут же сварили уху и нажарили их. Через несколько дней прилетел вертолёт, забрал Леонида Францевича в Чару, оттуда он самолётом улетел в Читу выполнять обязанности зам. директора по науке, а мы перебазировались на другие участки Кодарского хребта, где тоже были медистые песчаники и кварциты, которые нам предстояло изучать.

Следующий полевой сезон в 1971 г. мы работали тремя группами: Юра Безродных и В. Салихов направились в Кодарский хребет, я вёл съёмку в междуречье рр. Кемен-Ингамакит (отроги хр. Удокан), а Леонид Францевич со студентом документировали керн на Ункурском месторождении. Там уже был посёлок геологоразведчиков, ему выделили небольшую комнатку в общежитии. Перед разъездом на свои участки мы все собрались на Ункуре. Приближались выборы в Верховный Совет. Руководство Удоканской экспедиции в честь этого большого праздничного мероприятия (а тогда выборы были действительно праздником, не то что в нынешние демократические времена, когда народ почти не ходит на эти акции, зная, что все заранее подтасовано и куплено) выделило каждому по бутылке шампанского и спирта, а вот продуктов, кроме тушенки и макаронов, почему-то было мало. Игорь Орлов, ст. геолог партии даже заявил, что не пойдет на выборы, если не подвезут продукты. Обещали, что на следующий день, в день выборов прилетит вертолёт с комиссией и довезут ещё спиртного и продуктов. Накануне вечером в камералке собрались все геологи Ункурской партии: Ю. И. Сиротин – начальник партии, И. Орлов – старший геолог, геологи В. Я. Мельниченко, А. А. Лежанкин, другие ребята и наша забниишная группа: Леонид Францевич, Ю. Безродных, В. Салихов и я. Начался пир горой, спиртного много, закуски мало. У Вити Мельниченко в заначке была соленая рыба – хариус, ленок, валёк, которую вместе с тушенкой, макаронами быстро подмели. Часам к 12 изрядно охмелели, полил нудный мелкий затяжной дождь. Начали разбредаться по своим углам. Потеряли Юру, везде обыскали, нигде нет. Потом пришли в свою комнату, включили свет, а наш Юра спокойненько спит на койке, правда в сапогах и телогрейке. Оказывается, он потихоньку с вечеринки смылся, выставил в окне стекло (комната-то была на замке), вполз в комнату и уснул. Утром проснулись, дождь сыплет, голова трещит, есть хочется, небо низкое мрачное, мы намеревались вернуться в Чару вертолётом, но, увы, погода совсем нелётная. Принимаем решение – мы с Володей Салиховым идём пешком по дождю, болотистой тропе в Чару (35 км); за 6,5 часов этот путь преодолели, с потом весь хмель и токсичные вещества из нас вышли, и в Чару мы вернулись бодренькими. Дождь прекратился на третий день, Леонид Францевич и Юра Безродных вернулись на автомашине.

В то лето Леонид Францевич днём документировал керн, ходил на канавы, а вечером «добивал» свою докторскую диссертацию, которую успешно защитил в следующем году.

Работа в поле Леониду Францевичу дала многое: личное и близкое знакомство с породами и рудами в их естественном залегании, наблюдение за геологическими процессами и их результатами, как говорится, наяву; знакомство с яркой природой, животным и растительным миром, с «геологическим людом», весьма своеобразным (особенно бичи – бывший интеллигентный человек, и бомжи). В поле он набирался новых сил, бодрости, здоровья и огромного желания работать с удвоенной энергией.

6. Рассказчик. Леонид Францевич обладал феноменальной памятью. Он хранил в ней очень многое: профессиональные знания, характеристики людей, события давних лет, анекдоты и многое другое. В моменты отдыха в командировках или в поле он часто рассказывал о своей работе в Джезказгане. Рассказы сопровождались жестикуляцией, мимикой, голосовым тембром, копированием изображаемого человека, с юмором, поучительные, с подтекстом, саркастические, язвительные, добродушные – в зависимости от типажа и его личного отношения к этому человеку. Людей, о которых он рассказывал очень много, всех запомнить не удалось, но о некоторых здесь стоит рассказать.

На Джезказгане Леонид Францевич проработал более 20 лет, там он знал очень многих – горняков, геологов, обогатителей, металлургов, маркшейдеров и др. Своего первого наставника по маркшейдерии и геодезии Ивана Васильевича Пролиса всегда вспоминал с каким-то тёплым чувством и уважением. Это он научил его аккуратности и скрупулёзности в геодезических делах, ибо малейшая ошибка всегда стоила больших затрат, а нередко грозила тюрьмой или смертью.

Лев Дасковский – горняк, экономист, прошедший многие должности на комбинате,

жил с Леонидом Францевичем по соседству. Во времена хрущёвских совнархозов Л. Дасковский работал начальником производственного отдела. Тогда требовали в отчётах массу ненужной информации. Заходит он какой-то весь озабоченный, взъерошенный к Леониду Францевичу и спрашивает: «Леонид, ты знаешь, что такое энерговооружённость рабочего?». Леонид Францевич отвечает: «Нет, не знаю». «Вот и я не знаю, что это такое, а мне надо по этой графе отчёт писать». «Ну и что ты написал?» Лев ему ответил: «Я-то знаю, что у рабочего, кроме головы, рук, ног, никакой вооружённости нет. Вот так и напишу в этой графе». После он сказал Леониду Францевичу, что так все и написал, и всё сошло, только, видимо, потому, что эти отчёты никто и никогда не читал.

Шведко Владимир Ксенофонтович – постоянный объект рассказов Леонида Францевича. В Джезказгане он проработал много лет, дошёл до главного геолога рудоуправления; человек рассеянный, как говорят «не от мира сего», часто беспринципный (флюгер). Заскакивает к геологам, все работают. Он громко: «Всё, завтра чтоб все были на субботнике». Женщины ему в ответ: «а мы не можем, у нас дети». Он: «ничего не знаю, надо было раньше думать». Споры о генезисе руд Джезказгана велись давно. Шведко вроде бы под напором фактов стал склоняться в поддержку осадочной гипотезы, которую упорно разрабатывали рудничные геологи Г. Младенцев, Л. Иванков, Р. Фатиков, Э. Штрем. Узнав об этом, К. Сатпаев в каждый приезд в Джезказган или по приезде Шведко в Алма-Ату, перетягивал Шведко на свою сторону и перетянул. Быстренько сварганили ему диссертацию, и Шведко защитил её в Алма-Ате в институте Сатпаева, стал кандидатом наук, теперь уже яро отстаивающим гидротермальную гипотезу. В марте 1961 г. в Джезказгане проходила Объединённая научная сессия АН КазССР, Мингео и охраны недр КазССР, производственных организаций. Заслушано множество докладов, выступлений. В. Шведко тоже выступил. Более сумбурного и эклектичного доклада, чем у него, не было. Он смешал всё в «кучу»: доразведка полей, шахт и карьеров, геологическая документация, опробование, выполнение плана по содержанию меди, учёт потерь, борьба с разубоживанием, учёт запасов, вещественный состав руд, гидрогеология, музей рудничной геологии. Такой подход не достоин главного геолога и кандидата наук. Спрашиваю Леонида Францевича о дальнейшей судьбе Шведко. Леонид Францевич ответил, что как специалист тот дискредитировал себя, рудничные геологи и руководство комбината перестали воспринимать его. Вначале отправили в Алма-Ату, а потом в Москву, на пенсию.

Много Леонид Францевич рассказывал о своих друзьях: Г. Младенцеве, Л. Белявском, Р. Фатикове, Д. Иванкове, Э. Штреме, с которыми работал долгие годы. Впоследствии они стали главными геологами рудников, некоторые защитили кандидатские диссертации, часть уехала из Джезказгана. Про каждого мог говорить долго и конкретно. Георгий Младенцев закончил Лениногорский горный техникум, приехал в Джезказган. Пошёл по стопам Леонида Францевича: заочно закончил ВЗПИ, после отъезда Леонида Францевича в Читу стал главным геологом комбината. Грамотный, вдумчивый геолог, разбирающийся во всех тонкостях геологической службы Джезказганского ГОКа, он в последние годы пристрастился к красному вину, «сухонькому» как он говорил. Мог «вдумчиво» его поглощать в основном по выходным дням или после работы. Леонид Францевич осуждал его, тот соглашался бросить, но увы. Георгий подготовил кандидатскую диссертацию, сильной стороной её была детальная проработка вопроса об источнике металлов в джезказганских рудах. Ездил в Москву, но окончательного рывка до её завершения не хватило, и он забросил свою диссертацию. Не дожив два дня до своего 60-летия, 2 января в 1992 г. Георгий Дмитриевич Младенцев скончался в Саранске.

Все перечисленные друзья-коллеги Леонида Францевича скончались сравнительно молодыми – в 50–60 лет, и Леонид Францевич, рассказывая о них, очень сильно огорчался, переживал, сожалел. Всех их я тоже знал, с некоторыми общался в Джезказгане, Алма-Ате, Чите и сочувствовал Леониду Францевичу в его переживаниях.

Гурба Виктор Васильевич – директор Джезказганского ГОКа многие годы, крупный руководитель, организатор, настоящий горняк, Герой Социалистического труда, лауреат Государственной премии СССР. Под его началом трудился огромный, в десятки тысяч человек, коллектив. Комбинат – градообразующее предприятие, и в конечном итоге решение хозяйственных проблем Джезказгана и всех его ближайших поселений – рудника Джезказган-

ский, г. Никольска, пос. Геологический и др., тоже было его делом. Виктор Васильевич, депутат горсовета, член бюро ГК партии, член ЦК КП Казахстана, по сути, был одним из главных фактических руководителей в городе. Рабочие совещания он проводил жёстко, чётко, руководители всех подразделений уважали его и старались работать с ним в одном ритме, по единому плану, это были его единомышленники, соратники. Иного и быть не должно, ведь он их сам подбирал для работы. Когда кто-нибудь не справлялся, или план был под угрозой срыва, на планерках Виктор Васильевич громко заявлял: «Женщины, или заткните уши, или выйдите – я сейчас буду говорить по-мужски». И тогда шли матерные тирады, которые действовали лучше всяких уговоров, увещеваний и объявлений порицаний в служебных приказах.

Когда Леонид Францевич собрался уезжать в Читу, Виктор Васильевич вызвал его к себе и уговаривал: «Ну что ты там нашёл в Чите? Здесь ты стал инженером, кандидатом наук, крупным руководителем. Мы тебя сделаем и доктором, и академиком. Оставайся». Не уговорил и горько сокрушался, что не смог помешать отъезду Леонида Францевича. Через несколько лет Леонид Францевич узнал, что Виктор Васильевич простудился на охоте, запустил болезнь и скончался. Хоронил его весь Джезказган, его именем названа улица, на кладбище возведён прекрасный памятник. Его сын Владислав Гурба, окончивший Казахский политехнический институт, стал геологом, работал рудничным геологом на комбинате, потом начальником партии, был учеником и последователем Леонида Францевича, всегда радушно принимал его у себя дома и на работе, всячески помогал в проведении научно-исследовательских работ на Джезказгане в конце 1980-х гг. Где-то в 1993 г. Леониду Францевичу его сестра сообщила по телефону, что Владислав скончался от почечной недостаточности. Прервалась ещё одна ниточка, связывающая Леонида Францевича с родным Джезказганом. Последним другом и соратником Леонида Францевича, ушедшим из жизни в 2001 г., был Леня Белявский, с которым он тоже долго и плодотворно работал, и вновь горько переживал такую утрату.

Сатпаев Каныш Имантаевич. О нём Леонид Францевич рассказывал много. Всё не запомнилось, поэтому ниже приведены фрагменты его рассказов о нём. Сатпаев был выдающейся фигурой. Он окончил Томский технологический институт в 1926 г., одним из учителей его был академик М. А. Усов. Ещё во время учебы Сатпаев заболел туберкулезом, вылечили его в казахских степях конским кумысом. Хотя Джезказган отрабатывался ещё древним человеком, а в конце XIX в. английской компанией, основную роль в разведке и вводе в эксплуатацию уникального Джезказганского месторождения сыграл именно Сатпаев. Этим он занимался более 15 лет и добился, чтобы здесь началось строительство крупнейшего в Советском Союзе медного комбината. Уже работая в Алма-Ате в Академии наук КазССР, директором Института геологии, президентом АН, став большим учёным (академиком АН КазССР и АН СССР), он никогда не упускал из виду Джезказган. Львиная доля его научных трудов посвящена разработке многих проблем Джезказганского месторождения, особенно выяснению генезиса его руд. Ярый сторонник гидротермальной гипотезы, других мнений он не терпел.

Каныш Имантаевич был колоритной фигурой: красивый, статный, живые, яркие глаза, крупная голова (когда спускался в шахту, ему не могли подобрать каску, все были малы), густые вьющиеся волосы. Женат на русской, Таисии Алексеевне, у них дочь Меиз Канышевна – доктор наук, апологет идей своего отца. Каныш Имантаевич, весёлый человек широкой натуры, обладал хорошим аппетитом. Рассказывали, что они вдвоём с шофером за вечер с хорошей выпивкой съедали барана, что граничило с обжорством. Предполагали, что наступившая в 1964 г. смерть от рака желудка последовала от его чревоугодия. Тонкий психолог, Сатпаев прекрасно разбирался в людях, ценил их деловые качества. Чтобы привлечь на свою сторону, использовал всё: лесть, хвалу, приглашение домой или на свою дачу на угощение, посулы хорошей работы и заработка. Но если человек с ним не соглашался и шёл против него, то предпринимались интриги, шантаж, увольнение с работы и т. д. Всё это испытали на себе В. М. Попов, Н. С. Мануилова, да и сам Леонид Францевич.

За годы работы в Казахстане Леонид Францевич общался с местным населением, большей частью, конечно, с теми казахами, которые работали на комбинате. Он знал многие их обычаи, немного понимал казахский язык. Знал смешные случаи, анекдоты. Вот один из них: «Встречаются два казаха, один пешком, другой верхом на лошади, которую в поводу

ведёт казашка. Пеший спрашивает верхового: Куда собрался? Конный отвечает: да вот больную жену в больницу везу». У казахов в большом почёте слово «аксакал» – это уважаемый человек. Но не дай бог кого-нибудь обозвать «амсакалом». Леонид Францевич говорил, что никто ему не мог объяснить. что оно означает, но если бы кого-нибудь обозвали этим словом, то можешь нарваться на большую неприятность. Среди казахов были рабочие, горняки, строители, были и руководители: директора шахт, рудников, начальники подразделений. Как и в любом народе на общем фоне тружеников, добросовестных людей, попадались и недалёкие, слабые, тщеславные. Некоторые из таких «горе-руководителей» говорили: «Я пойду работать директором (начальником), но заместителем мне обязательно дайте русского». Один казах-руководитель был особенно никчёмным и уж очень важным (Леонид Францевич не стал называть его имя), и очень высокого мнения о своих достоинствах. Бывало, сидит, развалившись в своём кабинете, заходит молоденькая секретарша с бумагами. Он просматривает их и потом так брезгливо говорит: «Што ты мине пиренесла, бизь подписи, бизь даты, давай иди обратно, потом всё обратно пиринесешь». Но таких были единицы.

О казахах-учёных, таких как член-корреспондент АН КазССР Патчаим Тажибаева, академик и министр Геологии Казахстана Шахмардан Есенов, член-корреспондент Сакен Сейфуллин, профессор Нургазы Нуралин (это всё ученики и сторонники Сатпаева), Леонид Францевич рассказывал много. Когда он работал в Казахстане, все они были его идейными противниками, писали на его работы отрицательные отзывы, потом, когда не стало К. И. Сатпаева и осадочная гипотеза пробила себе широкую дорогу в научном мире, некоторые из них – И. Тажибаева, С. Сейфуллин, уже по-другому стали относиться к Леониду Францевичу, признавали его право на разработку иной теории.

Очень много Леонид Францевич рассказывал о Наталье Сергеевне Мануиловой. Она в своё время окончила Смольный институт, в совершенстве знала английский, немецкий, французский языки, музицировала, прекрасно вышивала и могла делать очень многое. Вышла замуж за Александра Ивановича Верховского, бывшего в 1917 г. военным министром в правительстве А. Ф. Керенского, позднее генералом Красной Армии, преподавателем военной академии. В 1938 г. его арестовали, а Наталью Сергеевну с двумя сыновьями Верховского отправили в Джезказган. Там она пробивалась случайными заработками, чаще всего учила детей работников НКВД, охранявших заключённых. В один из своих приездов К. И. Сатпаев устроил Наталью Сергеевну на работу в экспедицию к В. И. Штифанову. Там она изучала породы и руды под микроскопом. Сидела днями, неделями, месяцами. Не будучи геологом, но тонким наблюдателем, она разобралась во всех нюансах и тонкостях строения Джезказганских пород и руд и написала вначале одну, потом еще две статьи, опубликовала их в Москве и Ленинграде. В них доказывала осадочную природу джезказганских руд, т. е. отличную от сатпаевского взгляда. Тот, узнав об этом, лично приехал в Джезказган и дал указание начальнику экспедиции Штифанову уволить Наталью Сергеевну с работы. Снова она стала зарабатывать на жизнь себе и своим приёмным детям преподаванием языков. В 1955 г. её реабилитировали, дали квартиру в Москве. Без защиты диссертации присвоили звание кандидата химических наук и приняли на работу в лабораторию технической петрографии к академику Д. С. Белянкину. Долгое время Наталья Сергеевна руководила аспирантами. В конце 1970-х гг. мы с Леонидом Францевичем были у неё в гостях, ей было уже за 80, жила она в комнате на подселении в 3-комнатной квартире. Была ещё бодра, играла на фортепиано, говорила, что слабо что-то стала разбираться в квантовой физике. Скончалась она в доме престарелых где-то в 1980 году, когда ей было за 90 лет.

Много рассказывал Леонид Францевич и о Василии Михайловиче Попове, который одним из первых стал разрабатывать осадочную гипотезу на примере Джезказганского месторождения меди, о его мытарствах и гонениях со стороны гидротермальщиков, особенно К. И. Сатпаева. В 1970–1980-х гг. мы с Леонидом Францевичем не раз бывали в гостях у В. М. Попова и его жены Лидии Ивановны, дочери Татьяны во Фрунзе. В Чите собкором «Советской России» работал племянник Василия Михайловича – Евгений Иванович, с которым Леонид Францевич общался здесь. В последние годы Василий Михайлович жил в Москве, где и скончался на 91-м году.

К сожалению, все рассказы Леонида Францевича не записывались, поэтому здесь

отражены только фрагменты, да и то не все, о чём он рассказал.

В последний год жизни, буквально за несколько недель до своей кончины Леонид Францевич всё чаще и чаще с горьким сожалением, с каким-то надрывом говорил мне, что, наверное, уже не сбудется его мечта. Спрашиваю его – какая мечта, Леонид Францевич? Он, задумавшись и глядя куда-то в сторону, отвечал (привожу почти дословно его нижеследующую речь): «А мечта моя – это возродить кафедру геологии и начать подготовку инженеров-геологов. Над этим я работал с самого начала своей деятельности в Читинском политехе. Сколько раз ездил в Министерство, в Госплан, но все мои усилия уходили в песок. А в 1995 году, я считаю, с нами вообще поступили нечестно. Втихаря, без всякой подготовки, без предупреждения (врасплох) в повестке дня в разделе «о разном» поставили вопрос о ликвидации кафедры геологии, которой я отдал более 20 лет жизни. Для меня это был шок. Как же так, на кафедре тогда было семь докторов наук, несколько кандидатов наук, и такую кафедру вдруг решили закрыть. Ты ведь помнишь, два довода привели: 1) на всех не хватает учебной нагрузки; 2) надо укрепить высококвалифицированными кадрами выпускающие кафедры. Никакие наши доказательства, что этого делать нельзя, не возымели действия. Ведь впоследствии ни одного нашего доктора наук не уволили, все были с нагрузкой. Да, нами укрепили кафедру обогащения, гидрогеологии, геофизики. Но разрушили единый цельный организм, закрестили целое научное направление в нашем университете. Сейчас я уже чувствую, что геологи остро необходимы, ведь геология и горное дело в области потихоньку возрождаются. Старые кадры ушли, а молодых-то нет. Вот последствия того недальновидного решения».

Спрашиваю его: каковы же на ваш взгляд причины столь рокового решения? Он опять задумался и потом сказал: «Думаю, причина мелочная, амбициозная, личная. Ты ведь помнишь, что при выборах нашего ректора и декана горного факультета мы голосовали, за других лиц. Хотя нам обещали, что инакомыслящих преследовать не будут, однако давление на нас было. В первые годы я это на себе чувствовал, а тебе, Леша, думаю сполна пришлось испытать это давление. Ты ведь помнишь, что твою фамилию отовсюду вычёркивали, когда касалось каких-то наград или отправки в командировки. Особенно это наглядно проявилось, когда твои документы на представление к заслуженному работнику высшей школы просто потерялись. Или тебя не пустили на Всероссийский съезд геологов, хотя такую квоту персонально для тебя выделил Читагеолком».

Далее спрашиваю его: «Леонид Францевич, как Вы вообще относитесь к введению в нашем университете директорского корпуса?». Свои размышления он начал издалека. «Ты помнишь при Ю. В. Кулагине в нашем институте было около 12 тыс. студентов, а всей сложной жизнью в период его становления и развития управляли: ректор, наш уважаемый Юрий Вениаминович, три проректора – Фатьянов Альберт Васильевич, Бычков Владимир Яковлевич, Картузов Владимир Николаевич, 4 декана, один главбух Абуазаров и заведующие кафедрами, и все. А сейчас при нынешнем количестве студентов, что мы имеем? Ректора, 7 проректоров, 8 директоров, 16 деканов, свыше 50 зав. кафедрами, да у каждого есть замы, помощники. А сколько всяких управлений, отделов, центров, секторов в университете, я просто сбился со счёта. Ведь это же всё чиновники и всем им надо платить и хорошо платить. В крупнейшем в России МГУ, где свыше 30 тыс. студентов, как была с древнейших времён управленческая цепочка: ректор – декан – зав. кафедрой, так и осталась, все чётко и ясно. Не понимаю я этого, видимо, уже устарел и отстаю от жизни». Далее он добавил, что лично очень доволен и удовлетворён тем, как к нему относится руководство университета и горного института, во всём чувствует поддержку, ему даже кажется, что такого благожелательного отношения к себе не заслужил, но ему обидно за меня. Я ему ответил, что не стоит так переживать, что у нас в университете много достойных людей работает без наград и званий. Что же касается меня, то мне тоже жаль, что нет кафедры геологии, и мы не готовим геологов, и что силы уже не те и многое уже сделать не удастся. Еще он мне оказал: «Я знаю, что ты пишешь обо мне и других и, думаю, напишешь, когда меня не станет. Так вот я тебя очень прошу, изложи все, что я тебе наговорил, это просто необходимо». Сказал, как будто чувствовал, что жить осталось совсем немного.

7. Юбилеи. Характеристика жизни Леонида Францевича будет неполной, если не осветить хотя бы вкратце его юбилейные даты. В

Чите он отметил свои 50, 60, 70, 75 и 80 лет. И каждая эта дата итог его работы, подведение определённых достижений и упущенных возможностей, в эти даты особенно остро тайно или явно познаётся проявление отношений к юбиляру его коллег, сослуживцев, товарищей, находящихся рядом и в разных краях нашего Отечества.

Самым скромным было 50-летие. Сохранилось всего два документа: приказ по ЗабНИИ от 14 сентября 1971 г., подписанный Р. С. Сейфуллиным (от имени директора В. И. Лозовского), в котором очень кратко перечислены биографические данные его трудовой деятельности с 1937 по 1971 гг. – от мл. геодезиста до зав. лабораторией ЗабНИИ. Сказано, что своё пятидесятилетие Леонид Францевич встречает завершением докторской диссертации. В связи с 50-летием и отмечая плодотворную деятельность в изучении месторождений медистых песчаников, директор ЗабНИИ приказал «объявить тов. Наркелюну Л.Ф. благодарность».

А вот сотрудники ЗабНИИ – 17 человек плюс Василий Михайлович из Фрунзе, отозвались замечательным посланием в адрес Леонида Францевича, в котором тепло и с юмором отразили его достижения на тот период: «Дорогой Леонид Францевич. Вам сегодня 50. За это время всесильные Bacterium desulftuvikante не могут создать и миллионной доли тех руд медистых песчаников, которые прошли через Ваши руки, сердце и мозг. Начав с измерения поверхности Земли и не удовлетворившись этим, Вы заглянули в её глубины, где Вам сразу же удалось обнаружить огромные лапы животин, утолявших когда-то жажду в медьпересыщенных седиментационных ловушках. Эти следы увели Вас из Джезказгана в протерозойские дельты Удокана, а от них к палеозойским красноцветным пустыням, равнинам, морям и лагунам Сибири. И всюду не ускользали от Вашего любознательного взгляда из-под очков –3 диоптрия плюс оптика МИН-9 следы меди. Пройдя по этим сероводородным илистым осадкам, вдоволь “насладившись” комариными песнями, ежедневными восхождениями на горы Удокана и Кодара, благотворно отразившиеся на Вашем весе и фигуре, и оглядевшись вокруг, Вы вдруг обнаружили, что обеими ногами стоите на огромном медном поясе, наречённом впоследствии Восточно-Сибирским, весьма перспективном на обнаружение других Удоканов. Устремив свой взор в другие дали, Вы поняли, что скрывавшиеся за горизонтом медные руды Замбии, Альтиплано и много других руд разбросано по орогенам и краевым прогибам платформ. С Вашими путевыми заметками о путешествии в глубины веков с удовольствием знакомили своих читателей “Литология и полезные ископаемые”, “Доклады АН СССР”, “Советская геология”, “Природа”, местная пресса. Вы подробно рассказали о реках, несущих медь в подводных руслах, барах, о классовой борьбе металлов за серу и ещё о многом важном и полезном, скромно умолчав при этом о всех препятствиях, чинимых Вам на пути. Испытав различные научно- и административно-тектонические воздействия, Вы сохранили так же, как и медистые песчаники после метаморфизма, свои первичные признаки осадочника и закаленным в этой нелегкой борьбе пришли к своему юбилею лидером сибирских осадочников, неся, как знамя, свою докторскую диссертацию. Пусть и впредь не иссякает Ваша энергия и новые открытия предстанут перед Вами, а накопленные Вами познания в медицине помогут бороться с разными недугами своими и ближайших сотрудников».

60-летний юбилей вместе с 40-летием его трудовой деятельности отмечен был очень широко. В адрес Леонида Францевича поступило свыше 90 приветственных адресов, писем, открыток, телеграмм. Читал их он находясь на больничной койке – в то время у него сильно болело сердце.

Не вдаваясь подробно в рассмотрение всех поздравлений, перечислим полностью тех лиц, которые их направили, и те организации, от которых они поступили. Обилие этих посланий лишний раз подчёркивает тесную связь Леонида Францевича с широким кругом учёных, работавших в самых разных уголках нашей необъятной страны.

Приветствия прислали: заместитель Министра Геологии СССР В. Н. Волков; профессора, доктора наук: В. И. Бгатов, Ю. П. Казанский, Р. Г. Матухин, В. Н. Холодов, Д. Г. Сапожников, В. А. Нарсеев, Г. Н. Бровков, А. Е. Мирошников, П. М. Хренов, Н. П. Хожаинов, В. С. Домарев, Д. П. Григорьев, А. А. Недешев, Э. А. Буренков, Н. С. Скрипченко, И. А. Вылцан, В. А. Парначев, Ю. В. Богданов, С. А. Вахромеев, Г. Ф. Крашенинников; кандидаты наук: В. А. Глыбовский, Б. Б. Сюсюра, А. А. Сальников, М. С. и А. А. Шнайдеры, Г. Е. Шинкарев, Н. В. Пучков, Е. С. Зорин, А. Д. Гончар, М. Д. Шпора,

И. В. Плещенко, А. А. Тычинский, В. М. Федотова, Ю. П. и В. П. Безродных, Н. М. Митряева, Г. Б. Паталаха, Р. Ф. Фатиков, В. П. Феоктистов, В. И. Лузин, С. С. Красинец, В. В. Андреев, В. В. Залуцкий, А. В. Внуков, А. М. Портнов, Ю. В. Онищук, И. П. Дружинин, И. М. Беспалов, А. М. Котельников, Ю. И. Симонов; академики, члены-корреспонденты АН СССР и союзных республик: Е. И. Шемякин, В. И. Ревнивцев, В. М. Попов, В. И. Попов, Е. А. Кулиш, П. П. Тимофеев, Н. Н. Нуралин, П. Т. Тажибаева, Ф. П. Кренделев; руководители горнорудных предприятий, главные геологи, горняки, механики: И. С. Бредихин, Г. Д. Младенцев, В. В. Петухов, В. Н. Каверзин, А. А. Селедков, Л. П. Завьялов, Т. А. Терехина, Н. К. Бадаев.

В коротких и длинных телеграммах-поздравлениях отмечены большая роль в развитии науки и педагогики, пожелания новых успехов, здоровья, счастья на долгие годы.

Во всех приветственных адресах отмечалось:

1. Огромные достижения Леонида Францевича в изучении двух гигантов месторождений Джезказгана и Удокана и вообще медистых песчаников мира, в установлении закономерностей их размещения, условий формирования и практическом воплощении полученных теоретических разработок

2. Большая организаторская и связующая роль в создание школы стратиформного рудообразования в Советском Союзе и в Забайкалье.

3. Большие успехи в педагогической деятельности в роли доброго и требовательного учителя и наставника.

4. Умение работать с людьми, организовывать работоспособный коллектив, создавать вокруг себя деловую атмосферу и способность увлечь любимым делом.

5. Большой вклад в организацию и создание геолого-минералогического музея ЧитПИ.

6. Основные черты его натуры: кропотливый упорный труд, энциклопедические знания, терпение, целеустремленность, твёрдая вера в успех дела, честность, принципиальность, настойчивость, доброжелательность, терпимость к инакомыслию.

7. Активная жизненная позиция как члена КПСС, в рядах которой находится свыше 20 лет, постоянное выполнение важных и ответственных поручений областной, городской, районной и институтской парторганизаций.

75-летний юбилей Леонида Францевича отмечался скромно. Приветствия прислали:

– глава Администрации Читинской области Р.Ф. Гениатуллин с вручением почётной грамоты (постановление № 611 от 11 сентября 1996 г.);

– председатель Читинской областной думы, д-р геол.-минерал. наук В.Е. Вишняков;

– ректорат и профком ЧитГТУ (Ю. Н. Резник, Н. Я. Добрынина);

– деканат горного факультета и кафедра обогащения – коллектив преподавателей, аспирантов, студентов, учеников;

– Комитет по геологии и использованию недр Читинской области от имени всех геологов Забайкалья;

– коллектив ЗабНИИ Минприроды РФ;

– руководство и сотрудники Казанского ЦНИИГЕОЛНЕРУД (доктора наук Н. Н. Ведерников, Р. М. Файзуллин и др.);

– ГП Забайкалзолоторазведка;

– гуманитарный факультет ЧитГТУ пожелал Леониду Францевичу безоблачного неба (лазурит), крепкого здоровья (нефрит), светлой жизни (горный хрусталь), здоровья, подкрепив всё это мелкими полировками и кабошонами указанных цветных камней;

– кафедра гидрогеологии и инженерной геологии ЧитГТУ пожелала процветания геологической науки в нашем университете;

– деканат строительного факультета ЧитГТУ;

– Читинский институт Иркутской государственной академии;

– кафедра РМПИ ЧитГТУ;

– ректорат Иркутского ГТУ;

– Новосибирский институт СНИИГГИМС;

– геологический факультет Новочеркасского ГТУ;

– Украинский литологический комитет (Е. Ф. Шнюков, Д. П. Хрущев);

– сотрудники Московского института ИГЕМ АН России;

– ректорат Кыргызского горно-металлургического института (академик НАН Кыргызстана У.А. Асаналиев);

– Красноярский институт СНИИГГИМС (доктора наук Г. Н. Бровков, А. Е. Мирощников);

– Новороссийский институт геохимии биосферы (академик В. А. Алексеенко);

– кафедра динамической геологии Томского ГУ (профессор И. А. Вылцан);

– Областной совет ветеранов;

– совет ветеранов ЧитГТУ.

Леонида Францевича лично поздравили профессор А. Б. Птицын, доктора наук Ю. В. Богданов и В. П. Феоктистов из Санкт-Петербурга; семейство Мязиных, Б. Я. Дембовский из Воркуты.

В 80-летний юбилей пришло гораздо меньше поздравлений, чем в прежние годы. Объяснение этому только одно: многие его друзья, коллеги, соратники ушли уже в мир иной, а продолжателей просто стало меньше по причине развала геологической отрасли в нашей стране в годы «демократической» перестройки. Зато здесь в Чите чествование юбиляра было очень торжественным, многолюдным и весёлым. В банкетном зале были многочисленные поздравления, зачитаны все поступившие приветственные адреса, письма и телеграммы.

Нельзя обойти вниманием ещё один юбилей – это 50-летие супружеской жизни Евгении Николаевны и Леонида Францевича. Отмечался он 12 мая 1995 г. в домашней обстановке. На него откликнулись яркими и тёплыми поздравлениями ректорат, профком, совет ветеранов Читинского госуниверситета и коллектив кафедры геологии. Руководство университета писало: «Вы соединили свои сердца весной, той суровой и прекрасной весной Победы, когда ликовала вся природа и все человечество. Пусть и этот день, торжественный и чудный, запечатлится навсегда в Вашей памяти, как тот весенний день 50 лет назад. Пусть жизнь Вашу переполняет счастье, как русло рек весенняя вода».

После присуждения в 1986 г. Государственной премии СССР Леонид Францевич получил 45 телеграмм. Его поздравили Министр высшего и среднего специального образования СССР Г. А. Ягодин, Министр высшего и среднего специального образования РСФСР С. Ф. Образцов, зам. начальника Главного Управления Минвуза РСФСР В. М. Лаптев, учёный секретарь Комитета по Ленинским и Государственным премиям профессор В. Н. Четвериков; чл.-корр. АН СССР Н. П. Лаверов; 1-й секретарь Читинского ОК КПСС Н. И. Мальков, председатель Читинского облисполкома Г. В. Попов, 1-й секретарь Центрального РК КПСС г. Читы Ю. Н. Голубинский; коллеги по лауреатству: У. Асаналиев, В. М. Попов, В. С. Домарев, Ю. В. Богданов, Э. И. Кутырев, Н. С. Скрипченко, В. И. Смирнов, Р. Цой; друзья и соратники из ближних и дальних мест. Все пожелали ему новых успехов, крепкого здоровья, подчёркивали, что присуждение Госпремии – это признание и победа теории осадочного рудогенеза в геологической науке.

В материалах-воспоминаниях много поучительного, в них краткие страницы нашей истории, в первую очередь истории геологических исследований нашей огромной страны. Эти материалы свидетельствуют о разносторонних и глубоких связях Леонида Францевича с множеством людей – специалистами своего дела. Он жил интересами нашей страны, решал множество малых и больших дел, всегда был на передовых позициях геологической науки, практическом воплощении научных разработок. Его мнением интересовались, к нему прислушивались. Леонид Францевич общался «вживую» со множеством специалистов, по работе в различных организациях, на конференциях, совещаниях, и это ещё более укрепляет нас в убеждении, что он был разносторонним человеком, высоко квалифицированным специалистом, умело использовал свои глубокие знания в научной, практической, учебной работе; был человеком передовых идей, успешно их развивал и в то же время человеком своего времени со всеми его катаклизмами. На его долю выпали тяжёлые и трудные испытания, он познал тяжёлые муки творчества, но и испытал чувство удовлетворения от полученных результатов. Его запомнят доброжелательным и отзывчивым, великим трудягой, целеустремленным исследователем, принципиальным человеком, твёрдым в отстаивании научных интересов.

Список литературы

1. Геология и полезные ископаемые Забайкалья. Чита: Забайкал. компл. науч.-исслед. ин-т, 1967. 103 с.

2. Геология и разведка месторождений полезных ископаемых Забайкалья: сб. науч. тр. Чита: Забайкал. компл. науч.-исслед. ин-т, 1968. 191 с.

3. Стратиформные месторождения цветных металлов. Чита: Изд-во Забайкал. фил. геогр. о-ва, 1971. 96 с.

4. Осадочные формации Сибирской платформы и Забайкалья. Иркутск: ИГУ, 1978. 67 с.

5. Процессы осадочного и вулканогенно-осадочного накопления цветных металлов (Сибирь и Дальний Восток). Новосибирск: Наука, 1980. 160 с.

6. Стратиформные месторождения: сб. науч. тр. Чита: ЧПИ, 1982. 140 с.

7. Удокан. Природные ресурсы и их освоение. Новосибирск: Наука, 1985. 117 с.

8. Проблемы стратиформных месторождений: тезисы межрегион. конф. по стратиформным месторождениям: в 2 ч. Чита: ЧПИ, 1990. Ч. 1. С. 124–126.

9. Справочное пособие по стратиформным месторождениям. М.: Недра, 1990. 391 с.

10. Первая научная конференция по геолого-технической изученности и повышению эффективности обогащения минерального сырья: материалы конф. Чита: ЧитГТУ, 1997. 80 с.

11. Первая научно-техническая конференция, посвященная открытию Горного института: материалы конф.: в 2 ч. Чита: ЧитГТУ, 1998. Ч. 1. 128 с.

12. Вторая научно-техническая конференция, посвященная 25-летию Горного факультета (института): в 2 ч. Чита: ЧитГТУ, 1999. Ч. 1. 166 с.

13. Третья научно-техническая конференция Горного института: материалы конф.: в 2 ч. Чита: ЧитГТУ, 2000. Ч. 1. 130 с.

14. Комплексное использование минерального сырья: метод. указания к выполнению практ. работ. Чита: ЧитГТУ, 1999. 32 с.

15. Вещественный состав и обогащение руд и россыпей Восточного Забайкалья. Чита: Поиск, 2001. 323 с.

16. Безродных Ю. П., Трубачев А. И., Юргенсон Г. А. Закономерности локализации руд Удоканского месторождения меди. Чита: ЗабНИИ, 1966. 615 с.

17. Безродных Ю. П., Трубачев А. И., Юргенсон Г. А. Медистые песчаники южного обрамления Сибирской платформы. Чита: ЗабНИИ, 1970. 795 с.

18. Безродных Ю. П., Трубачев А. И. Строение, условия образования и меденосность удоканской серии Кодарского хребта. Чита: ЗабНИИ, 1971. 78 с.

19. Безродных Ю. П., Салихов В. С., Трубачев А. И. Литолого-фациальная и геохимическая характеристика отложений удоканской серии Сюльбанского и Намингинского районов. Чита: ЗабНИИ, 1972. 202 с.

20. Безродных Ю. П., Трубачев А. И. Изучение осадочных толщ некоторых районов Кодаро-Удоканской зоны с целью их прогнозной оценки на медь. Чита: ЗабНИИ, 1972. 203 с.

21. Трубачев А. И. Минералогия и геохимия оруденения медистых песчаников Удоканского рудного района. Чита: ЧитПИ, 1977. 125 с.

22. Трубачев А. И., Салихов В. С., Астахов Р. Я. Закономерности размещения технологических сортов руд удоканского месторождения как факторы прогноза. Чита: ЧитПИ, 1980. 470 с.

23. Изучение золотоносности медистых песчаников Удокана с целью определения баланса распределения меди и серебра по минеральным формам / А. И. Трубачев, В. С. Салихов, П. П. Петровский [и др.]. Чита: ЧитПИ, 1982. 280 с.

24. Трубачев А. И., Салихов В. С., Фатиков Р. Ф. Факторы локализации крупных стратиформных месторождений меди: промежуточный отчет. Чита: ЧитПИ, 1989. 476 с.

25. Факторы локализации оруденения крупных стратиформных месторождений меди – окончательный отчет / А. И. Трубачев, В. С. Салихов, У. А. Асаналиев [и др.]. Чита; Фрунзе: ЧитПИ: ФПИ, 1992. 716 с.

26. Трубачев А. И. Геолого-промышленная оценка цветного камня и отходов горного производства Забайкалья. Чита: ЧитГТУ, 1995. 200 с.

27. Трубачев А. И., Федоров В. П. Геолого-минералогические критерии обогащения руд: отчет по теме ГБ-4. Чита: ЧитГТУ, 2001. 124 с.

Мария Леонидовна Наркелюн,
дочь Леонида Францевича

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

IN MEMORY OF THE FATHER

Представлены краткие воспоминания Марии Леонидовны Наркелюн – дочери Наркелюна Леонид Францевич, а также воспоминания о детстве, проведённом в Джезказгане. Рассказано о жизни отца, матери, дедушки и бабушки Леонида Францевича, о его трудовой и научной деятельности, о защите кандидатской и докторской диссертаций.

Ключевые слова: Наркелюн Мария Леонидовна, Наркелюн Леонид Францевич, Наркелюн Франц Христофорович, Джезказган, первый кандидат наук в городе Джезказгане

Brief memories of Narkelun Maria Leonidovna – the daughter of Narkelun Leonid Frantsevich, as well as memories of childhood spent in Dzhezkazgan are presented. It tells about the life of Leonid Frantsevich's father, mother, grandfather and grandmother, about his work and scientific activity, about his working and presenting Candidate's and Doctoral dissertations.

Keywords: Narkelyun Maria Leonidovna, Narkelyun Leonid Frantsevich, Narkelyun Franz Khristoforovich, Dzhezkazgan, the first candidate of sciences in the city of Dzhezkazgan

Говорят, что о близких родных людях писать легко, но мне почему-то тяжело писать о папе, видимо потому, что писать в прошлом времени: был, вспоминал и т. д.

Сколько себя помню с детства, столько помню и своих родителей. О папе с детства в памяти – сидит, склонившись за столом, и что-то пишет или печатает на машинке. Если я встаю ночью, то горит лампа, а папа сидит за столом и пишет. Писал он с большим напряжением, тяжело, как-то интересно выворачивая руку, это объясняется тем, что он был переученный левша. Я в детстве думала, что работать – это значит работать на работе, приходить домой и продолжать работать.

Папа родился 14 сентября 1921 года на станции Курман Кубельчи в Крыму, сейчас Симферополь, в простой семье с небольшим достатком. Его мама эстонка, девичья фамилия Абе, малограмотная женщина православного вероисповедания (хотя эстонцы, в основном, лютеранской веры). Во время гражданской войны она уехала из Эстонии в Россию. Папа его по национальности литовец – Наркелюн Франц Христофорович. Папа рассказывал о моём деде как об умном, талантливом человеке с удивительной способностью к изучению иностранных языков. Он знал свой литовский язык, русский; когда познакомился с моей бабушкой, изучил эстонский язык; понадобилось для работы – овладел польским. При жизни папы семья жила в достатке. В 9 лет умер его отец. После вскрытия патологоанатом сказал маленькому папе, что он никогда не видел такого огромного мозга со столькими извилинами, что его отец был очень умным человеком. Без деда семья очень бедствовала и голодала.

Наша фамилия Наркелюн. Мои родители много ездили по Советскому Союзу, были во многих странах, но нигде никогда не встречали людей с такой фамилией. Из бабушек, дедушек я знала только одну бабушку – маму моего папы. Истинная эстонка на внешность и всю жизнь говорила с акцентом. В эстонском языке нет разделения по родам, поэтому она внуку могла говорить – она, а мне – он, хотя прожила в России 60 лет и почти забыла свой родной эстонский язык. Когда в 1970–х годах мы делали в квартире ремонт, на полу у нас были постелены доски, чтобы не ходить по крашеному полу, бабушка пошла и упала; она заболела и после этого вдруг заговорила на эстонском языке, с трудом вспоминала русские слова. Бабушка очень гордилась своим сыном и всегда старалась, чтобы всё самое лучшее, самое вкусненькое досталось именно ему. Бабушка умерла в 1979 г. в возрасте 86 лет.

Папа рассказывал, что в школе самым любимым его предметом была география. Учился он неважно, но по географии всегда только на «5», любовь к географии привил его

любимый учитель, он даже называл его фамилию, имя, отчество.

У него удивительная память. Он не знал и не помнил моих одноклассников, друзей, но то, что ему надо, на всю жизнь откладывалось в памяти. Он помнил своих преподавателей по имени, отчеству с детства и, конечно же, всю свою работу. Такое впечатление, что его мозг выборочно сразу отметал, что ему не нужно и оставлял только то, что нужно.

По окончании 8 классов в городе Курске, куда они переехали со своей мамой, он знал, что ему надо учиться в учебном заведении, где были предметы, начинающиеся с Гео-, о Земле. Поехал со своим другом в Москву и поступил в Автодорожный техникум. После окончания курса геодезии в техникуме на «5» иногда оставался вместо преподавателя для объяснения предмета студентам младшего курса. Не помню – почему он не закончил техникум. Из Москвы поехал в Джезказган по набору работать на шахте, его мама переехала к нему.

В 1941 году началась война, папа оббивал пороги в военкомате, но ему сказали, что для фронта он нужен здесь, чтобы он больше не появлялся у них, и выдали бронь.

Папа продолжал работать, пошёл учиться в вечернюю школу рабочей молодёжи, где и встретил мою маму. Без рассказа о маме у меня не получаются воспоминания о папе. Мама была репрессирована по национальному признаку (немка) и выслана из Самары в Джезказган. В Самаре закончила два курса педагогического института, так как они со своей мамой жили очень бедно, ей пришлось бросить институт и окончить курсы коллекторов. Она уже работала, когда за ней пришёл работник НКВД и сказал, что она должна собраться в течение 24 часов и её выселяют в Джезказган. Все 24 часа он ходил за ней, пока она увольнялась, получала зарплату и собирала вещи, затем их погрузили в телячьи вагоны и повезли в Джезказган. Её мама, хотя она не была выслана (она русская, а национальность у моей мамы по отцу), поехала с ней, вскоре после переезда её мама (моя бабушка) умерла. В Джезказгане мама устроилась на работу в систему Гулага, но пришёл приказ, что немцам нельзя работать в этой системе, её уволили, и она с большим трудом устроилась работать на шахту. Потом пошла учиться в вечернюю школу рабочей молодёжи – то ли у неё был потерян аттестат или по какой другой причине – я не знаю. И вот они встретились в этой школе. Папа любил рассказывать, как они встретились. Маму вызвали к доске решать задачу по математике, и когда мама начала решать задачу, папа не мог оторвать от неё взгляда. Он часто говорил: «Она была в математике как Бог, я сразу в неё влюбился». Они стали дружить, папа встречал маму с работы, для этого надо было идти по голой безлюдной степи 2 км. Потом они договорились, что поженятся сразу после окончания войны. 9 мая 1945 года закончилась война, а 12 мая 1945 года они поженились. Свадьба была скромной, они стали жить вместе в одной комнате втроем (мама, папа и бабушка).

В 1946 году у них родилась первая дочь Таня, умерла рано, ей было всего 2 годика. В 1950 году родилась дочь Надя, в 1952 – сын Олег, а в 1954 появилась на свет я. Папа в 1948 году поступил учиться во Всесоюзный заочный политехнический институт, не имея на руках аттестата зрелости. Он рассказывал, что так заморочил там головы преподавателям, что они его приняли в институт без аттестата зрелости. И только на 5-м курсе выяснилось, что он заканчивает институт, не имея аттестата. Пошёл в вечернюю школу, где учился до этого, сдал экзамены, и ему выдали аттестат. Когда он приехал дипломироваться в институт, ректор захотел посмотреть на студента, который умудрился поступить, не имея аттестата, да еще заканчивает институт с отличием, вызвал его к себе и пожал руку. В 1953 году он первый в Джезказгане заканчивает заочно институт и получает диплом. Диплом отличный, знания крепкие и поэтому ему поступало много предложений о работе из разных регионов Советского Союза. Но так как мама была репрессированной, она не могла никуда ехать, к тому же через определённое время отмечалась в комендатуре, об отъезде не могло идти речи. Семья осталась в Джезказгане.

Папа быстро продвигался по службе, но ему всё ещё не хватало знаний, тогда он занялся наукой. Проведя научно-исследовательские работы и проанализировав их, он пришёл к своей научной точке зрения насчёт образования горных пород на Земле. В это время в Джезказгане работал известный учёный Сатпаев, который в будущем возглавит Академию наук Казахской ССР. Папина научная точка зрения была диаметрально противоположна точке зрения Сатпаева. Сколько ни склонял его Сатпаев придерживаться его гипотезы, папа стоял на своём. В детстве мне мама объясняла это так: смотри – вот блюдечко, оно

белое с чёрными горошками. Папа смотрит на него и говорит – это блюдечко белое с чёрными горошками, а самый главный говорит – нет, это чёрное блюдечко с белыми горошками и все вокруг кивают головами. Этим она хотела сказать, насколько папа принципиален (это я поняла позже).

Папа готовит кандидатскую диссертацию, которую блестяще защищает в Москве в 1961 году. На диссертационную работу у него 33 прекрасных отзыва и один отрицательный – жены Сатпаева. Мама в Москве вместе с папой, она всегда была рядом с ним и помогала ему во всём. Он ей был благодарен, даже говорил, что мама умней меня, но так сложились обстоятельства, что мы не могли вместе учиться, так как уже была большая семья. Мама тоже рассказывала о защите диссертации. Когда защита диссертации уже прошла, все остались и чего-то ждут, а они не знали, что после защиты обычно диссертант устраивает банкет и тут ей кто-то шепчет – а где будет банкет? Мама растерялась, но тут же побежала, что могла, купила и устроили здесь же банкет. Домой приехали без денег. Папа стал работать главным геологом рудоуправления. Он был первым кандидатом наук в городе Джезказгане.

В это время в Чите открылся Забайкальский научно-исследовательский институт и папу пригласили работать в Читу. Вся семья – 6 человек (папа, мама, бабушка и 3 детей) в разгар зимы едет через всю Россию в поезде 6 суток. В Чите нам предоставили 3-комнатную новую квартиру по улице Новобульварной, через год освободилась квартира сталинской планировки (побольше) и мы переехали туда. Многие говорили, что у нас большая квартира, а мы жили так: одну комнату занимал папа (там у него был и кабинет, и спальня); одну – бабушка, а мы вчетвером жили в одной комнате, в этой комнате стояли одни кровати, а на ночь раскладывались раскладушки. В это время у папы была любимая поговорка – Вот куда я вас привёз, на что мама говорила – да что здесь хорошего? Мама не любила Читу, а папе было хорошо, так как у него была любимая работа и неполностью изведанный Удокан. В это время папа работал начальником отдела, зам. директора и директором ЗабНИИ.

Ещё мне мама рассказывала о такой папиной черте, если папа начинал что-нибудь коллекционировать, он собирал всё. Ещё в Джезказгане он начал собирать марки – он собирал марки всех стран мира и на все темы, он был неистовый. В него пошла его старшая дочь Надя, которая была большой умницей, но, к сожалению, она рано умерла – в 45 лет.

В 1971 году папа защищает докторскую диссертацию и уходит из ЗабНИИ, у него не сложились отношения с директором института. Когда папа приходит к директору филиала Иркутского политехнического института Юрию Вениаминовичу Кулагину устраиваться на работу, тот задаёт ему вопрос: – А Вы кандидат наук? Папа ответил – Я доктор наук. Тогда Кулагин обрадовался и сказал, что возьмет «с руками и ногами». Юрий Вениаминович всегда шел навстречу папе по любым вопросам. Когда организовывали музей, он отправлял работников в командировки, выделял большие деньги на покупку образцов и сувениров из камня для музея. И всегда рядом с папой была его верная спутница – супруга Евгения Николаевна, его ученики и друзья А. И. Трубачев, В. С. Салихов, Зиновьев Ю., его коллеги С. М. Синица, М. С. Кириллова и многие другие.

Когда Кулагин узнал, как тесно мы живем, он предложил папе квартиру на расширение, но папа отказался, сказав, что в институте столько работников, нуждающихся в жилье, как я могу на это согласиться … он всю жизнь был бессеребренником.

Лет в 55 у папы проявилась огромная тяга к классической музыке. Хотя, как выяснилось позже, он её любил всегда, ещё ребенком. Ходил на концерты классической музыки, оперу и стал собирать пластинки, как всегда неистово. За небольшой промежуток времени он собрал 2500 пластинок, ему не хватало знаний в этой области, и он поступает в заочный институт культуры на отделение «теория музыки», который успешно заканчивает с отличием.

В это время они с мамой почти каждый год ездят отдыхать за границу и по Советскому Союзу и отовсюду идут посылки с пластинками. Наши туристы везут с собой икру лососевую и осетровую, утюги, чтобы обменять за границей на вещи, мои родители ездят налегке. Мама в это время собирала марки, а папа пластинки и вот одна туристка задаёт вопрос папе: «Как Вы можете позволять Евгении Николаевне покупать марки?». Денег меняли очень мало и все старались купить «тряпки». Для него этот вопрос был просто непонятен. Они покупали то, что их интересовало. Маму – марки, папу – пластинки.

Когда мы учились в школе, всеми школьными делами занималась мама. Когда мы

сильно хулиганили и терпение учителей лопалось, тогда они говорили – пусть придёт отец! Мама говорила об этом папе. На что он отвечал: «Ты начала воспитывать, вот и воспитывай».

Он проявлял большой интерес к философским наукам и религии. В 60 лет поступает в Российский открытый университет на отделение философии, пишет статью о буддизме. Приходит хороший отзыв на его статью, и его приглашают быть редактором журнала о религии.

В 1980-х годах папе дают льготу на заказ книг, как профессору, (тогда книги были дефицитом) и он покупает и покупает книги – художественные, по философии, по искусству, по музыке. Папа очень часто говорил: «Как жалко, что жизнь такая короткая, уменя столько непрочитанных книг и я не успею их прочитать».

Когда я училась заочно в институте, у меня родился ребенок. Тут и работа, и учеба, и ребёнок, и дом – мне, конечно, было тяжело, папа, несмотря на свою загруженность, написал мне несколько контрольных работ (точные науки я делала сама, а он писал по философии, истории). Я ему очень благодарна за это.

Папа всю жизнь очень любил маму, вместе они прожили около 57 лет. Он хотел куда-нибудь ехать или идти только с ней. Когда мама уже не могла ехать на курорт, папа поехал один, я к нему ездила проведать его. Он жаловался, что ему очень скучно. Приехав домой, он больше на курорт никогда не ездил.

Когда мы потеряли нашу любимую мамочку, это была невосполнимая утрата, мама была душой и опорой нашей семьи. Я не могла представить, как папа переживет такое горе. Когда прошло время, папа сказал мне: «Как хорошо, что ты есть у меня, я не представляю, как я выжил бы, если б не было со мной тебя». Он говорил про маму, что порядочней женщины он в жизни не встречал.

Когда папа писал последнюю книгу об алмазах, он время от времени говорил мне – ты не представляешь, как тяжело добывать алмазы, он всё ещё постигал что-то новое. Мне кажется, что Леонид Францевич добился бы высоких результатов в любой специальности, потому что всегда интересовался всем новым, много читал и был трудоголиком.

Папу положили в больницу в конце октября 2005 года, а 11 ноября выписали из больницы в очень плохом состоянии, я никак не могла застать врача, чтобы поговорить с ним. У него была страшная одышка, он говорил об этом врачу, но его всё же выписали. 11 ноября я привезла его домой на такси, он шёл по лестнице и отдыхал на каждой ступеньке (задыхался). Уже дома, чуть пошевелится и задыхается, сядет на кровати и говорит: «Как же меня можно было выписывать, ведь я такой больной, я же ей говорил». Больничный лист был закрыт 11 ноября, а с 12 ноября надо было выходить на работу. 12 ноября была суббота, а в субботу он всегда мылся, я его уговаривала не мыться, но он был упрямым и педантичным, его нельзя было уговорить. Он помылся, оделся, открыл дверь из ванной комнаты и крикнул меня. Я подбежала, он стал садиться на пол, пытался встать, но не мог, сознание уходило от него. Я рыдала, целовала его, крикнула своему сыну, чтобы он вызывал скорую помощь – умирает дедушка. Он позвонил Асе – внучке, Алику – сыну всех вызвал. Скорая приехала быстро, но как ни старались, они не смогли его реанимировать. В течение получаса папы не стало. Сын и внучка его живым уже не застали.

Папа даже не думал о смерти, у него было очень много задумок, планов. Мне кажется, он даже в тот момент не понял, что умирает.

У меня такое представление о своих родителях, что они жили всю жизнь добропорядочно, честно и умерли, как два ангела, чтобы никому не доставлять забот.

Мы очень благодарны администрации университета и ректору Ю. Н. Резнику, администрации горного института и директору П. Б. Авдееву, кафедре ОПИ и зав. кафедрой В. П. Мязину, а также всем нашим друзьям, которые помогли в трудную минуту и разделили горечь нашей утраты, достойно проводили в последний путь нашего дорогого любимого папу.

Некоторые знают генеалогическое древо своего рода, мы знаем только четыре современных поколения нашей семьи. Мне моя семья представляется как гора, у подножия которой волею судьбы были наши бабушки и дедушки, а пиком этой горы был Леонид Францевич, его дети по склону ниже, хотя выросли порядочными, честными, образованными людьми, а внуки ещё ниже. Говорят, природа отдыхает на детях, наша природа отдыхает на внуках, но мы надеемся, что в будущем в нашей семье вырастет гряда гор, вершины которых будут всё выше и выше.

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ ОБ УЧЁНОМ, ПЕДАГОГЕ, ПРОИЗВОДСТВЕННИКЕ, ОБЩЕСТВЕННОМ ДЕЯТЕЛЕ ЛЕОНИДЕ ФРАНЦЕВИЧЕ НАРКЕЛЮНЕ

MEMORIES OF COLLEAGUES ABOUT THE SCIENTIST, TEACHER, INDUSTRIAL WORKER, PUBLIC FIGURE LEONID FRANTSEVICH NARKELYUN

Воспоминания коллег свидетельствуют о разносторонних и глубоких связях Леонида Францевича с множеством людей – специалистами своего дела. Он жил интересами своей страны, решал множество малых и больших дел, всегда был на передовых позициях геологической науки, практическом воплощении научных разработок. Его мнением интересовались, к нему прислушивались. Разносторонний человек, высоко квалифицированный специалист, он умело использовал свои глубокие знания в научной, практической, учебной работе. Человек своего времени со всеми его катаклизмами, Леонид Францевич успешно развивал свои передовые идеи. На его долю выпали трудные испытания, он познал тяжёлые муки творчества, но и чувства удовлетворения от полученных результатов. Его запомнят великим трудягой, целеустремлённым исследователем, принципиальным человеком, твёрдым в отстаивании научных интересов, доброжелательным и отзывчивым.

Ключевые слова: Наркелюн Леонид Францевич, забайкальский учёный-геолог и педагог, лауреат Государственной премии СССР в области науки, заслуженный деятель науки РСФСР, почётный разведчик недр, почётный гражданин Читинской области, почётный профессор Читинского госуниверситета

The memories of colleagues testify to Leonid Frantsevich's versatile and deep connections with many people who are specialists in their scientific field. He lived by the interests of his country, solved many problems, he was always at the forefront of geological science, at the practical implementation of scientific developments. People were always interested in his opinion and respected him. He was a versatile person, a highly qualified specialist, who skillfully used his deep knowledge in scientific, practical, educational work; he was a man of advanced ideas, which he successfully developed, and at the same time he was a man of his time with all its cataclysms. Hard and difficult trials have fallen to his faith, he knew the hard torments of creative process, but he also experienced feelings of satisfaction from the results obtained. He will be remembered as a great hard worker, a purposeful researcher, a principled person, firm in defending scientific interests, and at the same time friendly and responsive.

Keywords: Leonid Frantsevich Narkelyun, Trans-Baikal geologist and teacher, Laureate of the USSR State Prize in Science, Honored Scientist of the RSFSR, Honorary Prospector of the subsoil, Honorary Citizen of the Chita region, Honorary Professor of the Chita State University

С Леонидом Францевичем я познакомился в 1972 г., когда мы одновременно поступали на работу в Читинский филиал Иркутского политехнического института. Тогда я, ещё относительно молодой учёный в то время с весьма почётной степенью кандидата наук, относился к единственному в вузе профессору, доктору наук с очень большим уважением и почтением. Это уважение усиливалось тем, что Леонид Францевич имел большой производственный опыт по освоению крупного в стране Джезказганского медного месторождения в Казахстане с уникальными параметрами панельно-столбовой системы разработки с самоходным оборудованием и камерно-столбовой системы разработки с оставлением междукамерных столбчатых целиков высотой до 25 м.

Окончил Леонид Францевич с отличием знаменитый Всесоюзный заочный политехнический институт под руководством известного учёного в области проходки шахтных стволов с замораживанием горных пород Н. Г. Трупака, что для меня было особенно важно, так как эта отрасль знаний совпадала с моим научным направлением по горной теплофизике. Имея такой опыт и прекрасную научную школу, Леонид Францевич много интересного рассказывал нам, молодым учёным и студентам.

С первых же дней он выдвинул идею создания в вузе крупного геолого-минералогиче-

ского музея, так как правомерно считал, что практическую геологию невозможно познать без систематизированной коллекции руд и минералов, чем в особенности славится наше Забайкалье. Вначале я отнёсся скептически к этой идее. Знал по опыту создания аналогичного музея в Иркутском политехническом институте, каких энтузиастов требует такая работа, да и с площадями в то время было очень трудно. Первый технический вуз в Забайкалье под руководством первого ректора Ю. В. Кулагина стремительно развивался – открывались новые технические специальности, необходимо создавать учебные лаборатории. Мне в то время удалось создать лабораторию «Физики горных пород» именно в корпусе, где в настоящее время расположен музей, так что создание музея, естественно, создавало определённую конкуренцию для развития учебно-материальной базы технологического направления. Мы понимали, что без хорошего музея студенты-горняки не будут знать геологию месторождений, этой основы для успешного освоения и рациональной их разработки. Леонид Францевич был упорен в достижении поставленных целей и, так как имел привилегированный выход на всегда занятого ректора, в конечном счёте, смог добиться компромиссного решения проблемы производственных площадей. Когда я говорю о «привилегиях» профессора, то имею в виду, что вначале секретарь пригласит профессора, а уж потом декана факультета. Впрочем, тогда деканы были в основном юными, они ему в дети годились, поэтому никогда не возражали против таких «привилегий». Огромную работу проделал Леонид Францевич по рассылке просьб об отправке в музей образцов минералов, а главное по убеждению руководителей предприятий в необходимости создания музея в Читинском политехническом институте, тогда ещё малоизвестном молодом вузе страны.

Леонид Францевич, заведуя кафедрой геологии, стремился открыть специальность и готовить для Забайкалья горных инженер-геологов. Но в то время для открытия специальности надо было доказать в Минвузе РСФСР и в Минвузе СССР, что количество выпускаемых специалистов в целом по стране, меньше, чем их требуется. И не важно, где находится вуз – во Львове, в Томске, Иркутске, Свердловске, Москве или Ленинграде, если требуется молодой специалист в Якутии, на Чукотке или в Забайкалье, по разнарядке министерства его туда и направят, независимо от его желания. С геологами была такая ситуация, что их выпускали больше, чем надо было, то есть было перепроизводство. Закрыть подготовку специалиста в старом, но в далёком от Забайкалья вузе с тем, чтобы открыть специальность в Чите, было практически невозможно. В 1983–1986 гг. я был проректором вначале по научной и затем по учебной работе. Сложное для вуза время, сменилось руководство, бурно кипели страсти вокруг деления денег на НИР, производственных площадей, защищаемых (иногда тайно) докторских диссертаций, открытия специальностей и пр. По долгу службы часто приходилось бывать в Минвузе РСФСР и там были весьма наслышаны о профессоре Л. Ф. Наркелюне, недружелюбно относились министерские чиновники к вояжам рядовых профессоров, хотя бы и заведующих кафедрами, по вопросам, которые, по их мнению, находились в компетенции ректора или проректора. Но, учитывая настойчивость профессора, да и руководство вуза не очень активно, но поддерживало его, приняли компромиссное решение — открыть специальность по геофизике, так как в стране не хватало геофизиков по нефтяным и газовым месторождениям. Конечно, такое решение не устраивало Леонида Францевича, но он смирился.

В 1993 г. мы вместе Леонидом Францевичем в составе делегации института (см. фото) побывали в институте стали в г. Баотоу (КНР), вместе жили в одной комнате и обсуждали состояние, формы, особенности подготовки специалистов в китайском вузе и, в частности, на горном факультете. Стальной комбинат и институт построены с помощью Советского Союза еще в 50-е годы прошлого века. Ощущалось отставание в оснащении учебно-материальной базы, выполнении НИР, состоянии общежитий для студентов, комплектовании профессорско-преподавательского состава, даже в сравнении с нашим вузом, который в Минвузе считался по этим показателям одним из аутсайдеров. Разумеется, состояние минералогической коллекции не вызывало особого энтузиазма у Леонида Францевича. Языковой барьер усугублял положение, потому что переводчики не владели специфическими научно-техническими терминами. Доходило до смешного, когда термины «отвал», «устойчивость отвала» они воспринимали как бытовое «отвалить». Следует отметить, что китайские коллеги с энтузиазмом показывали нам проек-

Слева направо: профессор В. В. Ушаков, профессор В. Ф. Кузин, профессор Л. Ф. Наркелюн, профессор А.В. Рашкин (крайний справа) в минералогическом музее Института стали г. Баотоу (КНР), 1993 г.

ты строительства новых зданий вуза с великолепными аудиториями, учебными лабораториями, спортивными объектами, которые намечали построить в ближайшие годы. К тому времени строительство нашего вуза закончилось по известным причинам, поэтому некоторая доля зависти у нас возникла. В Китае за 1993–1999 гг. произошли крупные изменения в стимулировании высшего образования, в чём я убедился в 1999 г., когда преподавал в Хэйлунцзянском горном институте. Вспомнили мы с Леонидом Францевичем наши впечатления о посещении института стали в Баотоу в сравнении с тем, что я увидел в Цзи Си в 1999 г. Он оказался прав в том, что в Китае в ближайшие годы следует ожидать бурного развития высшего образования, как это было в Советском Союзе в период индустриализации. Я не ожидал таких темпов и сомневался в его суждениях.

В советское время учёные, как правило, были разносторонними людьми и не замыкались только в своих научных интересах. Леонид Францевич увлекался коллекционированием произведений классической музыки, был всегда в курсе новинок изданий по философии, культуре, мы часто встречались в самом крупном тогда книжном магазине на ул. Калинина, созванивались оперативно, если обнаруживали новинку. Спрос на хорошие книги в то время был очень высоким. Меня удивляли его интересы по истории религии, он изучал Коран, Библию, уже в зрелом возрасте окончил заочно факультет по этому направлению. Он всегда учился – поистине говорят: ты молод, пока не утратил интереса к учебе.

Много удивительного можно рассказать о Леониде Францевиче. Более десяти лет проработали мы вместе в созданном впервые в Чите (1995 г.) диссертационном кандидатском и позднее докторском совете. Иногда на заседаниях совета разгорались нешуточные страсти и споры, но всегда Леонид Францевич занимал убедительную, обоснованную позицию, был требовательным и в то же время благожелательным к соискателям. В неофициальной обстановке рассказывал о том, как проходили обсуждения и защиты диссертаций в советское время, в особенности докторских диссертаций. Всё это чрезвычайно интересно, потому что жил он в период, когда в стране жил дух, о котором великие умы утверждали, что именно он всё определяет, а девизом поколения была поэтическая строка «то-то физики в почёте!». Память об удивительном человеке, учёном, до последних дней своей жизни проявлявшем пример работоспособности, здравого смысла и доброты навсегда сохранится у нас.

Анатолий Васильевич Рашкин,
д-р техн. наук, профессор,
почётный работник высшего образования РФ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О Л. Ф. НАРКЕЛЮНЕ

Впервые о Леониде Францевиче Наркелюне я узнал от Павла Ивановича Сальникова осенью 1975 г., когда заходил к нему, будучи в Чите на научно-практической конференции по БАМу. П. И. Сальникова я знал еще с 1966 г., тогда он заведовал Читинской лабораторией от Красноярского Промстройниипроекта и приглашал меня, студента кафедры мерзлотоведения МГУ, приехать на работу в Читу после окончания учебы. Меня же оставили в МГУ сначала в аспирантуре, а после защиты кандидатской диссертации и для работы на кафедре. Научная карьера развивалась быстро: в 25 лет защитился, в 29 – стал начальником крупной научно-исследовательской экспедиции Геологического факультета МГУ на Таймыре, работавшей на трассе первого в Заполярье магистрального газопровода Мессояха-Норильск.

Однако мне всегда хотелось в Читу, на родину. Я старался приезжать на конференции и совещания, по любому поводу. Так я разыскал осенью 1975 г. П. И. Сальникова, он уже работал деканом в Читинском политехническом институте. Он-то и посоветовал мне обратиться к заведующему кафедрой геологии профессору Л. Ф. Наркелюну. Я и пошёл к нему на Горького, 28.

Леонид Францевич принял меня радушно, а узнав, что я забайкалец, закончил и работаю в МГУ, кандидат геолого-минералогических наук по специальности «инженерная геология, мерзлотоведение и грунтоведение», пригласил меня на свою кафедру доцентом с перспективой создать собственную кафедру гидрогеологии и инженерной геологии. Он сводил меня к декану Горного факультета Юрию Дмитриевичу Нечаеву, затем к ректору института Юрию Вениаминовичу Кулагину и ходатайствовал перед ними о приглашении меня в институт. Принципиальное добро руководители факультета и института дали. Как оказалось, я действительно нужен институту: уже набраны студенты для обучения по специальности «гидрогеология и инженерная геология», а ни выпускающей кафедры – ни одного кандидата наук по этой специальности в институте ещё не было.

Однако переход в институт растянулся на два года, поскольку мой учитель, зав. кафедрой мерзлотоведения профессор Владимир Алексеевич Кудрявцев, меня не отпускал, полагая, что прежде я должен защитить докторскую диссертацию. Когда же я сказал, что всё-таки собираюсь поехать в Читу, он вначале на меня рассердился, но затем простил, сказал, чтобы я через два года явился к нему с докторской диссертацией, и благословил, подарив учебник по общему мерзлотоведению, написанный им в соавторстве с профессором Б. Н. Достоваловым, тоже моим учителем, с надписью: «Дорогому воспитаннику кафедры мерзлотоведения с пожеланием больше хлеба жевать и глубже пахать».

Осенью 1977 г. я принял предложение Ю. В. Кулагина, ректора Читинского политехнического института, переехать в Читу и организовать кафедру гидрогеологии и инженерной геологии в Читинском политехническом институте. Леонид Францевич незамедлительно провёл избрание меня доцентом по кафедре геологии, и в последних числах декабря 1977 г. я прибыл в Читинский политехнический институт.

Леонид Францевич и кафедра геологии приняли меня радушно и оказали всяческую поддержку. Однако кафедру гидрогеологии и инженерной геологии пришлось создавать в очень трудных условиях. Студенты-гидрогеологи и инженер-геологи уже учились на 4-х курсах – около 200 человек, по две группы на курсе, а выпускающей кафедры гидрогеологии и инженерной геологии в институте всё еще не было. Студентами занималась кафедра геологии, при которой лишь недавно была создана секция гидрогеологии, на которой всего 2 гидрогеолога – ст. преподаватель В. П. Молчанов (заведующий секцией) и ассистент Л. А. Губанова, выпускница Иркутского политехнического института. По совместительству лекции по инженерной геологии читал А. С. Александров, управляющий трестом «ЗабайкалТИСИЗ». К сожалению, никто из них учёных степеней не имел. Однако в штате секции уже было два кандидата наук, но не по профилю кафедры – геофизик С. Ю. Баласанян и геолог-съёмщик Р. В. Лесняк. Кафедра же геологии имела весьма квалифицированный состав: один профессор, д-р геол.-минерал. наук Л.Ф. Наркелюн (заведующий кафедрой), и 5 доцентов, кандидатов наук: Ф. Н. Алексеев, А. И. Кулагашев, С. М. Синица, В. С. Салихов и А. И. Трубачев. Но кафедра геологии не имела студентов своего профиля, поскольку геологов-съёмщиков

и разведчиков в стране готовилось в избытке другими вузами. Гидрогеологов и особенно инженер-геологов не хватало в стране и, в частности, в Сибири и на Дальнем Востоке. Поэтому и была начата подготовка этих специалистов в Читинском политехническом институте раньше, чем была организована кафедра гидрогеологии и инженерной геологии. Леонид Францевич, кафедра геологии, взявшись поначалу за подготовку студентов гидрогеологов и инженер-геологов, надеялись, вероятно, добиться со временем подготовки геологов-съёмщиков и разведчиков в Читинском политехническом институте. Почти все производственные площади в геологическом корпусе были заняты кафедрой геологии. Учебно-научная база секции гидрогеологии практически отсутствовала по причинам слабости кадрового состава и отсутствия рабочих площадей. На момент создания кафедре гидрогеологии и инженерной геологии в июле 1978 г. ректорат смог выделить только 182 м^2 рабочих площадей, включая учебные аудитории и даже гардеробную.

Известие о том, что в Чите создаётся кафедра гидрогеологии и инженерной геологии, вызвало негативную реакцию у ближайших соседей – кафедры гидрогеологии и инженерной геологии Иркутского политехнического института, хотя Читинский политехнический институт (создан в 1974 г.) ведёт свою родословную от общетехнического факультета (1966), а затем филиала (1972) Иркутского политехнического института. Было инициировано специальное обсуждение в Комиссии по изучению подземных вод Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР вопроса о нецелесообразности подготовки студентов по специальности «гидрогеология и инженерная геология» в Читинском политехническом институте и увеличении приёма студентов на эту специальность в Иркутском политехническом институте. Предлагалось направить соответствующее письмо в Минвуз РСФСР и другие инстанции. Предлог был благовидный – слабый кадровый состав и отсутствие материально-технической базы кафедры в Чите. Истинной же причиной было стремление сохранить монополию иркутян в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. И только принципиальная позиция председателя Комиссии професоора Е. В. Пиннекера остановила оппозиционеров в Иркутске.

Время шло и при поддержке Ю. В. Кулагина, Ю. Д. Нечаева, В. А. Кудрявцева, Е. В. Пиннекера, Д. И. Кофмана, директора Читинского института ВНИПИгорцветмет, и других кафедра гидрогеологии и инженерной геологии быстро становилась на ноги и развивалась, да так быстро, что временами из-за тесноты вызывала раздражение у своего прародителя – Леонида Францевича, поскольку претендовала на штаты и рабочие площади. Шутка ли, одних преподавателей из МГУ прибыло семь человек, причём с кандидатскими степенями четверо; подъехали выпускники МГРИ, направленные ранее из Читы на доучивание в Москву; да ещё каждый год кафедра 2–3 своих лучших выпускников оставляла для научной работы. Штаты кафедры и объём хоздоговорных работ быстро росли, последний составлял уже шестую часть всего институтского плана. К нам приезжали читать лекции ведущие профессора и научные сотрудники из МГУ, Института земной коры СО АН СССР и других организаций. Кафедра организовывала и проводила всесоюзные научные конференции. При таком бурном росте мы неизбежно затрагивали, а иногда и невольно ущемляли интересы многих.

Временами наши отношения с Леонидом Францевичем осложнялись, иногда он открыто нападал на нас, пытаясь за счёт сокращения или даже закрытия подготовки студентов по нашей специальности открыть подготовку студентов по специальности «Геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых». Нам такие атаки удалось отбить, и студенты-гидрогеологи, инженеры геологи по сей день обучаются в политехе.

Однако один удар Леонида Францевича, который направлял тогдашний ректор института Э. К. Спирин, мне не удалось отбить, и 15 голосами против 10 Учёный совет института, уважая Леонида Францевича, не избрал меня, тогда всё ещё кандидата наук, на второй срок заведующим кафедрой гидрогеологии и инженерной геологии. Я покинул институт, имея твёрдое намерение завершить докторскую диссертацию, защитить её, набраться производственного опыта и вернуться.

В институт я вернулся через 9 лет, в 1995 г. И снова встретил радушное и доброжелательное отношение Леонида Францевича. Время всё расставило в наших отношениях: Леонид Францевич сказал мне, что зря тогда поддержал тех, кто выступал против меня, а я признался в своей глупости по молодости,

что иногда пытался развивать кафедру гидрогеологии и инженерной геологии в ущерб кафедре геологии. Леонид Францевич высоко оценил мой 9-летний экскурс в производство в качестве главного специалиста Мосгипротранса – генерального проектировщика Байкало-Амурской и Амуро-Якутской магистралей и приветствовал мое возвращение профессором кафедры.

В последнее десятилетие, вплоть до кончины Леонида Францевича, у нас были добрые отношения. Мы с ним редко виделись, но он всегда останавливался, интересовался моими работами. Я же восхищался его постоянным, ежедневным трудом. Обсуждали мы и общеинститутские новости.

В моей памяти, как вероятно и многих, кто знал его, Леонид Францевич остался прежде всего тружеником, Великим Тружеником. Он создал плеяду своих прямых учеников – докторов наук, профессоров. А сколько геологов-гидрогеологов, инженер-геологов и горняков слушали его лекции!

Леонид Францевич, как первый доктор наук (долгое время – единственный), профессор, пользовался в институте известностью и уважением.

И все-таки, мне кажется, в университете вольно или невольно обидели его, когда упразднили кафедру геологии – его детище. Пора восстанавливать кафедру геологии. В классическом университете, где к тому же ведётся мощная подготовка горняков и геологов (есть даже факультет геологический), не иметь классической кафедры геологии – нонсенс!

Это будет справедливо и по отношению к памяти профессора Леонида Францевича Наркелюна.

Валентин Георгиевич Кондратьев,
д-р геол.-минерал. наук, профессор,
почётный транспортный строитель

УЧЁНЫЙ И ПРАКТИК

Вспоминаю сентябрь 1972 года, первую лекцию, прочитанную Л. Ф. Наркелюном по курсу месторождения полезных ископаемых нам студентам-горнякам специальности ГП. В этот период Леонид Францевич перешёл на работу в институт из ЗабНИИ.

Его лекции заметно отличались высоким профессионализмом, широтой и глубиной познания читаемого курса. В нём прекрасно сочетались две главные составляющие – учёный и практик. Леонид Францевич прошёл великолепную практику на одном из крупнейших горнодобывающих предприятий СССР – Джезказганском ГМК. Прекрасно разбирался в подземных горных работах, легко нашёл с нами общий язык. Однако при всех его заслугах и авторитете, он после первой лекции не постеснялся отозвать меня в сторону, как старосту этой группы, и напрямую спросил: «Ну, как Вам моя первая лекция?».

Был свидетелем смешного случая (Леонид Францевич человек с юмором). Наш студент-однокурсник сдавал экзамен по курсу МПИ. Леонид Францевич задал вопрос – «Так расскажи, где у нас в СССР находятся месторождения железа?». Студент мгновенно ответил – На Курской дуге. На что Леонид Францевич прореагировал примерно так: «Да, в 1943 году там действительно было много железа оставлено».

Исследования Леонида Францевича и А. Д. Канищева явились поводом для формирования моего научного направления, связанного с проблемой освоения мелких месторождений полезных ископаемых. Леонид Францевич по моей просьбе охотно согласился быть моим научным консультантом при подготовке докторской диссертации. Оказывал всяческую помощь, поддержку.

Это был мотор, который раскручивал научную работу в Горном институте.

Валерий Васильевич Глотов,
д-р техн. наук, профессор

ВСПОМИНАЯ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Читинский государственный университет – это звучит, это именно та структура, которая должна осуществлять образовательную политику региона, чему предшествовал тернистый путь создания, становление сначала Читинского факультета Иркутского политехнического института, потом филиал, затем создание Читинского политехнического института, а впоследствии, технического университета.

Огромный вклад в процесс внесли первый ректор Читинского политехнического института Юрий Вениаминович Кулагин, первый декан горного факультета Юрий Дмитриевич Нечаев, Леонид Францевич Наркелюн и многие другие.

Сегодня, не умаляя достоинств и вклада каждого в создание Читинского государственного университета, особо хотелось бы остановиться на личности лауреата Государственной премии доктора геолого-минералогических наук, профессора Леонида Францевича Наркелюна.

Первое знакомство с ним состоялось не в учебной аудитории, а у меня дома. Мой отец, Иван Семёнович Витковский, всю свою сознательную жизнь был связан с горнодобывающей промышленностью Забайкалья и, как оказалось, «болел» с Леонид Францевичем одной «болезнью» – освоением Удоканского месторождения меди. Частые телефонные общения моего отца с Леонидом Францевичем, где обсуждались проблемы Удокана, первоначально создали для меня портрет этого человека.

Когда же мы первый раз встретились воочию, я был несколько разочарован. Его голос не соответствовал мощной фигуре, его «искрометные идеи» как-то не соответствовали внешнему виду. Но всё это сразу же прошло после общения на лекциях и во внеучебное время. Мне посчастливилось, будучи студентом, работать на кафедре общей геологии в роли исполнителя одной из научно-исследовательских работ. Если память не изменяет, это «Пространственное расположение руд Удоканского месторождения». Нашим непосредственным руководителем был тогда ещё молодой, кандидат геолого-минералогических наук А. И. Трубачев (ныне геол.-минерал. наук, профессор).

Как много дало нам, молодым, общение с этими людьми. Это была школа. Причём не просто школа высшего образования, а геологическая школа. С каким энтузиазмом Леонид Францевич обосновывал свою теорию формирования Джезказганского и Удоканского месторождений.

Как заинтриговал он нас, студентов-горняков идеей разработки Удоканского месторождения. Мы только и ждали момента окончания института и готовы были ехать на Удокан для его освоения.

Я до сих пор удивляюсь его трудоспособности, его рабочий день длился не менее 12 часов. Он приходил на кафедру в 12 часов дня и уходил в 12 часов ночи, а то и позже.

Всё это происходило на наших глазах, поскольку мы, будучи студентами, подрабатывали на строительстве геологического музея, вдохновителем и создателям которого являлся профессор Л. Ф. Наркелюн. Большая работа проделана, музей готов к открытию, но чего-то не хватало, какой-то торжественности в оформлении. Леонид Францевич решил, что нужны красные ковровые дорожки, товар в то время особо дефицитный, который распространялся либо по талонам, либо по «телефонным звонкам». Обойдя кабинеты обкома КПСС и выйдя на Первого секретаря, Леонид Францевич привёз эти дорожки, и мы застелили их в музее.

Я не помню, разрезали ли тогда ленточку при открытии музея, но твёрдо знаю, что музей есть и сейчас. И сегодня студенты изучают минералогию на богатейшей базе, созданной под руководством профессора Наркелюна. Это всего лишь штрих к портрету. А сколько ещё рукотворных и нерукотворных памятников осталось после Леонида Францевича. А самое главное – частичка его энтузиазма и жизнелюбия и сейчас живёт в сердцах его учеников.

Иван Иванович Витковский,
канд. техн. наук

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТАТЬ

Мне трудно писать о Леониде Францевиче, как об ушедшем от нас Человеке. Кажется, что он среди нас. Наблюдает, как без него работают его ученики, как складывается обстановка на горном факультете, в ЧитГУ, в городе и области, в стране вокруг его любимой геологии, ставшей делом всей его жизни. Кажется, он и ушёл от нас с мыслю о создании Геологического института в ЧитГУ, о проведении очередной конференции студентов на Горном факультете, о развитии Геологической школы Забайкалья, в создание и развитие которой трудно переоценить его роль.

Впервые наша встреча состоялась 15 декабря 1979 г., когда я, закончив аспирантуру кафедры геокриологии МГУ, приехал работать на кафедру гидрогеологии и инженерной геологии ЧитПИ. Он пригласил меня в свой кабинет с множеством книг, на столе лежало несколько заготовок, как мне показалось, для статей. Искоса посматривая на них, я обратил внимание, что там было много реферируемого материала. И ещё не услыхав от него ни одного слова, я понял, передо мной незаурядный учёный. Чего греха таить, есть ведь среди нас сейчас и были раньше те, кто больше пишет, чем читает. Леонид Францевич никогда к таким не относился. Почитайте его работы, от ранних до поздних, и вы убедитесь, как он умел читать, как умел найти рациональное зерно в работах авторов, часто самих не подозревающих это. Как умел тактично строить критику недоработок других авторов, а иногда и просто элементарных ошибок. Не удивительно, что рядом с ним и при его участии выросла большая группа докторов и кандидатов наук, что его лекции любили слушать студенты.

О первой встрече. Он молча наблюдал, как я рассматриваю его кабинет, его библиотеку, его письмена на столе. Не мешал. А увидев, что я освоился в этой обстановке, спросил

– А у Вас есть библиотека?

Я ему ответил, что такой, как у него нет, но надеюсь, будет.

– Это хорошо. Это очень хорошо. А долго Вы собираетесь у нас работать?

– Надеюсь, что долго.

– Трудно Вам будет после Москвы, но если Вы учились чтобы работать, а не искать место для работы, то останетесь здесь навсегда. Забайкалье такой край, и здесь такие люди, которых Вы нигде не найдёте…

Его выступления на собраниях и конференциях, на защитах диссертаций всегда отличались взвешенностью оценок, а критика была конструктивной, показывающей на то, как решить рассматриваемую проблему. Как лучше и логичнее выстроить доклад, что сделать с графикой, чтобы она помогала диссертантам, а не мешала им. Свежести его мысли, чёткости формулировок даже после 80 прожитых им лет мог позавидовать любой начинающий учёный или чиновник.

На организационном совещании созданного Совета по научной политике и инновациям при губернаторе Читинской области присутствовало много руководителей научных и учебных подразделений. Несомненно, губернатор хотел услышать, что же может дать наука для экономического роста Читинской области. А вместо этого услышал со всех сторон просьбы о финансировании различного рода проектов. И загрустил…. И вот слово взял Леонид Францевич. Он охарактеризовал, достаточно кратко и ёмко, положение дел в области освоения вторичного сырья и на количественном уровне показал, что уже сейчас может предложить кафедра обогащения полезных ископаемых и вторичного сырья для повышения экономической эффективности разработки техногенных месторождений полезных ископаемых. Между ним и губернатором завязался оживлённый обмен мнениями, закончившийся его пожеланиями довести задумки Леонида Францевича до технического решения. К сожалению, ему на это не хватило времени....

Научное наследие, оставшееся от Леонида Францевича, продолжает работать. Учебные пособия, монографии помогают студентам, аспирантам становиться высококвалифицированными специалистами, учёным его профиля помогают решать проблемы эффективного поиска и освоения месторождений полезных ископаемых Забайкалья. Нет он не ушёл от нас. Он с нами, он среди нас!

Дмитрий Михайлович Шестернев,
д-р техн. наук, профессор

МОЙ УЧИТЕЛЬ – ЛЕОНИД ФРАНЦЕВИЧ НАРКЕЛЮН

Леонида Францевича я знаю с семидесятых годов. Он сыграл большую роль в моём становлении как геолога. Под его непосредственным руководством я последовательно прошёл все ступени обучения от – студента до докторанта. Когда я поступил в Читинский политехнический институт, Леонид Францевич работал заведующим кафедрой геологии. Одним из предметов, который он читал нам, – «месторождения полезных ископаемых». Особенно увлечённо на лекциях он рассказывал нам про Удоканское медное месторождение, изучению которого отдал много лет.

После окончания института я распределился в Забайкальский научно-исследовательский институт (ЗабНИИ) в отдел геологии золота. Наша тематическая группа занималась составлением прогнозных карт на золото территорий, прилегающих к зоне Байкало-Амурской магистрали. На одной из встреч Л. Ф. Наркелюн предложил мне, молодому специалисту, учёбу в аспирантуре. По совету Леонида Францевича я записался на курсы подготовки сдачи кандидатского минимума при Читинском политехническом институте. Экзамены кандидатского минимума по иностранному языку мы должны сдавать в Бурятском научном центре в Улан-Удэ. По окончании учебного года в Читу за нашими личными делами приехала заведующий аспирантурой Бурятского научного центра. Моё личное дело и личное дело ещё одной соискательницы она не приняла, заявив, что мы ещё молоды. Конечно, мы очень расстроились. Леонид Францевич не считал это препятствием. Опытный руководитель, он подсказал мне оформить представление от ЗабНИИ в Бурятский научный центр с просьбой в виде исключения принять у нас экзамены. В результате мы успешно сдали экзамены и учебный год нами не был потерян. Здесь же в ЗабНИИ под руководством Л. Ф. Наркелюна мною была завершена учёба в заочной аспирантуре.

В начале девяностых годов шло значительное сокращение научно-исследовательских работ. Мне, как и многим другим предложили искать работу в других организациях. Но Леонид Францевич успокоил меня, сказав, что, в крайнем случае, он примет к себе на работу в научно-исследовательский сектор Читинского политехнического института. Его поддержка была очень важна. Вскоре я начал работать в Читинском институте природных ресурсов Российской Академии Наук (ЧИПР СО РАН). Всё это время Леонид Францевич, человек очень настойчивый, целенаправленно вёл меня к защите кандидатской диссертации, что и произошло после двух лет работы в ЧИПРе. Он относился ко мне очень дружелюбно, всегда радовался моим успехам, в то же время отчитывал за неудачи. Мы с Леонидом Францевичем опубликовали ряд статей в центральных научных журналах. На одну из них пришёл отрицательный отзыв от рецензента. Я уже было отказался от статьи, но Леонид Францевич решил учесть все замечания и отправить ещё раз. В результате статью опубликовали. Несколько лет назад Леонид Францевич Наркелюн предложил мне учебу в докторантуре. Мы с ним определили название работы, направление исследований. Во время работы над диссертацией он живо интересовался ходом работ. Если ему в голову приходили интересные мысли, он мог запросто позвонить вечером и обсудить какие-то проблемы. По некоторым вопросам мы с ним часто спорили. Надо отдать должное Леониду Францевичу, он был очень мудрым человеком. В своих научных спорах мог для пользы дела не настаивать на своём мнении и позволял использовать свои воззрения.

Учеба в докторантуре завершена, но до окончания моей работы Леонид Францевич, к сожалению, не дожил. Очень многим людям я обязан своими знаниями и умением. Но самый большой мой Учитель – Леонид Францевич Наркелюн. В моем сердце он останется очень близким человеком, вторым отцом, учёным с большой буквы, примером для подражания.

Баир Намжилович Абрамов,
канд. геол.-минерал. наук,
ст. научный сотрудник ИПРЭК СО РАН

БЕЗРАЗДЕЛЬНО УВЛЕЧЁННЫЙ ДЕЛОМ…

Мне повезло встретиться с Леонидом Францевичем Наркелюном в далеком 1962 году, когда я второй год после окончания Томского политехнического института работал в Удоканской экспедиции. Естественно, особых контактов у меня, молодого специалиста и уже известного учёного, быть не могло. Но первые впечатления самые стойкие, и образ учёного, безраздельно увлечённого своим делом и с поразительной работоспособностью, запечатлелся сразу и при дальнейшем, более тесном знакомстве только подтвердился и укрепился.

Леонид Францевич очень активно и настойчиво привлекал геологов-практиков к занятиям научным творчеством и подготовкой кандидатских диссертационных работ. Обычно перед какой-нибудь очередной научной конференцией Леонид Франдевич звонил или чаще всего заходил лично и говорил: «Надо поучаствовать, у тебя есть материал, давай готовь доклад-статью». Под его напором устоять было невозможно, никакие аргументы не принимались, обычно приходилось давать согласие. Но в текучке дел написание доклада или статьи откладывалось «на потом» и когда подходил срок представления материалов, наступала расплата. Леонид Францевич звонил несколько раз на дню, даже поздно вечером домой, так что не выполнить обещанное было невозможно. Его настойчивость в этих делах просто поразительна, и я, может быть, с запоздалой благодарностью признаю, что многие мои публикации появились именно под неотступным влиянием Леонида Францевича Наркелюна.

Такую же настойчивость Леонид Францевич проявлял к соискателям при работе над кандидатскими диссертациями. Например, Эдуард Францевич Гринталь свою кандидатскую диссертацию написал и защитил во многом под постоянным контролем Леонида Францевича.

Лично мне в последние годы ещё раз пришлось испытать мощное воздействие знаменитого «пресса» Л. Ф. Наркелюна. Начинал он так: «Володя, у тебя столько публикаций, есть монографии, есть авторитет и имя в геологии, давай готовь докторскую в форме научного доклада». Несмотря на мои ссылки на занятость (это было в 1998 г., я занимал должность Председателя Читагеолкома), я под мощным наркелюновским гипнозом уже начал готовить план диссертации, подбирать материал. Прошло некоторое время (я почти год проболел), Леонид Францевич при очередной встрече мне говорит: «Ну как работа над докторской?», я в шутку отвечаю: «Какая докторская, зачем? Когда я закончу, ее, наверное, уже можно будет положить вместе со мной в гроб». Леонид Франкевич, включаясь в мрачноватую шутку, отвечает: «А ты знаешь, все-таки лучше, если в некрологе напишут «доктор наук», а не «кандидат». И я очень сожалею, что Леониду Францевичу не довелось осуществить этот эксперимент над моей несостоявшейся докторской диссертацией. Без его сильного воздействия я уже точно не смогу осилить этот груз. Я знаю многих «остепенившихся», которые прошли эту довольно сложную процедуру под неусыпным оком и прессом Леонида Францевича, и все они бесконечно благодарны «неутомимому профессору».

Я также благодарен судьбе за возможность знакомства с таким незаурядным человеком – Леонидом Францевичем Наркелюном.

Владимир Степанович Чечеткин,
канд. геол.-минерал. наук,
заслуженный работник промышленности СССР,
главный геолог Удоканской экспедиции (1966–1989),
главный геолог ПГО Читагеология (1989–1993),
председатель Читагеолкома (1993–1999)

НЕНАВЯЗЧИВО НАПРАВЛЯЛ В НУЖНОЕ РУСЛО

С Леонидом Францевичем меня связывали добрые, чуткие и деловые отношения. В 2000–2003 гг. он был моим руководителем по аспирантуре при Читинском государственном университете. И я с благодарностью вспоминаю эти годы.

Леонид Францевич – опытнейший геолог и преподаватель, специалист высшей квалификации. Его советы в области научной работы по исследованию магнезиального сырья, а также подготовки диссертации и научных статей для меня были просто неоценимы. Обла-

дая энциклопедическими знаниями и колоссальным опытом, имея большой авторитет в научных и общественных кругах, Леонид Францевич в то же время был очень скромным человеком большой души. Мне в нём импонировало то, что при всём этом он никогда не навязывал своё мнение, не давил авторитетом.

В работе со мной Леонид Францевич ненавязчиво направлял меня в нужное русло. Несмотря на большую научно-педагогическую занятость, он подбирал мне научно-техническую литературу, давал советы, как сделать работу на высшем уровне с практическим применением. В то же время Леонид Францевич был очень требовательным. Такое качество не всем нравится, но я ему за это благодарен. Твёрдо и последовательно без всяких поблажек он следил за выполнением графика моих работ. Причём делал это тактично, в дружеской форме и даже с юмором.

Благодаря Леониду Францевичу моя кандидатская диссертация по магнезитам успешно защищена и пользуется спросом у специалистов Читанедра, Горнорудного отдела Комитета промышленности и природных ресурсов по Читинской области и других организаций.

Валентин Петрович Федоров,
канд. геол.-минерал. наук

Л. Ф. НАРКЕЛЮН В МОЕЙ ЖИЗНИ

Как и многие масштабные и выдающиеся личности, Леонид Францович Наркелюн в повседневной жизни мало отличался от окружающих его людей. Обычный, простой в общении, достаточно демократичный. При первом знакомстве, не зная его биографии, трудно было представить, что это сильная, творческая и многосторонне одарённая личность.

Я его впервые увидел, будучи молодым специалистом, не зная ещё, что это и есть известный исследователь медистых песчаников, первый доктор-геолог в Читинской области, организатор кафедры геологии в Политехническом институте Л. Ф. Наркелюн. Он неспешно шагал шаркающей походкой, крупный, немного грузный, с огромной головой, держа в руках чем-то набитый объёмный портфель. Этим и обратил на себя внимание, поскольку я сам любил ходить пешком по улицам города. Позднее я не раз встречал его, все также шагающим по улице. Как-то я поделился со своими старшими коллегами, что часто вижу несколько необычного пожилого человека, всегда идущего пешком и всегда несущего огромный портфель. И сведущие мои коллеги объяснили, что это знаменитый человек, крупный учёный, исследователь медистых песчаников и один из корифеев седиментогенной теории формирования месторождений меди – профессор Л. Ф. Наркелюн.

Позднее мне посчастливилось познакомиться с ним, а некоторое время спустя даже поработать совместно на теме, которой он руководил и которая была посвящена изучению золотоносности и зоны окисления уникального Удоканского месторождения медистых песчаников. Тогда я был поражён его огромной работоспособностью, трудолюбием и фанатичным желанием созидать, что в совокупности с его природными задатками (великолепной памятью, логическим мышлением, настойчивостью и другими) позволило ему не только защитить кандидатскую диссертацию, а затем докторскую, но и разработать совместно с нашими отечественными известными учёными теорию осадочного рудообразования цветных металлов. При этом удивляло и восхищало, что вокруг него было всегда много молодёжи: студенты, его ученики-аспиранты, докторанты и просто молодые исследователи; жизненный путь многих из них определил Леонид Францевич, большая их часть в последующем сами стали маститыми учёными.

Проведением судьбы в последние годы его жизни я опять оказался в кругу людей, с которыми он достаточно часто общался. Нередко, не изменяя своей привычке (он всегда ходил только пешком) приходит к нам в Читанедра, чтобы познакомиться со свежей информацией о новых нормативных актах и других служебных документах, регламентирующих недропользование, или просто поработать в фондах (он практически до последних дней своей жизни сам работал с первичной геологической информацией) и библиотеке. Отдыхая у нас в кабинете и общаясь с нами, работниками Читанедра, в том числе со мной, Леонид Францевич много раз высказывал неординар-

ные суждения по тем или иным проблемам геологии, науки в целом, а также по вопросам искусства, философии и, конечно же, политики. Именно в это время я по-настоящему смог увидеть, понять и оценить Л. Ф. Наркелюна как очень порядочного человека, тонкого и талантливого исследователя и искушенного ценителя искусства, обладающего колоссальными знаниями во многих областях. Меня при этом поражало его удивительное любопытство ко всему новому в науке, что производило сильное впечатление; казалось, общаешься не с пожилым человеком, которому за 80, а с начинающим молодым исследователем, жаждущим стать крупным учёным.

При общении с ним в последние годы жизни в моей памяти оставили яркий след такие удивительно сохранившиеся свойства личности Л. Ф. Наркелюна, как ясный ум, чёткая и логичная речь, неиссякаемый юмор, хотя, повторюсь, ему перевалило за 80 лет. Это свидетельствовало о его могучем духе и мощном интеллекте, которые поддерживали его в относительно удовлетворительном физическом состоянии и позволяли философски относиться к жизни и её сложным перепитиям.

Так получилось, что я не был его учеником и не стал его идейным последователем. Тем не менее, придерживаясь несколько других теоретических взглядов и не заблуждаясь сильно в их объективности, имею ясное понимание того, что такие гиганты, как Л. Ф. Наркелюн, безусловно, видят дальше, опережая время, и глубже проникают в суть явлений природы. И это понимание как раз позволяет еще полнее понять и более точно оценить его колоссальный вклад как в целом в геологическую науку, так и особенно в теорию образования месторождений цветных металлов.

Сейчас приходится только сожалеть, что так неожиданно быстро оборвалось общение с такой яркой личностью, с таким замечательным и мудрым человеком, любой контакт с которым обогащал и дарил много замечательных идей. Вместе с тем, пока мы, знающие его, общавшиеся с ним, учившиеся у него, будем жить, будет и он всегда с нами, как мудрый учитель, помогая и поддерживая своими многочисленными научными трудами и оригинальными идеями.

Петр Павлович Петровский,
канд. геол.-минерал. наук

ГРОМАДНАЯ ТРУДОСПОСОБНОСТЬ И НАПОРИСТОСТЬ

«Не Наркелян? – Наркелюн, да еще и Францевич?» – так в 1964 г. отреагировал на незнакомое тогда имя директор одного из ленинградских НИИ. Мне, заведующему Читинской лабораторией ВИРГа, предстояло в кратчайший срок познакомиться с и. о. директора Забайкальского комплексного научно-исследовательского института Мингео СССР – лаборатория вливалась в это новое научное учреждение.

Небольшой светлый кабинет на первом этаже старинного здания в самом центре Читы. За столом рослый мужчина лет сорока, в рубашке без галстука, шевелюра с явными залысинами. Выражение лица доброжелательно-выжидательное, «неподходящий» к фигуре высокий, даже звонкий голос. Представляюсь. Протянутая для пожатия рука – крепкая, сильная, как у человека физического труда.

В последствии я узнал, что Леонид Францевич начинал геологическую карьеру рабочим на медных шахтах Джезказгана. С медью, а точнее, с её рудами, медистыми песчаниками, вначале – казахстанскими, а затем – забайкальскими, оказалась связанной вся его жизнь – проходчика, геолога, учёного-исследователя, педагога, организатора науки.

Мне практически не пришлось участвовать в полевых экспедициях с Леонидом Францевичем, однако я достаточно хорошо узнал его в качестве заместителя директора ЗабНИИ по научной работе, а затем – заведующего кафедрой, профессора Читинского университета. Он всегда обстоятельно вникал в любой обсуждаемый вопрос, был ровен, активно-доброжелателен; очень редко – излишне эмоционален, даже если оценки и критика представлялись ему несправедливыми. В научных спорах, а их было на моей памяти немало, он прибегал к фактам, весомым теоретическим аргументам и доказательствам, не позволял себе с недоверием или свысока относиться к оппонентам, уважительно отстаивал свою точку зрения. Леонид Францевич всегда был общительным, доступным для любого собеседника и аудитории. Недюжинная эрудиция,

учёные степени, звания, награды не отдаляли его от людей, а служили им.

С ним было приятно встречаться и в застолье, на праздниках, субботниках и других, в прошлые годы таких обычных, мероприятиях. Запомнилась случайная встреча с Леонидом Францевичем летом 1991 г. в Москве на площади Восстания; его гражданская позиция в связи с «реформами» и перестройкой. Как сильно переживал и осуждал он развал страны, начало ликвидации геологической отрасли, митинги озверевших «демократов»!

С профессиональной точки зрения мы занимались разными аспектами геологической науки и практики: он – геолог, я – геохимик; у него – литология, медь, природные стройматериалы; у меня – естественные радионуклиды, газы, экология. Однако «точек соприкосновения» было много, возникали и решались «пограничные» проблемы, такие как радиоактивность зоны окисления Удокана, флюидопроницаемость тектонических блоков и разрывных структур, потребительские свойства камнесамоцветного, облицовочного и техногенного сырья и др. Я многому научился у Леонида Францевича и полагаю, что и мои знания пригодились ему.

Профессора Наркелюна любили студенты, они за глаза уважительно называли его «Дядя Леня»; об этом я узнал от двух своих сыновей, учившихся у него на горном факультете ЧПИ в 1980–1990-х годах.

Почтенный возраст перед печальной его кончиной, конечно, наложил отпечаток на облик, походку и манеру движения, но стилю речи, логике, чёткости выводов на публичных выступлениях, лекциях и в статьях могли бы позавидовать многие молодые учёные. Прежним высоким и звонким оставался голос, громадная трудоспособность и напористость.

Таким мне запомнился Леонид Францевич Наркелюн.

Владимир Исакович Флешлер,
академик МАНЭБ, заслуженный геолог
Читинской области, почётный разведчик недр

ОН ВСЕГДА БЫЛ В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

С Леонидом Францевичем мы познакомились в середине шестидесятых годов, когда он занимал должность заместителя директора Забайкальского комплексного научно-исследовательского института (ЗабНИИ) по научным вопросам, а я была сотрудником флюоритовой группы этого института, возглавляемой П. А. Котовым.

ЗабНИИ, сформированный на основе Читинского филиала ЦНИГРИ, вёл в то время исследования по многим направлениям и широкому кругу тем. В этом, относительно недавно образованном институте работали специалисты, приехавшие после окончания геологических факультетов вузов из самых разных городов Советского Союза – Львова, Харькова, Черновиц, Москвы, Ленинграда, Казани, Красноярска, Томска, Иркутска и др. В основном это были молодые, беззаветно влюблённые в свою профессию люди, сделавшие очень много для изучения недр Забайкалья и развития геологической отрасли. В подразделениях института работали геологи, геофизики, горняки, буровики, технологи, химики, минералоги.

Это был период расцвета геологии. Поражал объём выполнявшихся работ и их высокое качество, в чём, несомненно, была большая заслуга Леонида Францевича. Щедро передавая опыт, он умел зажечь своей увлечённостью и любовью к геологии, учил мыслить нестандартно, не бояться интерпретировать геологические материалы с новых позиций, не совпадавших с существовавшими традиционными взглядами, вырабатывать свой подход к решению задач. Ему удалось создать в ЗабНИИ по-настоящему творческую атмосферу. Нередко после заседаний учёного совета, на которых происходили защиты тематических отчётов, сотрудники не расходились – обсуждали результаты, обменивались мнениями, спорили. И всегда в центре этого был Леонид Францевич.

Довелось общаться с ним и в неформальной обстановке – бывать в их гостеприимном доме, приглашать в гости к себе, путешествовать на теплоходе в круизе по Дальнему Востоку. Он всегда притягивал к себе людей добрым отношением к ним, разносторонностью интересов, жизнелюбием, мудростью, пониманием людей и жизни.

Анна Израилевна Котова,
инженер-геолог

ОН БЫСТРО ВНИКАЛ В СУТЬ ПРОБЛЕМ

Леонид Францевич дорог мне как коллега и добрый знакомый моих родителей, которого я помню с детства и масштаб личности которого осознавала уже в то время.

Работая в университете, мне приходилось обращаться к нему при подготовке публикаций для конференций Горного института ЧитГУ. Было удивительно то, как быстро он вникал в суть статьи, профессионально помогал сформулировать тезисы и отредактировать текст, как будто сам серьёзно занимался изучением данной проблемы и хорошо знал материал. Я очень благодарна ему за реальную помощь и моральную поддержку при подготовке и защите диссертации.

В нём был заложен огромный потенциал. Он искренне не понимал, как можно не использовать каждую минуту для научной работы. Трудно представить науку Забайкалья без него. Невосполнимая потеря.

Работая вместе с ним в диссертационном совете университета, я отмечала не только его широкую эрудицию, но и готовность помочь каждому соискателю и аспиранту, умение выявить и отметить при обсуждении сильные стороны защищаемой диссертации.

Вспоминается его доброжелательность, чувство юмора, неизменно хорошее настроение, дающие радость от общения с этим удивительным человеком.

Наталья Павловна Котова,
канд. геол.-минерал. наук

ТРЕБУЕТСЯ НАУЧНАЯ РАБОТА ПО МУЗЕЙНЫМ КОЛЛЕКЦИЯМ

Впервые я встретился с Леонидом Францевичем в 1967 г. в ЗабНИИ. Через 10 лет, в 1976 г. снова пришел к Леониду Францевичу уже на кафедру геологии. Леонид Францевич, человек увлекающийся, брался за многое. То он очарововывался музыкальной культурой, поступил в народный институт культуры и начал собирать грампластинки с наиболее выдающимися музыкальными произведениями мировой классики. Из его кабинета часто слышались арии из опер певцов мирового класса и концерты наших и зарубежных классиков.

Но, пожалуй, наиболее увлечённо он собирал экспонаты для геологического музея, и здесь ему не было и нет равных. Для этого использовались самые разные способы: рассылались письма в геологические организации и комбинаты, ездил сам по рудникам. Мы с ним были в поездке по рудникам Приаргунья и привезли огромные коллекции.

Побывали в Кличке в подземных выработках на полиметаллическом руднике и в нескольких штольнях Гарсонуйского флюоритового месторождения. В Кличке Леонид Францевич познакомился случайно около столовой с горняком Вишневским, слово за слово – и после беседы горняк повёл нас к себе домой и подарил нашему музею отличную коллекцию друз различных минералов.

В Кадае Леонидом Францевичем на отвалах шахты были найдены образцы бурундучных руд. Позже мы не раз посещали рудники и другие месторождения Забайкалья для увеличения коллекции музея. Организатором этих поездок всегда был Леонид Францевич.

Результатом знакомства его с пограничным начальством была спонсированная пограничниками поездка, в результате которой также увеличились коллекции музея. Невозможно было не откликнуться на энтузиазм, с которым Леонид Францевич собирал коллекции, поэтому в музее есть многочисленные образцы минералов и руд под именами его друзей и знакомых. Нам позвонил А. Ф. Кризенталь и сказал, что до 70 лет работал шофером в геологоразведочных организациях, постепенно собрал коллекцию и предложил её в дар музею. Так, в музее политехнического института появились прекрасный кристалл шпинели и ряд других минералов.

Леонид Францевич смог привлечь к развитию музея декана горного факультета Ю. Д. Нечаева и первого ректора института Ю. В. Кулагина, который увлёкся красотой камня и многое сделал для пополнения коллекции полудрагоценных и поделочных камней.

Любой музей живёт и развивается благодаря энтузиастам, таким как Леонид Фран-

цевич Наркелюн, Юрий Вениаминович Кулагин, Мария Степановна Кириллова. И если в начале существования музея требовалось, прежде всего, приобретение коллекций, что выпало на долю Леонида Францевича и его сподвижников, то теперь требуется энергичная научно-исследовательская работа над коллекциями, их точное определение и описание, чтобы музей имел право так называться. Конечным итогом работы должны стать многотомные альбомы – атласы цветных фотографий образцов, шлифов и точных определений минералов и пород, описаний к ним. Этот труд мог бы стать хорошей доброй памятью Леониду Францевичу и первому ректору инситута Кулагину.

Ведь в настоящее время сведения о музее можно почерпнуть из немногих заметок и рассказов тех, кто в нём побывал, но о содержании коллекций и их богатствах практически не известно.

Лев Михайлович Красильников,
канд. геол.-минерал. наук, доцент

СЛОВА ПАМЯТИ, ГОРДОСТИ, УВАЖЕНИЯ ЛЕОНИДУ ФРАНЦЕВИЧУ НАРКЕЛЮНУ

WORDS OF MEMORY, PRIDE AND RESPECT TO LEONID FRANTSEVICH NARKELYUN

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА

Листая страницы воспоминаний об этом замечательном человеке, хотелось бы рассказать о профессиональных успехах Леонида Францевича не с точки зрения «технократа», а с философской.

Леонида Францевича я знаю очень давно: ещё с тех пор, когда он преподавал геологию в наши студенческие годы, но особенно тесно мы с ним стали сотрудничать последние четыре года, когда я обучалась в заочной аспирантуре университета. Символичным является то, что по гороскопу стихия Леонида Францевича (знака Девы) – земля, и он как учёный в течение всей жизни изучал геологию как науку о Земле.

Постоянное общение с неординарным человеком позволяет вполне чётко проанализировать причины достижения им высот в науке и ещё раз убедиться в том, что на высокую башню можно забраться только по винтовой лестнице.

Личность более важна для достижения успеха в науке, чем высокий интеллект. Если попытаться дать конкретное определение личности Леонида Францевича, то сталкиваешься с тем, что понятие «личность» – это нечто расплывчатое и неуловимое, как запах полевой ромашки. В ней сочетается всё, что есть в человеке: физическое, духовное, умственное, психологическое, предпочтения, склонности, склад ума, энергия, опыт, образование, т. е. вся его жизнь. Личность столь же сложна, как и эйнштейновская теория относительности, и её понимают почти столь же мало. Поэтому я смогу остановиться лишь на некоторых человеческих особенностях Леонида Францевича: жизненная сила, интеллигентность, профессионализм, энтузиазм и многие другие. Человек, одержимый оригинальными идеями и преисполненный энтузиазмом, может совершить многое! И Леонид Францевич совершал, трудясь ежедневно, ежечасно, как настоящий учёный, думая о предстоящих научных трудах до самой последней минуты своей жизни, даже находясь на больничной койке. Таким отношением к науке, он разительно отличался от так называемых «псевдоучёных», которые когда-то приложили усилия для получения учёной степени и теперь искренне считают, что достигли в научной жизни вершин успеха, и с тех пор не написали ни одного научного труда. А ведь наука есть не что иное, как отображение действительности, а действительность таких ученых – вчерашний, прожитый день. Замечательно, что в Забайкальском государственном университете таких людей единицы!

Ещё в средней школе, а затем в вузе мы – выпускники высшей школы, усердно корпели над книгами, полагая, что только знания прокладывают путь к успеху на профессиональном поприще. Однако, как только окунулись в атмосферу глубокой действительности, с которой встречались в своей деловой и профессиональной деятельности практически ежедневно, то оказалось одних знаний недостаточно. На примере Леонида Францевича и других учёных можно убедиться, что наиболее крупные успехи в науке и деловом мире выпадают на долю людей, обладающих не только знаниями, но ещё и способностью быть хорошим оратором и склонять людей к своей точке зрения, уметь рекламировать себя и свои идеи, так как умение выступать – это кратчайший путь к известности, оно ставит человека в центр внимания.

По известным научным данным, среднестатистический человек развивает только десять процентов своих скрытых умственных способностей, при систематической работе над собой можно этот процент увеличить. Леонид Францевич, являясь творцом одной из самых замечательных систем в области обучения взрослых в качестве научного руководите-

ля, помогал аспирантам и докторантам развивать свои скрытые научные возможности.

Консультировал профессор и меня по геологическому разделу кандидатской диссертации. Всегда доброжелательный, интеллигентный, выдержанный, он обладал острым интеллектом и удивительно цепкой памятью, чистосердечный в своей оценке по тем или иным научным идеям и щедрый на похвалу. В начальный период консультаций давал мне задание на листке бумаги – перечень научных статей из различных журналов и периодических изданий. Моя задача заключалась в том, чтобы сделать в библиотеках ксерокопии статей и изучить их для дальнейшего совместного обсуждения, что я старательно и выполняла.

И каково же было моё удивление, когда через несколько месяцев такой систематической кропотливой работы Леонид Францевич показал мне свои сброшюрованные папки с данными статьями. Оказалось, что он просто проверял меня на терпение, усидчивость, напористость в достижении поставленной цели. За такой «экзамен» мне Леонидом Францевичем была выставлена оценка «отлично». Практически ежедневно в нашей квартире раздавался телефонный звонок и нарочито строгий голос Леонида Францевича спрашивал: «Лидочка, докладывай, что сделала нового по диссертации?». Чтобы держаться на высоте планки моего наставника, я взяла себе за правило: «Каждый день маленькими, уверенными шажками продвигаться к поставленной цели» и для осуществления этого старалась изо всех сил.

На мой взгляд, секрет успеха Леонида Францевича в общении с людьми заключался в том, что он умел понять точку зрения другого человека и смотреть на вещи не только со своей позиции, но и с точки зрения оппонента. Но в случае убеждённости в своей научной правоте с дороги не сворачивал ни при каких обстоятельствах.

Леонид Францевич богатый человек – замечательной женой, детьми, внуками, правнуками. Очень гордился своей дочерью Марией, которая после смерти жены заботилась, помогала Леониду Францевичу по работе, печатала его научные труды на компьютере, создавала в доме уют, тепло и счастье – счастье, которое зависело не от внешних условий, а только от внутреннего порядка семейной атмосферы.

В том, что Леонид Францевич с желанием по 5–6 часов в обычные дни и по 12–14 в отпускной период занимался написанием научных трудов – большая заслуга Маши. Хотелось бы заметить, что человек редко преуспевает в чём бы то ни было, если его занятия не доставляют ему радость.

В тихие, вечерние часы консультаций в доме семьи Наркелюн я укрощала свою неуёмную энергию, захватывающую меня в течение всего рабочего дня, и любила спокойно, не спеша за чашкой чая с вкусно приготовленной Машей пиццей или тортом, побеседовать с гостеприимными хозяевами о жизни, посетовать на нехватку времени, и помечтать о том, что как было бы хорошо, если бы сутки длились 48 часов.

Видя мою постоянную архизанятость, этот добрейшей души человек однажды сказал: «Лида, хватит работать, завтра 8 Марта, и мы с Машей устраиваем тебе праздник!». И действительно 8 Марта мы по приглашению хозяев дома пришли с мужем Сергеем в гости. Меня ждал не только с любовью приготовленный Машей праздничный стол, но и красивый подарок из оникса. По преданию, оникс бережёт человека, даёт возможность концентрировать энергию, делает человека уверенным в себе. Этот подарок стоит у нас дома на видном месте и излучает тепло души Леонида Францевича.

Я глубоко убеждена, что доброта и доброжелательность – слова с одинаковыми корнями, являются неотъемлемой составляющей души интеллигентности учёного. Ведь что может быть вреднее человека, обладающего знаниями самых сложных наук, но не имеющего доброго сердца? Он все свои знания употребит во зло!

Большую часть своей жизни Леонид Францевич посвятил Забайкальскому (Читинскому) государственному университету и мечтал о том, чтобы студенты и аспиранты приходили в университет как в храм науки и вносили свою лепту в сокровищницу научных достижений.

Я благодарна судьбе за то, что на моём жизненном пути встретился такой замечательный человек – Леонид Францевич Наркелюн!

Лидия Владимировна Шумилова,
д-р техн. наук, профессор кафедры водного хозяйства, экологической и промышленной безопасности ЗабГУ, председатель Забайкальского регионального отделения «Российская академия естественных наук», действительный член РАЕН, заслуженный учитель России, отличник среднего профессионального образования СССР

РАДИ ОБЩЕГО ДЕЛА

11 апреля 1961 г. в соответствии с приказом по Читинскому геологоуправлению, где я работал в КГСЭ, меня «откомандировали на постоянную работу» в только что (31 марта 1961 г.) организованный Забайкальский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения Академии наук СССР. Мы с М. З. Кантором и А. Д. Сергеевым занимались изучением скарнов в Приаргунье.

По институту прошёл слух о приезде на работу из Казахстана специалиста по меди, которого звали довольно необычно – Леонид Францевич Наркелюн. Выяснилось, что он собирается изучать Удоканское месторождение, разведка которого шла полным ходом.

В начале 1962 г., спустя некоторое время после приезда в Читу, Леонид Францевич предложил мне войти в состав создававшейся им группы молодых геологов для изучения Удоканского месторождения.

После общих слов он рассказал о важности изучения разведывавшегося Удоканского месторождения меди. Разложил на столе карту и ввёл меня в курс интересовавших его проблем. Затем предложил участвовать в их решении. Образцы удоканских руд, которые он демонстрировал в разговоре, не произвели на меня особого впечатления. И я не выразил явного энтузиазма. Леонид Францевич почувствовал это, но не подал виду. Мы расстались, договорившись о продолжении контактов.

Я был ещё молод, воспитан на великолепии минералогических коллекций музея родного Казанского университета, поработал на пегматитах Ак-Джайляу в Казахстане, где изучил и описал самый крупный кристалл кварца на Земле весом 70 тонн, участвовал в стотысячных поисках горного хрусталя в бассейне Мензы, в скарнах Приаргунья тоже было много нового и интересного. Я мечтал иметь дело с царством минералов, их кристаллов. И уже шёл по этому пути. А тут мне предлагают всё это бросить и заниматься серенькими невзрачными метаморфизованными песчаниками и алевролитами, в которых едва светятся серые халькозины и лишь в отдельных образцах радует глаз пёстрой побежалостью борнит, да просечки или корочки малахита и прочей «медной зелени».

Тем не менее Леонид Францевич был напорист и изобретателен в аргументации важности работы на Удокане. Однажды он попросил меня посмотреть несколько шлифов окисленной руды, и я был поражён обилием и неожиданной красотой сульфатов меди, гипса и других минералов. В шлифе контакта дайки габбро-диабазов и известковистых песчаников оказались те же эпидот-гранатовые скарны, что и в объектах Приаргунья.

Через несколько дней, хорошенько взвесив все за и против, я дал согласие. И до сих пор не жалею. Те шесть лет (1962–1967), что я беспрерывно изучал минералы, руды и горные породы Удокана, дали мне как минералогу, петрографу и просто геологу очень много. И это благодаря настойчивости в достижении цели, проявленной Наркелюном. В определённой мере это решение, принятое по предложению Леонида Францевича, как оказалось, было судьбоносным.

Несмотря на то, что Леонид Францевич не был научным руководителем моей аспирантуры и я заочно окончил аспирантуру при Геологическом институте Казанского филиала АН СССР под руководством своих университетских учителей профессоров Л. М. Миропольского и В. А. Полянина, всё же в выборе темы существенную роль сыграл он. И вопреки некоторым расхождениям в понимании деталей условий образования Удоканского и других месторождений медистых песчаников, мы в основных вопросах до конца его дней были едины.

И через несколько лет, когда Леонид Францевич уже ушёл из ЗабНИИ и создал кафедру геологии в Читинском политехническом институте, именно школа Удокана определила участие моё в разведке другого крупного месторождения медистых песчаников. В 1977–1980-х годах мне выпала счастливая доля работать на Айнаке, находящемся в 58 км от Кабула, столицы Афганистана. В последствии результаты изучения этого тоже по-своему уникального месторождения вошли в наш общий с Л. Ф. Наркелюном, А. И. Трубачевым и В. С. Салиховым отчёт по геологии и условиям образования медистых песчаников.

В истории изучения Удокана были взлёты и падения. После первых поисковых работ, которые показали, что Елизавета Ивановна Бурова в 1949 году открыла огромное по площади распространённости медных руд месторождение и были в общем и целом обозначены его контуры, возникло сомнение в продолжении

наиболее богатых борнит-халькозиновых руд на глубину. Министерство геологии и охраны недр в 1958 г. образовало специальную комиссию в главе с профессором А. А. Якжиным из МГРИ. После длительных дискуссий с А. А. Якжиным о природе халькозиновых руд главный геолог Удоканской партии М. И. Корольков сумел доказать, что они являются первичными и в основном не имеют отношения к зоне вторичного сульфидного обогащения, начался второй, самый важный этап геологоразведочных работ на этом месторождении.

К этому времени была разработана первично осадочная модель месторождения и на её основе – система разведки. Научное обеспечение её выполняла группа молодых учёных из МГРИ – Н. Н. Бакун, Р. Володин и Ф. П. Кренделев. Первый изучал литолого-петрографические особенности месторождения, второй — минералогию руд, третий занимался методикой разведки. В это же время в Кодаро-Удоканской зоне работала группа Ю. В. Богданова из ВСЕГЕИ. В неё входили Э. И. Кутырев, Г. Г. Кочин, В. П. Феоктистов, Н. П. Трифонов и др.

К 1962 году геологами Удоканской партии при участии группы МГРИ, члены которой уже защитили по Удоканской проблеме кандидатские диссертации, была создана геологическая карта месторождения десятитысячного масштаба. С первого взгляда казалось – что нового после них можно было сделать? К тому же очень сильным был коллектив геологов, разведывавших Удокан. Среди них М. И. Корольков, Э. Ф. Гринталь, В. С. Чечеткин, Ю. В. Быков и другие.

Но опыт Леонида Францевича, приобретённый им за десятилетия работы на Джезгазганском месторождении медистых песчаников в Казахстане, во многом похожем на Удокан, дал ему возможность увидеть целый ряд неосвещённых проблем. Анализ того, что сделали наши предшественники, высветил необходимость продолжения исследований. В первую очередь это касалось глубоких горизонтов месторождения. Глубокие скважины № 221, 249, буривщиеся с поверхности, а также скважина А и другие, проходившиеся из подземных горных выработок, давали возможность осветить глубину. Чрезвычайно интересным было в этой связи получить достоверную информацию о горных породах замыкания мульды на глубине и изучить характер поведения руды. Керн этих скважин давал возможность отстроить вертикальную рудную зональность. Это имело огромное не только практическое, но и чисто научное значение.

Вырисовывалась необычная для Джезказгана зональность распределения минеральных типов руд по вертикали и горизонтали. Это открывало возможности выявить условия образования рудоносных осадков в результате поздних диагенетических и метаморфических процессов, ставших различными рудоносными горными породами. Проблема зональности как ключевая в понимании условий, процессов образования и закономерностей размещения руд была для Л. Ф. Наркелюна главной. Но решение её без углублённого изучения строения и литолого-петрографического состава медистых горных пород, детальнейшего разреза рудовмещающей толщи было невозможно. Надо изучить и снять метаморфические процессы и раскрыть первоначальную природу меденосных горных пород.

Совершенно недостаточно изучено распределение в рудах, минералах и горных породах различных примесных элементов. Это прежде всего относилось к серебру, главному попутному металлу в рудах Удокана.

Надо изучать поведение рения, висмута, золота, столь обычных в рудах медистых песчаников. Правда, рений уже был предметом внимания Э. Н. Гороховой из ИМГРЭ. Надо выявить поведение всех важнейших элементов в минералах и горных породах.

Другой важнейшей задачей было детальное изучение минералогии руд для решения вопросов генезиса, поведения и распространённость сульфидов, в частности, важнейших концентраторов меди и серебра – халькозина и ковеллина, в меньшей мере – борнита. Наконец, очень интересной была проблема формирования в значительной своей части сульфатной зоны окисления.

Леонид Францевич не случайно оказался в начале 60-х гг. прошлого века в Чите. Почти 20 лет отдав изучению Джезказганского месторождения, где он прошёл путь от рядового техника-маркшейдера до главного геолога, под влиянием таких крупных учёных-геологов, как академики Н. М. Страхов и В. М. Попов, он пришёл к необходимости обосновать первично-осадочное, осадочно-диагенетическое образование этого крупнейшего месторождения медистых песчаников. Эта его идея встретила решительное сопротивление школы акаде-

мика К. И. Сатпаева, стоявшей на позициях гидротермального происхождения руд Джезказгана. Несмотря на это, Леонид Францевич сумел написать и защитить блестящую кандидатскую диссертацию в 1961 г. и выпустить в трудах ИГЕМ АН СССР – крупнейшего в стране НИИ, занимавшегося изучением проблем рудообразования, монографию о геологии и рудах Джезказгана.

Именно в его диссертации и монографии были заложены основы того, что он собирался сделать на Удокане. Именно на Удокане он полагал получить подтверждение высказанным в них идеям. Это и было причиной появления Леонида Францевича в Чите, где разворачивались геологоразведочные работы на новом гигантском объекте, родственном Джезказгану. Естественно, приезд Л. Ф. Наркелюна в Читу был связан и с труднейшими условиями для работы в Джезгазгане, созданными его противниками. Но – нет худа без добра.

И вот в конце 1961 – начале 1962 он организует группу молодых геологов, с энтузиазмом решивших изучать уникальное Удоканское месторождение. Чётко распределены «сферы влияния» каждого из членов группы. При этом все приняли за правило — полевые наблюдения ведёт каждый, но образцами и результатами их анализов пользуются все в зависимости от решаемой задачи.

Автор этих строк взялся за изучение минералогии и петрографии рудовмещающей толщи. В задачу исследования входило детальное (в масштабе 1:100 – 1:500) описание, а фактически картирование всей рудовмещающей толщи – от кеменских гранитов до участка Озерный. В картировании приняли участие все члены группы. Отобрано и изучено 14 с лишним тысяч образцов. Постоянные творческие контакты с Леонидом Францевичем способствовали критическому отношению к результатам, корректировке некоторых выводов. Несмотря на кажущуюся ортодоксальность, он умел выслушать и принять выводы, отличающиеся от его представлений, если они обоснованы фактическим материалом. Надо исследовать порядок и периодичность напластований, минеральный и химический состав толщи, взаимоотношения между минералами, выявить зональность метаморфизма, обосновать источники сноса рудного материала. Моё тесное сотрудничество с Леонидом Францевичем было не очень долгим, но, безусловно, плодотворным.

Леонид Францевич, весьма самостоятельный и ответственный человек, эти качества своим примером воспитывал в молодёжи. Никогда не навязывал своим молодым сотрудникам идеи и планы. Лишь доводил их до нас. Но каждый, выбрав себе задачу, должен не щадя сил, решать её. Он не опекал, не вмешивался в детали. Всё делалось на полном доверии и взаимопонимании. В сборе полевого материала он принимал лишь посильное участие. Организационная и в определённой мере научная часть полевых работ в течение 1962–1965 гг. возлагалась на автора этих строк. Все прекрасно понимали объём обязанностей и дел Леонида Францевича. В эти трудные для становления ЗабНИИ СО АН СССР, а затем Госгеолкома годы он был заместителем директора по научной работе, одно время, уже в системе Госгеолкома, до прихода В. И. Лозовского, исполнял обязанности директора института и, естественно, не мог надолго выезжать в поле. Поэтому весь коллектив (а в 1962–1965 гг. в составе Удоканского отряда работали А. И. Трубачев, ныне доктор наук, профессор, заслуженный геолог Читинской области; Ю. П. Безродных, кандидат наук; Л. И. Фердман, ныне доктор наук; В. С. Салихов, доктор наук, профессор; С. С. Каренин, затем сотрудник КГБ; А. Н. Шевцова; Е. Н. Наркелюн, супруга Леонида Францевича, его верная сподвижница, и другие; во время полевых работ в составе работало до 14 человек) находился в поле.

Наезды Леонида Францевича на Удокан были редки, но всегда плодотворны. Он был в гуще достижений в области изучения осадочных месторождений. В дни его приездов весь научный персонал отряда мало спал и много дискутировал. Споры иногда продолжались заполночь, а завтра всем, в том числе и Л. Ф. Наркелюну, надо идти либо в штольню, либо на шестую канаву — почти на километр выше лагеря. Но все выдерживали и вечером опять продолжалась дискуссия.

Однажды в середине лета 1965 года мы возвращались в Намингу с Бурпалинского месторождения. Шли пешком. Груз несли олени. На ночёвку встали на берегу озера Амудисы. Ночью подул ветер, угнал мошкару и утром, когда надо, собравшись, двигаться дальше, выяснилось, что олени сбежали. Каюры искали их три дня, но безрезультатно. Продуктов осталось совсем немного, и мы приняли решение передать их каюрам, а самим за один день

дойти до Наминги. Путь не короткий — почти 50 километров по разбитому автозимнику – болотам, едва видимой заросшей тропе. На следующее утро, взяв всё самое ценное и оружие, вчетвером (А. И. Трубачев, Ю. П. Безродных, студент-практикант и я) в 7.45 вышли. На перевале в верховьях Чины отдохнули, съели остатки лепешки, сварили и выпили остатки сухого малинового киселя и в 18.00, преодолев ещё около 18 километров, отсалютовали из всего наличного оружия на южной границе Наминги. Придя в лагерь, обнаружили Леонида Францевича с дорогим гостем – академиком Академии наук Киргизской ССР Василием Михайловичем Поповым. Несмотря на усталость, до двух часов ночи обсуждали результаты работы, новости и проблемы.

А наутро Василий Михайлович и Леонид Францевич, дождавшись вертолёта, уехали в Чару, а затем в Читу.

Нам предстояло добирать ещё после короткого Удоканского лета необходимый каменный материал. И осенью засесть за окончание нашей многоплановой работы по условиям образования и закономерностям локализации руд любимого нами Удокана.

Георгий Александрович Юргенсон,
д-р геол.-минерал. наук, действительный член Международной академии минеральных ресурсов, почётный гражданин Читинской области

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ…

В 1973 г. произошла моя первая встреча с Леонидом Францевичем Наркелюном. Если сказать честно, то мы оба не очень-то симпатизировали друг другу. Характер у меня упрямый и резкий, а Леонид Францевич стал ПЕРВЫМ в Забайкалье доктором геолого-минералогических наук и, естественно, требовал почтения и внимания своим словам. Не сказать, чтобы я лезла на рожон, но нужного почтения не выражала. Поэтому ко мне он приглядывался и присматривался...

Шло время... кафедра геологии крепла и обрастала лабораториями и мастерскими... Леонид Францевич понимал, что преподавание геологических предметов без геологического музея – это профанация геологии и... началась музейная эпопея. Мы с Леонидом Францевичем выехали в поле, дабы собрать музейные коллекции по рудникам и по естественным выходам. Вот в поле и было всё разложено по полочкам: я в своей стихии и могу дать фору самому полевому из полевых мужику. Мне кажется, что Леонид Францевич в начале опешил, а затем стал пространно объяснять мне, что всё же женщина и в поле должна оставаться женщиной несмотря ни на что..., но, когда я во время песчаной бури умудрилась сварить обед, то лёд тронулся! И с тех пор у нас наступила тектоническая пауза: я вела хоздоговоры, тянула ещё одну лямку – Палеонтологическую школу, учиняла палеонтологический зал геологического музея, словом, ругать меня было не за что!

В это время на работу к нам на кафедру пришла жена Леонида Францевича – Евгения Николаевна. И вот тогда мы все и поняли, что она – удивительный человек и составляет даже не половинку, а большую часть альянса Наркелюнов! Внимательная, отзывчивая, добрая, всегда готова прийти на помощь. И при этом никогда ни о ком не говорила ничего дурного. Евгения Николаевна боготворила мужа, старалась создать ему все условия для работы, никогда не обременяла его домашними поручениями. Мы порой распускали языки и чисто по-бабьи сплетничали о своих домашних, но Евгения Николаевна никогда ни при каких обстоятельствах не позволяла себе пройтись или по Леониду Францевичу, или по своим детям. Всех своих домашних она поместила на божничку и молилась на них! И при этом она оставалась ЖЕНЩИНОЙ! Нас поражала её естественность, умение со вкусом одеваться, сделать прическу... Мы в музее обычно отмечаем дни рождения, день геолога и другие памятные даты. Так вот никто из нас не готовился, например, к своему дню рождения, как она. При этом всегда повторяла: «А кто может гарантировать, что это не последний день рождения? Хочу, чтобы он запомнился всем... а не ушёл бесследно в череде праздников...». А её увлечение филателией? Мы были поражены, когда она стала так небрежно перечислять нам роды динозавров, редкостных бабочек, змей и т. д. Оказывается, у неё были подборки марок именно по этим группам животных! Еще одно

хобби Евгении Николаевны – коллекционирование значков. Я вспоминаю, когда приехала из Санкт-Петербурга, где на заседании Палеонтологического общества нам всем выдали значки с мамонтом. Когда Евгения Николаевна увидела этот значок, поверьте, в её глазах был настоящий огонь и неуёмная страсть: «Вы, как хотите, Софья Михайловна, но мне очень НУЖЕН этот значок!» Пришлось отдать! И еще Евгения Николаевна была для нас... плечом. Можно было прийти, поплакаться, получить порицание и дружеские советы... И никогда на бегу, всегда уважительно, спокойно, доброжелательно... Вот такой и осталась в нашей памяти Евгения Николаевна.

Леонид Францевич, был тоже неординарной личностью, также имел целую плеяду хобби, но наоборот, отличался завидной напористостью и непреклонностью при достижении поставленной цели. Он был трудоголиком, равному которому не было в нашем вузе! Что субботы, что праздники, если... «у меня появилась идея и её срочно надо оформить в статью, нет лучше в монографию...», так всегда утверждал Леонид Францевич, когда засиживался допоздна на работе... и только классическая музыка свидетельствовала, что он тут, на работе..., а за окном полнейшая тьма... глубокая ночь...

Вспоминаю наше поле, когда мы приехали в Кличку за музейными образцами. Зашли в рудничный геологический музей. Смотрим, выставлены прекраснейшие друзы кальцита, флюорита, которые нам и не снились. Сразу представились и в ответ получаем довольно прохладное: «Читинский политехнический? Не знаю такого... Мы контактируем с Иркутским...» Я сразу на дыбы и мигом из кабинета! Нет так нет! А Леонид Францевич, наоборот, плотно уселся на стул перед этой дамочкой и так внушительно на полчаса прочёл лекцию о нашем политехе, о предполагаемом геологическом музее, о новой кафедре геологии и т. д., и т. д. В результате мы получили несколько удивительных друз, равным которым нет даже в музеях Санкт-Петербурга и Москвы! И что бы мы получили, если бы не Леонид Францевич?

Ещё один случай. Я устроила в аспирантуру во Владивосток к доктору геолого-минералогических наук В. А. Красилову свою ученицу Евгению Бугдаеву. К концу третьего года она пишет письмо Леониду Францевичу и излагает в нём свою перспективу, мол-де Софья Михайловна резка, несдержанна, порой даже груба, у неё нет контакта со студентами и так далее, а я, наоборот, могу с ними ладить, потому что молода… Короче, пишет Е. Бугдаева, я смогу вполне заменить С. М. Меня вызывает Леонид Францевич к себе и даёт прочесть это письмо. Сказать честно, я была в шоке. Вот так моя ученица, гидрогеолог, которую я приобщила к палеонтологии, возила в поле, учила и вот научила на свою голову! Я опешила и ничего не смогла даже вымолвить. А Леонид Францевич так мирно мне говорит: «А я написал ей письмо, где предлагаю хорошенько поразмыслить над тем, что она делает. Я с уважением всегда относился и отношусь к УЧИТЕЛЯМ, а Вы – её учитель. Поэтому не может быть и речи ни о какой замене УЧИТЕЛЯ УЧЕНИКОМ, как бы этот ученик не преуспел...». Я, конечно, при нём не хлюпала носом, а дома дала волю слезам.

И еще. Геологический музей нашего университета, открытый в 1975 г., в начале состоял из двух залов: минералогического и зала полезных ископаемых. И сколько бы я ни билась относительно зала палеонтологии, Леонид Францевич всегда мне говорил: «А кому нужны твои кости? Вот руда – это вещь! Не вижу смысла в таком зале!».

С 1980 года при кафедре геологии стала действовать Палеонтологическая школа, и на международную студенческую конференцию в Новосибирск стали выезжать с палеонтологическими докладами студенты-гидрогеологи и ...привозить дипломы 2-й и 3-й степени. И постепенно Леонид Францевич заинтересовался такой наукой, как палеонтология! Смотрю, у него на столе учебник по палеонтологии. Затем стал захаживать на занятия Палеонтологической школы и, наконец, в начале девяностых дал «ДОБРО» на открытие зала палеонтологии, но при этом благословил на войну за этот зал, так как в нём на Горького, 28 был склад. И только в 1993 г. после приличных битв был убран склад и открыт зал палеонтологии.

При кафедре геологии мы организовали СТЭМ “ARCHAEOPTERYX”, и Леонид Францевич относился к нему скептически, мол, занимаетесь Бог весть чем, писали бы монографии или научные статьи... И вот нам однажды понадобилась музыка Бородина, Верди, Моцарта, Штрауса... А где её взять? Мы и туда, и сюда – ни у кого нет. Вдруг неожиданно Леонид Францевич заявляет нам, что, мол, так и быть, я вам дам пластинки, но отвечаете головой. И приносит пластинки из опер и отдельных произведений великих музыкантов! Оказалось, у

него имеется огромная коллекция пластинок известных маэстро, что он закончил заочный музыкальный университет, а мы ведь не знали об этом! Леонид Францевич приверженец фиксизма – старых тектонических идей в геологии. И когда я подписывала у него билеты по исторической геологии, он всегда морщился, увидев разные мобилистские вопросы. Но при этом приобретал мобилистскую литературу, чтобы быть на «гребне мобилистской волны» и не уступать в спорах.

Леонид Францевич любил работать, когда все разбегались с кафедры, т. е. вечером, однако, приходя на работу в шесть или семь вечера, он мог заявить: «А где же все?». Потрясающая рассеянность в быту и удивительная собранность в научной работе! Удивительно плодотворный ученый. Из-под его пера вышли не только монографии, статьи, методички, а и масса докладов. Он не пропускал ни одной конференции, даже нашей вузовской, при этом часто был редактором сборников тезисов докладов! Именно это и служило нам всем как бы катализатором.

В начале 1990 г. Леонид Францевич передал бразды правления кафедрой геологии А. И. Трубачеву, а когда в 1996 г. кафедру разогнали, ушёл на кафедру обогащения, однако всех нас, бывших сотрудников кафедры геологии, он считал своими, его интересовали не только наша преподавательская стезя, а и научная работа, и чисто бытовые нужды. Он ужасно тревожился и болел за кафедру геологии, не раз ходил к ректору, где отстаивал скорейшую реабилитацию кафедры геологии... Словом, покой ему только снился и до последних дней он трудился и воевал за науку, за кафедру геологии, т. е. за нас.

Софья Михайловна Синица,
д-р геол.-минерал. наук, председатель
Читинского отделения Российского
палеонтологического общества,
заслуженный геолог РФ и Читинской области

СТРАСТЬ К НОВОМУ

Моя первая встреча с Леонидом Францевичем произошла в далёком 1965 году, когда после окончания Иркутского госуниверситета по специальности инженер-геолог пришлось выехать в Читу по распределению в Забайкальский комплексный научно-исследовательский институт. Нас было двое, и в кабинете Леонида Францевича определено: мне заниматься медистыми песчаниками, которым был увлечён Леонид Францевич, а моему однокашнику Виталию Труфанову – флюоритом в отделе геологии, которым руководил П. А. Котов.

Такой расклад был не случаен, поскольку мне пришлось еще в 1962 году побывать на знаменитом Удокане на производственной практике. А Удокан был тем объектом, ради которого Леонид Францевич круто изменил поле своей деятельности – не менее знаменитый Джезказган, что в Казахстане, и приехал в суровое Забайкалье, это уже характеризует Леонида Францевича как истинного учёного, готового забросить насиженные места, в общем-то значительно благополучные и выехать на «целину» и начать, по сути, с нуля.

Страсть к новому характерна и для более позднего Наркелюна, когда он изъявил желание сменить уже во многом сформировавшееся забайкальское стратиформное направление, причём ценой огромных усилий, выехать на новое место – Тульское отделение ЦНИГРИ, и возглавить там отдел цветных металлов. Но этому воспротивились местные группировки, которые провели своего человека. Позднее некоторые туляки извиняючи говорили об этом.

А между тем Леонид Францевич с его кипучей энергией взялся за организацию научных семинаров разного уровня, включая и всесоюзные. Вскоре заговорили о научной школе по стратиформным месторождениям – забайкальской во главе с Л. Ф.Наркелюном. И вот стали уже стратиформными кроме типично медных, свинцово-цинковые, золоторудные, сурьмяные, флюоритовые и др. Вышел из печати справочник по стратиформным месторождениям с большим авторским коллективом. А до этого монография «Медистые песчаники и сланцы мира», которой весьма гордился Леонид Францевич. Потом множество выездных семинаров (Средняя Азия, Казахстан, Новосибирск, Москва и др.), в организации которых Леонид Францевич принимал весьма деятельное участие. Многие из них проведены благодаря огромным усилиям Леонида Францевича. Такая работа по заслугам

оценена государством – коллективу учёных и в том числе Л. Ф. Наркелюну присуждена Государственная премия СССР за научное обоснование и разработку теории стратиформного рудообразования.

И в последующем, активно занимаясь учебным процессом в Читинском госуниверситете, Леонид Францевич непременно организовывал научные конференции с обязательным изданием научных трудов. Благодаря им многие молодые, да и не совсем молодые, учёные и аспиранты имели возможность показать себя, войти в научный мир и в последующем защитить учёную степень.

Можно было удивляться и восхищаться энергией этого человека. Когда он, уже будучи в возрасте и не совсем здоровым, всё старался поразить коллег какой-то задумкой, проблемой, которых в его голове, казалось, не счесть.

Безусловно, научная общественность университета, Забайкальская геологическая служба будут долго помнить этого неугомонного человека.

Владимир Салихович Салихов,
д-р геол.-минерал. наук, профессор ЗабГУ

ДОПОЛНЯЯ ДРУГ ДРУГА, ОНИ БЫЛИ ЕДИНЫМИ

23 февраля 1970 года в ЗабНИИ в одном из отделов висела стенгазета. Тёплые поздравления, тонкий юмор, масса иллюстраций из различных журналов понравились всем сотрудникам, а вот дирекции (девушки в купальниках и т. п.) показались аморальными. Посмотрев газету после критики ещё раз, на следующий день я принесла лоскутки разной ткани и предложила «одеть» или закрыть ширмой большинство забракованных рисунков. Обновленная газета привлекла ещё большее внимание. Так я познакомилась с милыми, обаятельными женщинами – Евгенией Николаевной Наркелюн и Валентиной Георгиевной Белецкой. Это они постарались выпустить для своих мужчин такую газету. Через них познакомилась с Леонидом Францевичем и всем его дружным отделом. Мне понравилась атмосфера в их коллективе: считались и уважали друг друга, обсуждали полученные результаты, делились мнениями. Как-то незаметно для нас с мужем Валентином Дмитриевичем Сазоновым многие из них стали хорошими знакомыми на долгие годы, но особенно Евгения Николаевна и Леонид Францевич.

Почти сразу же после зашиты докторской диссертации Леонид Францевич перешёл на работу в Читинский политех, но наше общение с ним продолжалось. Однажды Евгения Николаевна передала мне приглашение Леонида Францевича прийти на кафедру геологии, так я впервые попала на Горького, 28. Леонид Францевич предложил мне должность зав. геолого-минералогическим музеем, и я дала согласие.

Под руководством Леонида Францевича начались работы по созданию музея. Почти в это же время в ЧитПИ пришли А. И. Трубачев, Е. Н. Наркелюн, А. И. Матвеев, чуть позже – В. С. Салихов, Ю. И. Зиновьев. Евгения Николаевна и я были оставлены в Чите заниматься вопросами ремонта, заказа мебели, а Леонид Францевич с сотрудниками (А. И. Трубачев, С. М. Синица, А. И. Матвеев) поехал по рудникам России и Забайкалья. Естественно, были споры, разногласия, но мудрость Евгении Николаевны сглаживала все острые углы, и снова в коллективе была дружеская обстановка.

Несмотря на разницу в возрасте, преподавать мы все начали впервые. Учили студентов, учились сами, посещали занятия друг друга, но каждый выработал свою тактику ведения занятий, и Леонид Францевич относился к этому с пониманием. С преподавателями, лаборантами, студентами он всегда был ровным, спокойным, и «боязни» начальства наш коллектив не знал. Только однажды Леонид Францевич «вышел из себя», но закончилось всё курьёзом. А дело было так. Вся кафедра собралась в обеденный перерыв отметить день рождения одной нашей преподавательницы, не было только двух самых молодых сотрудников, которые появились навеселе в конце дня. На них налетели все, особенно женщины, а Леонид Францевич впервые решил проявить строгость и потребовал от них письменное объяснение. На следующий день он зовёт меня в свой кабинет и, почему-то закрыв плотно дверь, даёт мне исписанный листок-объясне-

ние. Написано было много, на память приведу отрывок: «…По случаю подачи нашими друзьями заявления в ЗАГС, мы пошли отметить это событие в ресторан, взяли на четверых всего 1 бутылку сухого вина и тем неожиданнее была реакция организма на количество выпитого». Я не смеялась, а хохотала, предлагая отправить это объяснение в журнал «Крокодил» в рубрику «Нарочно не придумаешь». А Леонид Францевич рукой закрыл мне рот и шёпотом говорит: «Да тише же, там же студенты». Долго лежало это объяснение в папке, а потом куда-то исчезло.

По вопросам образования месторождений Леонид Францевич был «осадочником», особенно по медным месторождениям. Осенью 1978 г. мы с ним были в командировке на Камчатке. Там организовали посещение знаменитой Долины гейзеров, где Леонид Францевич собрал сульфиды, образовавшиеся в современных гидротермах-гейзерах. Вечером, показав мне эти образцы, он долго рассказывал о чудесах долины. Одно дело прочитать обо всём этом, а другое увидеть собственными глазами. И он почти согласился с мнением гидротермалъщиков, хотя тут же добавил, что крупные месторождения в большинстве своём осадочные.

По своему характеру он был тактичен, но при этом твёрд и упрям. Но даже ему иногда была нужна поддержка со стороны. Там же в Петропавловске-Камчатском мой однокурсник подарил мне большой образец застывшей лавы, взятой в 1976 году при извержении вулкана Толбачик из текущего горячего лавового потока и раскристаллизовавшегося у него дома. На сколе образца видны мелкие кристаллики плагиоклазов на тёмном фоне основной массы.

У меня хватило ума похвастаться этим образцом в холле гостиницы. Московский академик (фамилию называть не буду), едва выслушав историю этого образца, схватил его, заявив, что место этому образцу в Москве. Я опешила, смотрю на Леонида Францевича, ища у него поддержки, а у него самого в глазах растерянность. Вроде и образец жалко и вмешаться не совсем удобно, и жестами показывает мне – не отдавай! Тут уже я, не обращая внимания на все регалии академика, буквально вырвала образец, сказав, что это подарок лично мне и уже обозлённая, не соглашалась его разбить и поделиться. Надо было видеть сцену, когда Леонид Францевич победно понёс этот образец в свой номер, закрыв вопрос о разделе образца.

Вспоминая любого из них, вспоминаешь другого. Евгения Николаевна и Леонид Францевич совершенно разные. В общении Леонид Францевич проще, Евгения Николаевна по манере поведения была больше «профессорша», чем Леонид Францевич профессором. Но как они дополняли друг друга. Она взяла на свои хрупкие плечи все заботы о доме, оберегала его от лишних забот и тревог, чтобы он мог работать так, как только её Леонид Францевич умел работать, самозабвенно. Дополняя друг друга, они были единым целым и навсегда мне запомнились как два хороших человека, любящих и заботящихся друг о друге.

Мне не хватает их редких звонков: «Мария Степановна, это я, Наркелюн, приветствую Вас…» или ласковый голос Евгении Николаевны: «Мария Степановна, добрый вечер…», и я не могу им ответить: «Добрый вечер, я Вас слушаю».

Мария Степановна Кириллова,
бывший директор геологического музея ЗабГУ им. проф. Л. Ф. Наркелюна, заслуженный работник культуры Читинской области, почетный работник высшего образования РФ

ТРИ ВСТРЕЧИ

Для меня 1963 год ознаменован окончанием средней школы. Куда пойти учиться было решённым вопросом – в военное училище. Но придирчивая медицинская комиссия нарушила все планы. Что делать?

Друг детства Володя Быстров, работавший в ЗабНИИ в отделе геологии, подсказал, что в отделе металлургии есть вакантная должность лаборанта. В конце октября 1963 года вместе с начальником отдела металлургии Валерием Ивановичем Буяновым идём к директору научно-исследовательского института. И вот здесь в административном здании института по ул. Бутина, 26 я впервые встретился с Леонидом Францевичем Наркелюном. Встреча была мимолетной, Леонид

Францевич, замещавший тогда директора института, подписал моё заявление в приказ, и уже на следующий день я приступил к работе. Но эта встреча почему-то запомнилась. Далее служба в армии, продолжение работы в отделе металлургии и параллельное обучение в Иркутском госуниверситете на геологическом факультете. Как-то при одной встрече сотрудник ЗабНИИ А. И. Трубачев предложил мне: «Юра, ты учишься на геологическом, так давай переходи к нам в отдел геологии». И вот вторая встреча с Леонидом Францевичем, который взял меня в руководимую им лабораторию «осадочников». В камеральный период я встречался с заведующим только на «Пустоваловских чтениях». В отделе работа была поставлена на совесть, без понуканий. Да и сотрудников Леонид Францевич подобрал подстать себе: Ю. П. Безродных, А. И. Трубачев, В. С. Салихов, А. Н. Шевцова, Е. Н. Наркелюн, В. Г. Белецкая. Зато в полевых экспедициях мы с ним познакомились поближе. Здесь я увидел его организаторские способности, когда полевой отряд под его руководством работает как хорошо отлаженный механизм. Уважительное отношение других геологических организаций – воочию убедился, что есть люди, работающие 24 часа в сутки. Да и для нас «простых» выходными были только дни ненастной погоды. Сюльбан, Серегли, Кукугунда, Ункур, Икабья – это было серьёзное испытание и закалка для нас молодых.

Третья и последняя встреча, которая продлилась на всю жизнь, состоялась, когда я уже закончил Иркутский университет и после трёх лет работы в Центральном райкоме КПСС г. Читы в связи с переводом был зачислен в политехнический институт на кафедру геологии, где заведующим был Леонид Францевич. В то время полным ходом шла работа по сбору образцов для вновь создаваемого геологического музея. Поэтому все – от зав. кафедрой, преподавателей, сотрудников до студентов были, как ранее говорили, «охвачены этой работой». Образцы привозили преподаватели и сотрудники из командировок, студенты из мест прохождения практики. А практику студенты проходили на многих горнорудных предприятиях СССР.

Мой первый вояж за образцами состоялся в октябре и сразу на край Земли – во Владивосток вместе с Леонидом Францевичем. Какие-то образцы мы выменивали на свои, какие-то покупали. Таким образом набрали несколько ящиков. Но самым главным образцом был коралл приличного веса и размеров. Как он нам достался – это отдельный рассказ. Напористость и настойчивость Леонида Францевича сделали своё дело – коралл наш. И надо было видеть, как мы транспортировали его из Владивостока до Читы – только на своих руках и коленях. Это был не полёт, а сплошное мучение. Весь остальной собранный каменный материал отправляли по почте. Леонид Францевич на редкость сноровисто и быстро упаковывал посылки и бандероли. На моё недоумение он сказал: «Я в молодости работал на почте, столько посылок и бандеролей упаковал – не сосчитать».

Потихоньку, помаленьку, ненавязчиво Леонид Францевич начал привлекать меня к научной и преподавательской деятельности. Тогда на кафедре набирала силу «медная эпоха». Леонид Францевич взял научное руководство, определив меня в соискатели по удоканской тематике. И пошло, и поехало. Командировки и экспедиции на Ункур, Икабью, Серегли, Джезказган, Алмалык, Алма-Ату, Целиноград, Фрунзе, Ош, Ташкент, Алтын-Топкан, Ленинград, Москву, Иркутск и ещё в 1/4 СССР. Из этих командировок привозили не только научные материалы, но и образцы минералов и руд для нашего геологического музея. Леонид Францевич был щедр на работу, а без этого видел бы я Читу да Москву и не более.

А научные публикации? Думаешь, что всё хорошо, всё правильно. И вот сижу с первым своим «опусом» перед Леонидом Францевичем и смотрю, как левая его рука что-то черкает, ставит какие-то непонятные знаки в тексте. Оказалось, одни и те же слова в тексте повторяются много раз, повествование почти на нуле, а различные знаки – это редакторские правки, что опять меня удивило. Работник почты, маркшейдер, геолог, главный геолог крупнейшего в Союзе Джезказганского горно-металлургического комбината, зам. директора по науке и зав. лабораторией ЗабНИИ, зав. кафедрой Читинского политехнического института, основатель геолого-минералогического музея ЧитПИ, известного ценителям и специалистам не только Забайкалья, а многих городов Союза и даже зарубежья, оказался ещё и редактором многих научных изданий, руководителем научного направления и руководителем соискателей в доктора и кандидаты наук. И это оказалось не последним звеном в деятельной натуре Леонида Францевича.

Классическая музыка всё чаще слышалась из его кабинета по вечерам. И не просто целиком проигрывается произведение, а повторяются по несколько раз некоторые части: Бетховен, Бах, Шопен, Чайковский и др. Как-то я спросил Леонида Францевича: «Кого из композиторов Вы больше любите?» и добавил, что мне больше всего нравится Чайковский. На что получил ответ, из которого понял, что я, мягко говоря, профан в классике. Со временем мне стала радовать слух музыка и Баха, и Бетховена. А что же оказалось за вечерними музыкальными бдениями – институт культуры, который с отличием закончил Леонид Францевич.

А как он восхищался «Кораном», ведь в то время Библия, Коран и другие религиозные издания были, мягко говоря, не в моде. И если уж речь зашла о литературе, то здесь интересы и знания Леонида Францевича были обширными и разносторонними: от научной до художественной – проза, поэзия, от «ятя» до современной периодической и даже самиздатовской.

Самое главное – тем, чего он достигал сам, делился с другими. «Юра, сегодня у меня лекция “Стратиформные месторождения”, приходи в 9-ю аудиторию». За этой лекцией пошли другие, а там посещения лабораторных и практических занятий со студентами. И стал я как бы великовозрастным студентом, в свободное от работы время посещал занятия. И однажды: «Юра, подмени меня на лабораторных». Боязнь была, но, как оказалось, меня исподволь подготовили и неплохо. А дальше совместительство и кое-когда Леонид Францевич доверял мне проводить и лекционные занятия.

Оглядываясь назад через десятилетия, понимаешь, с каким удивительным, неординарным человеком довелось рядом жить, учиться и работать. Не встреть я его на своём жизненном пути, не представляю, кем бы я стал. Он ушёл, оставив после себя сотни своих учеников, последователей и неизгладимую память о себе, о человеке, всего себя, всю свою жизнь посвятившего людям и любимому делу.

Юрий Иванович Зиновьев,
канд. геол.-минерал. наук, доцент,
заведующий кафедрой прикладной геологии
и технологии геологической разведки ЗабГУ

МОЛОДОЙ ОБОГАТИТЕЛЬ

Первая совместная деятельность профессора Л. Ф. Наркелюна на кафедре началась после ликвидации кафедры «Геология» и перевода его на кафедру обогащения полезных ископаемых. Мои первые впечатления – это высококвалифицированный специалист, посвятивший себя не только геологическому циклу наук, но и зародившемуся в 1980-е годы новому научному направлению «Технологическая минералогия». Леонид Францевич остро чувствовал проблемы обогащения и переработки минерального сырья. Придя на кафедру, он запоем прорабатывал научные журналы, содержащие публикации ведущих учёных.

За такую массу знаний его в шутку прозвали на кафедре Молодой обогатитель с новым видением этой специальности. После этого он предложил мне создать на кафедре систему общения молодых и квалифицированных специалистов. Такой формой стал постоянно действующий семинар по технологии обогащения и переработки сырья.

Имея богатейший опыт практической деятельности, он начал формировать научное наследие в первую очередь по учёту генезиса месторождений. Глубоко раскрывал связь генезиса месторождений с обогатимостью минерального сырья.

Его работы, связанные с вещественным составом и комплексным использованием сырья, позволили при формировании Учёного совета по защите диссертаций рекомендовать его в качестве специалиста по нашей специальности «Обогащение полезных ископаемых» и физические процессы горного производства.

Здесь мне пришлось доказывать в Москве экспертам, кто такой Л. Ф. Наркелюн и его труды по специальности «Обогащение полезных ископаемых». Ознакомившись с научными трудами Леонида Францевича, экспертный совет утвердил его кандидатуру как члена совета ЧитГУ.

Свою деятельность этот неуёмный преподаватель отдавал подготовке инженерных и высококвалифицированных кадров. Он вошёл в группу, которая начала готовиться к системе уровневой подготовки специалистов. Кафедре

было поручено участвовать в эксперименте по подготовке магистров техники и технологии по направлению «Горное дело». Здесь Леонид Францевич раскрылся по-новому. Меня удивило его чутьё к новым методам и технологиям, возможность грамотно передать свои знания молодым. Он сам предложил быть научным руководителем магистерской подготовки на кафедре.

Уходя домой, он брал с собой первые работы магистров, правил их и всегда находил в них конструктивные решения.

Я, стараясь как-то разгрузить его, предложил ему перейти на должность профессора-консультанта. Он принял это так: «Ты, что меня уволить хочешь?». Этим примером я хочу подчеркнуть, что он работал на кафедре до последних лет с полной отдачей сил. Такого ответственного человека мне пришлось увидеть впервые. На кафедре ему была поручена работа с молодыми аспирантами, магистрами и студентами дипломниками, чувствовалось, что этот человек на своём месте и ему можно доверять.

Особая грань, характеризующая профессора, – редактирование многих научных трудов, материалов научных конференций. Эту титаническую работу он брал на себя, корректируя и правя работы с целью повышения их качества. Особенность этого человека – он жил государственными проблемами, особенно экологическими, решал проблему комплексного использования сырья; уделял особое внимание отходам, акцентировал свои взгляды на эту проблему. Результат – выпуск и защита аспиранта по золошлаковым отходам Читинской области.

Леонид Францевич всегда хотел общения, научного диалога. Меня удивляла его широта мышления, я благодарен судьбе за встречу с этим человеком. Возможно, что для университета ликвидация кафедры геологии – это большое упущение, но присутствие Леонида Францевича на кафедре «Обогащения полезных ископаемых» было действительно «обогащением».

Виктор Петрович Мязин,
д-р техн. наук, профессор, академик РАЕН,
заслуженный работник высшей школы РФ,
заслуженный изобретатель РФ,
почётный профессор ЗабГУ

ДРУГ И НАСТАВНИК

Наш дорогой старший друг, товарищ, коллега, наставник!

Знакома с Леонидом Францевичем с 1978 года. В то время полный сил, энергии, умудрённый теоретическим и практическим багажом знаний, заведующий кафедрой геологии, первый и единственный профессор института. Кафедра значимая, одна из лучших, сильная созданным и возглавляемым стабильным на протяжении многих лет коллективом. Его фундамент, знания, наставничество и упорство в достижении целей привело к тому, что большее число сотрудников кафедры защитили докторские и кандидатские диссертации.

Леонид Францевич всегда знал чёткую выстроенную линию жизни, действовал и в большом, и малом, неукоснительно следовал поставленной цели.

Его жизнь, форма общения, отношения к людям, молодёжи, студентам и к своим ровесникам, коллегам может всегда служить примером. Проводя курсы по экологии, я всегда стремилась пусть даже два часа выделить для Леонида Францевича, в том числе и для того, чтобы представить его молодым, перечисляя его звания и заслуги, просила слушателей запомнить его имя, его лекции. Делала это всегда с гордостью, что живу и работаю рядом с этим незаменимым прекрасным человеком – трудягой. Это всегда происходило в музее – его детище.

Неоценимый вклад внёс он в горную науку нашей области. Как мы вместе с ним радовались завершению книги, посвящённой памяти его любимой жены Евгении Николаевны. О ней, об их жизни он рассказывал нечасто, а после её смерти – только со слезами на глазах. Смахнёт слезу и замолчит. Нелегко оставаться на земле и качественно продолжать жизнь без своей второй половины, это было видно по его облику, настроению. Несмотря на нездоровье, с головой ещё больше ушёл в работу. Никакими силами, уговорами нельзя было остановить его, передохнуть – один ответ: «Вот

закончу...», «Какой отпуск?», «Какой отдых, никогда!», «Я так мало ещё знаю», «Обогащение для меня – это новый неопознанный интересный предмет!». Такая жажда новых знаний у человека с огромнейшим опытом и багажом в науке всегда восхищала и удивляла.

Как мы привыкли видеть его на всех конференциях, семинарах, собраниях. Доброжелательное отношение к защищающимся аспирантам, докторантам как члена диссертационного совета.

Будучи научным руководителем моей кандидатской диссертации о золошлаках, он мягко управлял её ходом. Не возражал, когда я уклонилась в экологию, после того как мы по результатам анализов золошлаков к общему разочарованию не нашли там золота, серебра, чего он так хотел. Работала под его постоянным контролем: «Валя, ну как у нас дела? Когда закончишь?» – и не испытывала никакого давления, навязывания своих мыслей, но всегда чувствовала, что рядом сильный, умный человек и с ним не пропадёшь. А я больше всего боялась подвести Леонида Францевича, не оправдать его доверие. Такие люди не уходят бесследно. Они остаются в памяти, сердцах, оставляя самый светлый след и доброту отношений примером всей своей жизни. Это поистине Большой Человек, Человек с большой буквы. Мало назвать его именем только им рожденный музей. Его имя заслуживает большего. Я счастлива, что часть моей жизни прошла рядом с Леонидом Френцевичем, его скромная жизнь большого учёного будет всегда примером благородства, трудолюбия, отношения к людям. Его неподражаемый образ будет всегда в моей памяти и моём сердце.

Валентина Ивановна Мязина,
канд. техн. наук

СОЧЕТАЛ В СЕБЕ УЧЁНОГО И ПРОИЗВОДСТВЕННИКА

Я познакомился с Леонидом Францевичем Наркелюном в декабре 1973 года. В это время я прибыл в Читу из Красноярского края, где работал на дражных разработках золотоносных россыпей. Поступил на работу в Читинский политехнический на кафедру РМПИ (разработка месторождений полезных ископаемых).

Время становления нового вуза одновременно и трудное, и очень интересное. Строились учебные корпуса, общежития, создавалась учебно-лабораторная база, в то время, пожалуй, лучше нынешней. На горном факультете главные объекты – строительство учебной штольни, опытно-промышленной обогатительной фабрики и создание геолого-минералогического музея. У каждого объекта свои вдохновители и организаторы. Если у первого из них – учебной штольни главный идеолог и руководитель строительства декан факультета Юрий Дмитриевич Нечаев, у второго Рафаил Дмитриевич Петров, то у третьего – геолого-минералогического музея – единственный в то время доктор наук, профессор Леонид Францевич Наркелюн. Необходимо отметить, что огромную помощь как в строительстве штольни, обогатительной фабрики, так и создании геолого-минералогического музея оказал ректор института Юрий Вениаминович Кулагин.

Вызывала искреннее уважение огромная работоспособность Леонида Францевича, его способность увлечь за собой людей до такой степени, что они начинали работать так же, как и он сам. В создании геолого-минералогического музея принимали активное участие Алексей Иванович Трубачев, Софья Михайловна Синица, Владимир Салихович Салихов, Алексей Ильич Кулагашев, Феликс Николаевич Алексеев, Лев Михайлович Красильников, Юрий Иванович Зиновьев, Мария Степановна Кириллова и другие. Леонид Францевич и его сотрудники написали сотни писем в организации и на предприятия геологического и горного профиля. Писали письма и в зарубежные организации. Отовсюду приходили посылки с образцами горных пород и минералов, студентам геологам и горнякам (по просьбе Леонида Францевича) не ставили зачёт по производственной практике, если они не привозили с собой «камни» для музея. А география производственных практик в то время была не то что сейчас, ограничиваемая только Читинской областью, изредка другими близ лежащими регионами, а практически весь Советский Союз. И студенты тоже сделали весьма существенный вклад в создание музея. Благодаря стараниям Леонида Францевича, его кипучей энергии геолого-минералогический музей был открыт

в короткие сроки. Сегодня он является гордостью не только университета, но и городской достопримечательностью. В музее проходят экскурсии, практические занятия студентов. Он является базой для проведения научно-исследовательской работы.

Леонид Францевич сочетал в себе качества крупного учёного и маститого производственника. Он прекрасно разбирался в различных вопросах горного производства. Из его рассказов я узнал, что он работал маркшейдером, рудничным геологом. Приходилось работать и с заключёнными. Заочно закончил вуз, когда ему было уже лет 30 или даже больше, в 40 лет защитил кандидатскую диссертацию, в 50 – докторскую. Всё это говорит о его целеустремлённости, крепком характере и большой силе воли.

Работал Леонид Францевич до последнего дня. И действительно работал, а не имитировал работу, хотя в его возрасте это можно было бы сделать, и никто не осудил бы. Он ответственный за выпуск институтского сборника научных трудов, редактировал его. Кажется, эту тяжёлую ношу Леонид Францевич сам взвалил на себя. Он постоянно напоминал нам о необходимости написания статей к определённому сроку, находил время для их редактирования, хотя имел достаточно большую учебную нагрузку, занимался научно-исследовательской работой, выпускал монографии и учебные пособия.

Леонид Францевич Наркелюн навсегда останется примером огромной работоспособности, трудолюбия, высокой организованности в работе. Учёный с большой буквы, хорошо разбирался в производственной и технологической деятельности горных предприятий. Недаром ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки» и присуждена Государственная премия СССР.

Михаил Витальевич Костромин,
д-р техн. наук, профессор,
советник РАЕН, академик АГН и МАНЭБ

УВЛЕЧЁННЫЙ И СПРАВЕДЛИВЫЙ

Это сейчас в нашем университете работает уже несколько десятков докторов наук и профессоров. А в те годы...

С Леонидом Францевичем мне пришлось впервые познакомиться на торжественном собрании горного факультета в честь шестидесятилетия профессора. Меня, в ту пору молодого кандидата наук, попросил поздравить его от имени машфаковцев тогдашний декан машиностроительного факультета Николай Павлович Безручко – я работал его заместителем. Леонид Францевич был тогда (конец 70 – начало 80-х годов XX века) единственным доктором наук, профессором нашего политехнического института. Все мы, молодые преподаватели, смотрели на него как на избранного, особо судьбой отмеченного. Поэтому, зачитывая приветственный адрес, я немало волновался.

Конечно, мне и раньше приходилось общаться с профессорами, докторами наук – ведь в Читу я прибыл из крупного «западного» вуза – Казанского химико-технологического института, где уже в ту пору работало около сотни профессоров. Но Леонид Францевич, как я понял чуть позже, выделялся не только тем, что был единственным профессором в институте. В основе всеобщего к нему уважения лежал его характер – бескомпромиссный, увлечённый, страстный и вместе с тем всегда доброжелательный, уважительный к коллегам, собеседникам. В какие бы вопросы не приходилось вмешиваться, «влезать» Леониду Францевичу, он всегда вкладывал в них не только свои знания и опыт, но и душу. С кем бы он ни общался – с ректором или аспирантом, какие бы проблемы ни решал – учебные, научные, хозяйственные, он всегда проявлял неформальность, компетентность и заинтересованность.

Навсегда запомнились его яркие и эмоциональные выступления на общих собраниях сотрудников вуза, заседаниях Учёного совета, профсоюзного комитета университета, научно-технического совета. Думаю, неслучайно последующие доктора наук появились в нашем вузе в 1980-х годах именно на горном факультете и именно среди геологов – влияние Леонида Францевича здесь было особенно значимо.

До последних дней своей жизни он был членом Учёного совета университета и в последнее время, будучи уже человеком преклонного возраста, не допускал практически ни единого случая неявки на заседания. Мало того, он почти всегда выступал в прениях по важнейшим вопросам деятельности вуза, высказывал своё мнение, которое опиралось на богатейший опыт научной и педагогической деятельности.

Будучи весьма разносторонней личностью, Леонид Францевич не замыкался на сугубо научных, геологических проблемах. Нередко приходилось с ним обсуждать в кулуарах телевизионные передачи, постановки драматического театра или «спорные» решения правительства по вопросам образования, науки. Он был неравнодушным, нетерпимым к несправедливости, мелочности, поверхностным суждениям и решениям. И этим, пожалуй, более всего импонировал сотрудникам университета и всем, кто его знал. Именно этому я учился у него, и этим он навсегда мне запомнится.

Валерий Наколаевич Заслоновский,
доктор технических наук, профессор кафедры водного хозяйства, экологической и промышленной безопасности, заслуженный профессор ЗабГУ, заслуженный мелиоратор России

25 ЛЕТ С ВЫДАЮЩИМСЯ УЧЁНЫМ

С Леонидом Францевичем я познакомился в Кличке, куда меня отправил в служебную командировку Ю. Д. Нечаев. Оказалось, что Леонид Францевич приехал в Кличку отбирать образцы для своего любимого детища – геолого-минералогического музея. Поразила глубина его суждений. По возвращении в Читу я узнал у Нечаева, что Леонид Францевич Наркелюн, доктор геолого-минералогических наук, в Читинском политехническом институте. Судьбе было угодно, что свыше 25 лет мне довелось работать рядом с крупным специалистом в области геологии, выдающимся учёным-фундаменталистом, незаурядной личностью.

Близко пришлось общаться с Леонидом Францевичем в период моей работы в должности декана горного факультета (1983–1988). Это был нелёгкий, предперестроечный период, период перманентной, довольно жёсткой борьбы с пьянством и «битвы» за урожай, для участия в которой 20 студенческих групп первого и второго курсов под руководством преподавателей и сотрудников в течение почти месяца направлялись на колхозно-совхозные поля. Кафедра геологии всегда вела «большую» науку, фундаментальные исследования, но Леонид Францевич находил возможность выделить для руководства группами 2–3 преподавателей и студентов.

С Леонидом Францевичем работалось просто и непросто. Не припоминаю случая, когда Леонид Францевич, опираясь на свой несомненный авторитет, обошёл бы «стороной» вопрос факультетского уровня. Редко встретишь человека, который бы так остро болел за дело, как Леонид Францевич. Его кафедра почти полностью состояла из докторов наук: А. И. Трубачев, В. С. Салихов, С. М. Синица, А. Д. Канищев. Только по прихоти судьбы не была открыта чисто геологическая специальность – мечта Леонида Францевича.

Позднее в течение десяти лет, будучи зав. кафедрой подземной разработки месторождений полезных ископаемых, приходилось контактировать с Леонидом Францевичем по решению вопросов геологической подготовки горняков-подземщиков.

За долгие годы общения с профессором открывались все новые высокие качества человеческого характера, которые представляется важным отметить: целеустремленность, настойчивость в достижении цели, высокая работоспособность, продуктивность, обязательность, сила убеждения, уважительность, умение слушать и советоваться, способность быстро и объёмно проникать в глубину явления.

Круг научных интересов Л. Ф. Наркелюна весьма обширный: генезис меднорудных месторождений, вопросы геологического и промышленного освоения месторождений, особенно Удокана. Большое значение Леонид Францевич придавал комплексному извлечению полезных компонентов, переработке техногенных запасов. Селективная – валовая

выемка руд, соотношение систем подземной разработки с открытым очистным пространством и систем с закладкой, сокращение потерь при подземной добыче руд – и эти вопросы входили в круг его интересов.

Леонид Францевич – незаурядная личность. Его увлекали музыка, живопись, театр, литература, философия. Любил общение. Уже недомогая, поднимался на пятый этаж, где расположена кафедра подземной разработки, чтобы побеседовать по научным делам, при этом чувствовалось, что он проверяет, уточняет какую-то свою научную мысль. Принимал во мне участие, вначале не соглашался с моей идеей, но в одну из последних встреч сказал: «…что-то в этом есть, но сложно, надо работать». Ясность ума, чёткость выражения мысли, способность откликнуться – эти качества всегда были с ним.

Геннадий Георгиевич Пирогов,
д-р техн. наук, доцент,
профессор кафедры ПРМПИ ЗабГУ,
академик МАНЭБ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ
OUR ANNIVERSARIES

ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ МЯЗИНУ 80 ЛЕТ

В. П. Мязин

Доктор технических наук, профессор, заведующий и профессор кафедры обогащения полезных ископаемых и вторичного сырья Забайкальского государственного университета, действительный член Российской академии естественных наук, заслуженный работник Высшей школы РФ, почётный работник профессионального образования РФ, заслуженный изобретатель РСФСР, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник горнодобывающей промышленности Читинской области, заслуженный профессор Читинского государственного университета. Награждён орденом Российской академии естественных наук «За пользу Отечеству» им. В. Н. Татищева, удостоен медали «За заслуги перед Читинской областью», полный кавалер почётного межотраслевого знака трёх степеней (I, II, III) «Горняцкая слава».

Виктор Петрович Мязин родился 23 сентября 1941 г. в посёлке Шихан Краснопартизанского района Оренбургской области. Обучался в специальном горнотехническом училище (г. Копейск, 1953–1957). В 1968 окончил Красноярский институт цветных металлов им. М. И. Калинина, получив квалификацию горного инженера.

Окончил аспирантуру, защитив кандидатскую диссертацию по специальности 05.15.09 *Разработка россыпных и морских месторождений* (1976). Заведующий кафедрой обогащения полезных ископаемых Забайкальского государственного университета (1978–2013). Защитил докторскую диссертацию по специальности 05.15.11 *Физические процессы горного производства* (1988, в Московском геологоразведочном институте (МГРИ) им. С. Орджоникидзе).

Заслуги В. П. Мязина, доктора технических наук, профессора, отмечены следующими званиями и наградами: «Заслуженный изобретатель РСФСР» (1988), «Почётный работник высшего профессионального образования России» (1996), «Заслуженный работник горнодобывающей промышленности Читинской области» (1999), «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1999), академический орден Российской академии естественных наук «За пользу Отечеству» им. В. Н. Татищева (2001), «Заслуженный профессор Читинского государственного университета» (2004), медаль «За заслуги перед Читинской областью» (2004), «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2008), межотраслевой почётный знак «Горняцкая слава» I, II, III степеней (2011), медаль Законодательного Собрания Забайкальского края «Знак почета» (2016). Дважды избирался депутатом Центрального районного Совета народных депутатов г. Чита, входил в состав комиссии по делам молодёжи.

В 1995 г. избран членом-корреспондентом, в 2000 он – действительный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН). Создал и руководил Забайкальским региональным отделением Российской академии естественных наук (1997–2018), объединившим более 30 ведущих учёных Забайкальского края.

Под его руководством подготовлено и защищено диссертаций: 3 магистерских, 20 кандидатских, 6 докторских. Опубликовано более 480 научных и учебно-методических работ, получено более 100 авторских свидетельств и патентов на изобретения, программных продуктов. Создан информационный банк данных для разработки кадастра отходов Забайкальского края. В настоящее время – профессор кафедры обогащения полезных ископаемых и вторичного сырья ЗабГУ.

Под его руководством выполнены хозяйственные договоры по научно-исследовательским и проектным разработкам, нормативно-технической документации для предприятий Забайкальского края (ОАО «Удоканская медь»; ООО «Тепловодоканал», г. Могоча; ЗАО «Русский Сурьмяной центр», г. Москва; Приаргунское горно-химическое объединение (ППГХО), г. Краснокаменск и др.). Для ряда осваиваемых месторождений разработана документация по оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС), успешно прошедшая государственную экологическую экспертизу.

Как высококвалифицированный специалист и опытный педагог В. П. Мязин был приглашён в Горный институт города Цзи-Си Хайлуцзянской провинции Китая для чтения лекций по обогащению полезных ископаемых студентам, аспирантам и преподавателям.

Основные направления научной деятельности: новые методы, процессы, технологии и аппараты для извлечения труднообогатимых мелких классов золота из руд и россыпей; экологические проблемы горнодобывающей и перерабатывающей промышленности; изыскание и создание экологически безопасных технологий переработки нетрадиционного минерального сырья и урановых руд.

Примите, Виктор Петрович, искренние пожелания оптимизма, бодрости духа, воплощения самых смелых идей и неиссякаемой энергии на долгие, долгие годы. Пусть в Вашей жизни царствует порядок, сопутствует удача и каждый день приносит удовлетворение от работы!

Пусть уважение и любовь близких людей дарят Вам радость, придают силы для новых свершений! Желаем профессионального удовлетворения, энергии, бодрости и крепкого здоровья, счастья в кругу коллег, родных и друзей!

М. В. Костромин

МИХАИЛУ ВИТАЛЬЕВИЧУ КОСТРОМИНУ 75 ЛЕТ

Советник РАЕН, член ревизионной комиссии ЗРО РАЕН, профессор, доктор технических наук. Профессиональные награды: «Шахтёрская слава» III степени, заслуженный работник горнодобывающей промышленности Читинской области, действительный член МАМР, член-корреспондент РАГН, РИА.

Михаил Витальевич Костромин – автор более 210 научных работ, в т. ч. 3 монографий.

В 2014 г. вручена премия имени первого ректора ЗабГУ (ЧПИ) Ю. В. Кулагина за особые достижения в научной деятельности: разработку научных основ комплексного освоения рудных месторождений Забайкалья и инженерных методов расчёта потерь полезного ископаемого в межшаговых и межходовых целиках при дражной отработке россыпей.

Учёным созданы эффективные системы водоснабжения и очистки технологических вод для гидромеханизированной разработки россыпей в условиях Крайнего Севера и дражных разработок россыпей. Разработаны и внедрены в производство высокоэффективные технологии подготовки глинистых и высокоглинистых россыпей к драгированию.

Внедрены результаты исследований в Таджикистане, Якутии, Дальнем Востоке, Западной Сибири и Забайкалье. Член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций.

С. Я. Березин

СЕРГЕЮ ЯКОВЛЕВИЧУ БЕРЕЗИНУ 70 ЛЕТ

Доктор технических наук, профессор, профессор кафедры автоматизации производственных процессов Забайкальского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ.

В 1974 г. окончил машиностроительный факультет Читинского политехнического института. В 1988 защитил кандидатскую диссертацию в Московском автомеханическом институте по специальности 05.02.08 *Технология машиностроения.* В 2000 – докторскую диссертацию в Иркутском государственном техническом университете на тему «Сборочно-резьбообразующие процессы с силовой разгрузкой переходов резьбовыдавливания, технология и средства реализации».

В 2002 присвоено учёное звание профессора по кафедре автоматизации производственных процессов. С этого же года занимает должность профессора той же кафедры в Забайкальском государственном университете. В 2003 избран членом-корреспондентом Российской Академии естественных наук.

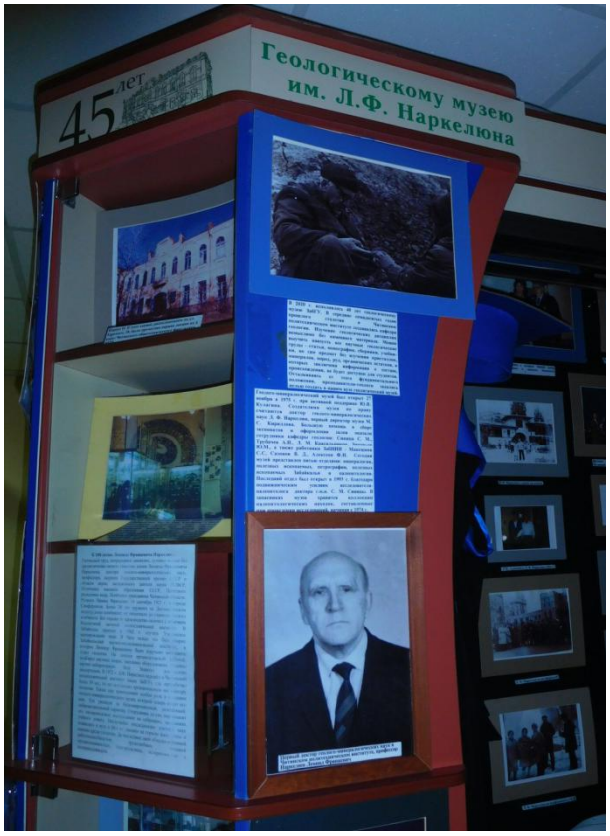
В 2004–2011 гг. по совместительству занимал должность заместителя директора по научной работе Института технологических и транспортных систем Читинского государственного университета. Под руководством С. Я. Березина на факультетах института созданы два научно-образовательных центра и ряд студенческих конструкторских бюро.

С 1999 г. руководит аспирантурой по специальности 05.02.08 *Технология машиностроения*. Основатель научной школы «Технология и автоматизация сборочного производства». Подготовил 5 кандидатов технических наук. Список трудов включает более 300 печатных работ, в том числе 6 монографий, 15 учебных пособий, 4 статьи в зарубежных журналах, 16 патентов на изобретения.

Награды: федеральные – почётная грамота Министерства общего и профессионального образования РФ (1995); звание «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2004); заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2012); региональные – заслуженный деятель науки и техники Читинской области (2002); почётная грамота Главы Администрации (губернатора) Читинской области (2003); почётная грамота Читинской областной Думы (2007); общественные – медаль М. В. Ломоносова по линии Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (2008); нагрудный знак «Основатель научной школы» (2017) и медаль А. Нобеля «За развитие изобретательства» по линии РАЕ.

ФОТОГАЛЕРЕЯ, ПОСВЯЩЁННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА ФРАНЦЕВИЧА НАРКЕЛЮНА

PHOTOGALLERY IN HONOR OF 100-TH ANNIVERSARY OF LEONID FRANTSEVICH NARKELYUN


45 лет
Геологическому музею
им. Л.Ф. Наркелюна

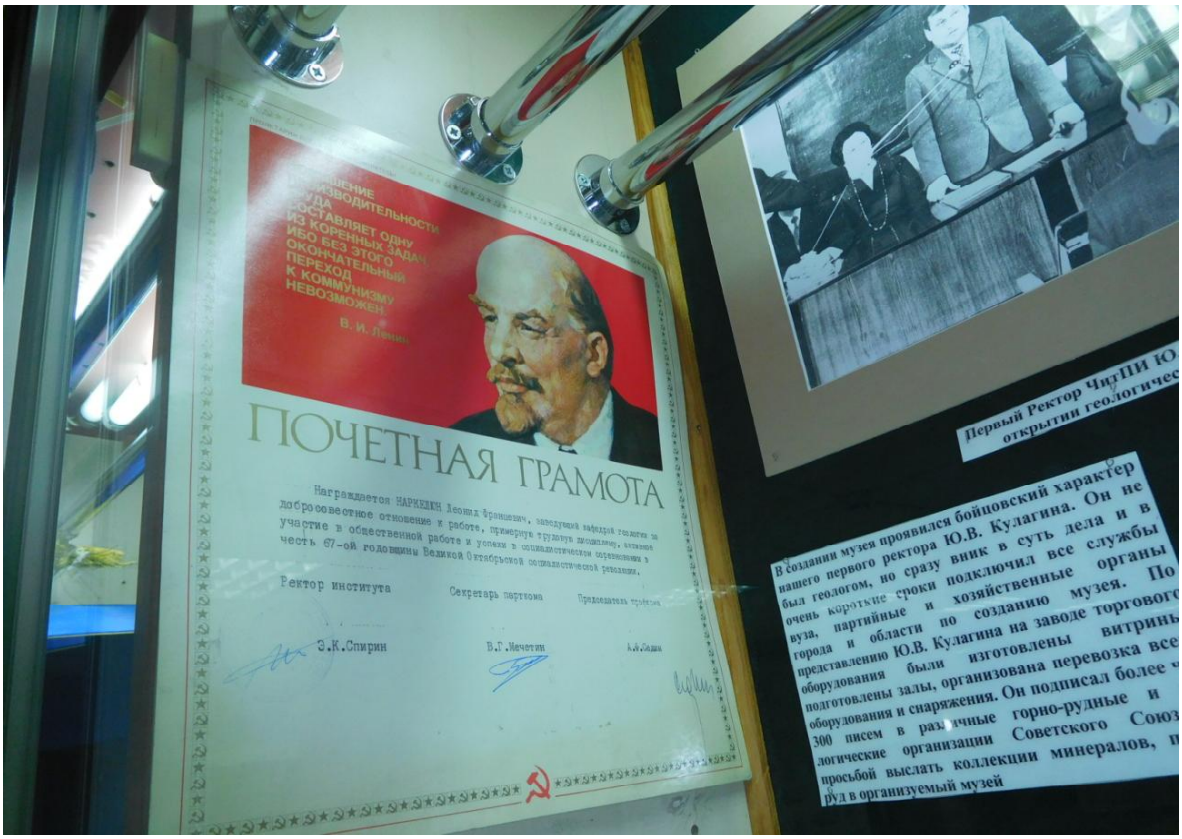
Мантия первого Заслуженного профессора ЧитГУ
Леонида Францевича Наркелюна

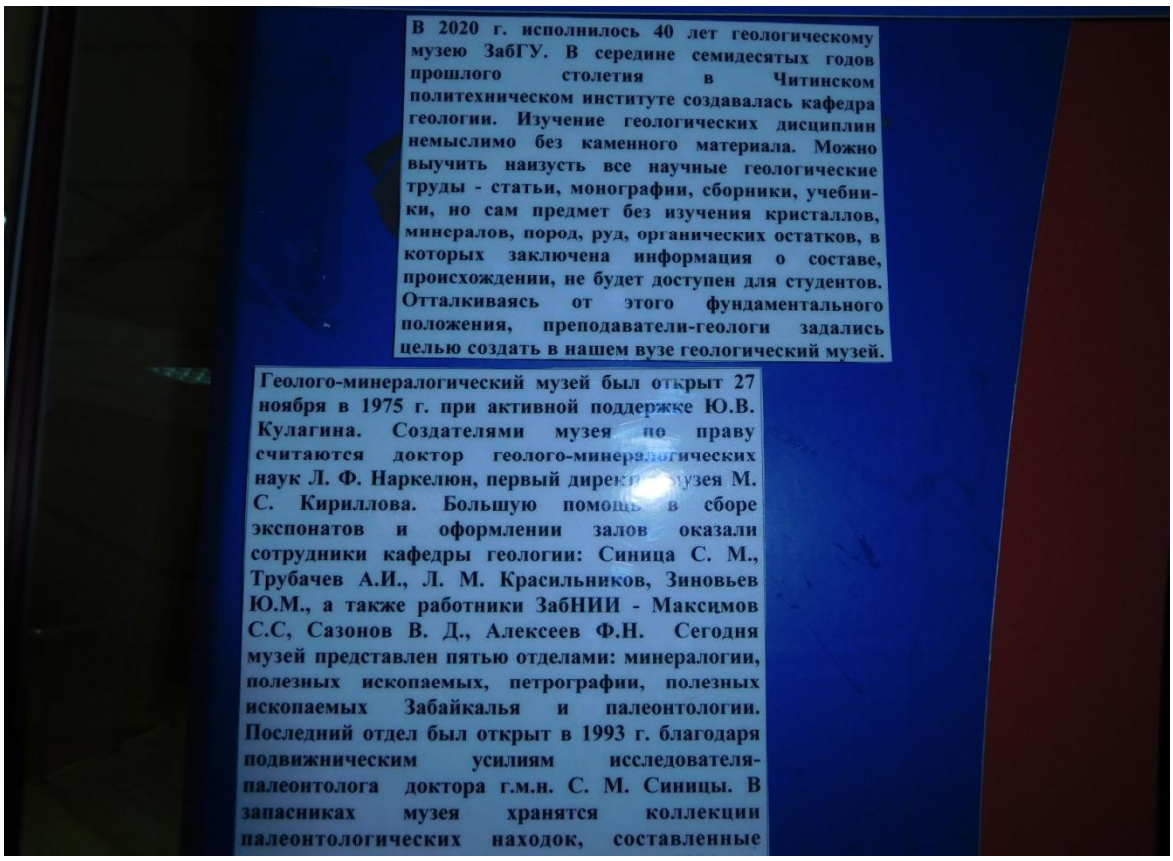
Леонид Францевич с дочерью Машей после
вручения мантии и диплома Почетного
профессора

Professor L.F. Narkeljien
(СССР, г. Inta, 672076 ????)
U.S.S.R. Chita
Kalinina Ul. 117
Politechnic Institute
U.S.S.R.
Горный факультет
14 сентября 1981 года исполняется
60 лет со дня рождения и 40 лет
инженерной, научной, педагоги-
ческой и общественной деятель-
ности заведующего кафедрой
геологии доктора геолого-мине-
ралогических наук профессора
ЛЕОНИДА ФРАНЦЕВИЧА
НАРКЕЛЮНА
Членский билет
Личные вещи Л.Ф.

Профессор
Леонид Францевич
НАРКЕЛЮН
ВЕЩЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ
И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ОБОГАЩЕНИЯ
Визитки
Личный блокнот
14 сентября 1981 года исполняется
60 лет со дня рождения и 40 лет
инженерной, научной, педагоги-
ческой и общественной деятель-
ности заведующего кафедрой
геологии доктора геолого-мине-
ралогических наук профессора
ЛЕОНИДА ФРАНЦЕВИЧА
НАРКЕЛЮНА

Л. Ф. Наркелюн на конференции
Удостоверение члена «Географическое общество СССР» при Академии наук СССР
Членский билет
Удостоверение члена Всесоюзного общества «Знание»
Личные вещи Л.Ф. Наркелюна


ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА
Первый Ректор ЧитПИ Ю
открытии геологичес
В создании музея проявился бойцовский характер
нашего первого ректора Ю.В. Кулагина. Он не
был геологом, но сразу вник в суть дела и в
очень короткие сроки подключил все службы
вуза, партийные и хозяйственные органы
города и области по созданию музея. По
представлению Ю.В. Кулагина на заводе торгового
оборудования были изготовлены витрины
подготовлены залы, организована перевозка все
оборудования и снаряжения. Он подписал более
300 писем в различные горно-рудные и
логические организации Советского Союз
просьбой выслать коллекции минералов, п
руд в организуемый музей

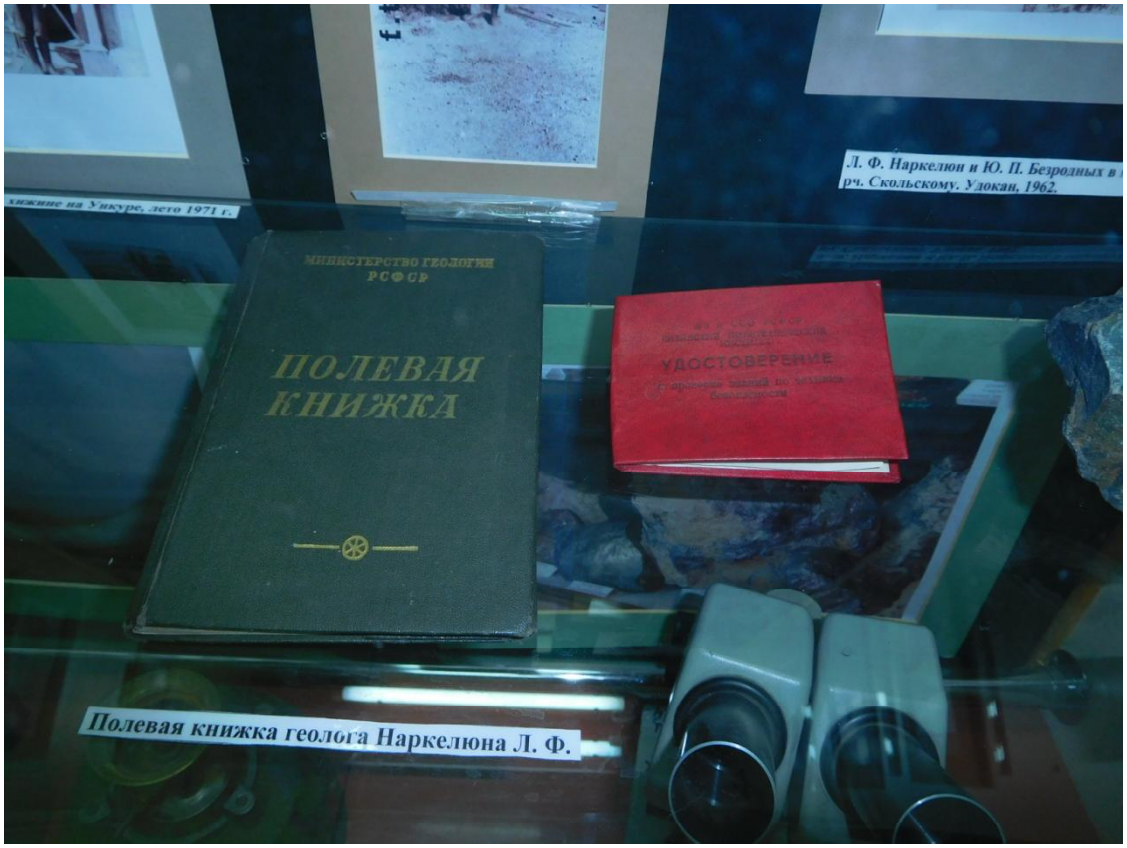


В 2020 г. исполнилось 40 лет геологическому музею ЗабГУ. В середине семидесятых годов прошлого столетия в Читинском политехническом институте создавалась кафедра геологии. Изучение геологических дисциплин немыслимо без каменного материала. Можно выучить наизусть все научные геологические труды - статьи, монографии, сборники, учебники, но сам предмет без изучения кристаллов, минералов, пород, руд, органических остатков, в которых заключена информация о составе, происхождении, не будет доступен для студентов. Отталкиваясь от этого фундаментального положения, преподаватели-геологи задались целью создать в нашем вузе геологический музей.

Геолого-минералогический музей был открыт 27 ноября в 1975 г. при активной поддержке Ю.В. Кулагина. Создателями музея по праву считаются доктор геолого-минералогических наук Л. Ф. Наркелюн, первый директор музея М. С. Кириллова. Большую помощь в сборе экспонатов и оформлении залов оказали сотрудники кафедры геологии: Синица С. М., Трубачев А.И., Л. М. Красильников, Зиновьев Ю.М., а также работники ЗабНИИ - Максимов С.С, Сазонов В. Д., Алексеев Ф.Н. Сегодня музей представлен пятью отделами: минералогии, полезных ископаемых, петрографии, полезных ископаемых Забайкалья и палеонтологии. Последний отдел был открыт в 1993 г. благодаря подвижническим усилиям исследователя-палеонтолога доктора г.м.н. С. М. Синицы. В запасниках музея хранятся коллекции палеонтологических находок, составленные

Первый полевой сезон в Наминге. 1962 г.
Л. Ф. Наркелюн. 1962 г.
Леонид Францевич на привале в полевом отряде. ЗабНИИ. Лето 1964 г.
Леонид Францевич отправляется в поездку в полевые отряды ЗабНИИ на Газ-67 вместе с А. И. Рыбальченко. 1967 г.

Л. Ф. Наркелюн (в центре), В. А. Козлов, А. И. Грубачев в Норильске (лето 1970 г.)
В своей хижине на Уникуре, лето 1971 г.
Брошантит – минерал зоны
минералов меди, месторо
коллекции Л. Ф. Наркелюна


МИНИСТЕРСТВО ГЕОЛОГИИ
РСФСР
ПОЛЕВАЯ
КНИЖКА
УДОСТОВЕРЕНИЕ
Л. Ф. Наркелюн и Ю. П. Безродных в
рч. Скольскому. Удокан, 1962.
Полевая книжка геолога Наркелюна Л. Ф.

Посвящается Леониду Францевичу
аркелюн Л.Ф. – первый доктор геолого-минералогических на

Геологический молоток

Кайла

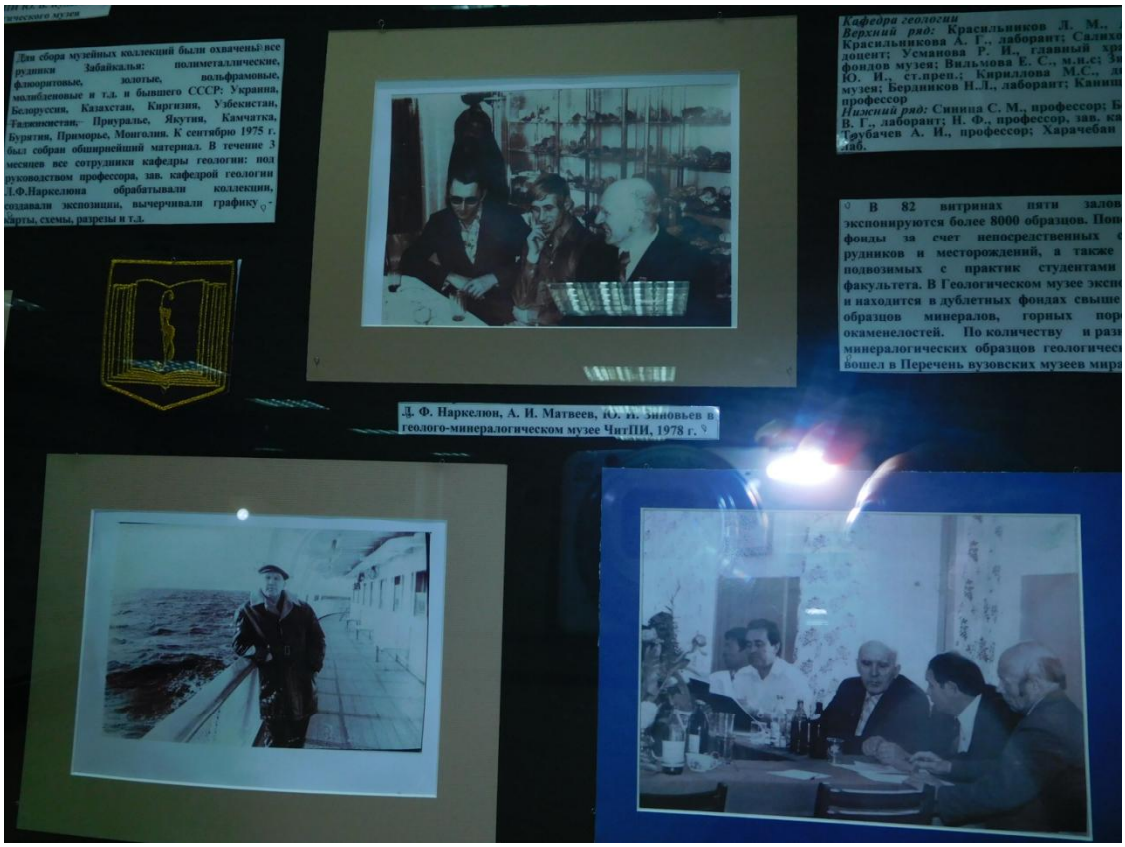
Л. Ф. Наркелюн. Нечаев. Чита, 1975.
Компас
Личные полевые дневники Л.Ф. Наркелюна

Амазонит (микроклин), с
Кольский полуостров
Постройки цианобактерий – строматолиты-
распиловка и прицлифовка (Забайкалье)

Наркелюн Леонид Францевич, профессор кафедры геологии, доктор геолого-минералогических наук
Леонид Францевич в Камчатской долине гейзеров,

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Самоцвет
Агаты
ЧАРОИТ
ЛАЗУРИТ
НЕФРИТ
84
Кристаллы граната в породе и единичные кристаллики пирита
Отпечатки листьев р. Sphenobaiera. Черновские копи, Забайкалье

Самоцветы Забайкалья
Агаты
Чароит
Турмалин
Лазурит
Нефрит
Флюорит
Яшма
Отпечаток скелета рыбы р. Lacoriera из сланцев реки Тырга (знаменитое обнажение Милдендорфа)


Для сбора музейных коллекций были охвачены все рудники Забайкалья: полиметаллические, флюоритовые, золотые, вольфрамовые, молибденовые и т.д. и бывшего СССР; Украина, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Приуралье, Якутия, Камчатка, Бурятия, Приморье, Монголия. К сентябрю 1975 г. был собран обширнейший материал. В течение 3 месяцев все сотрудники кафедры геологии: под руководством профессора, зав. кафедрой геологии Л.Ф.Наркелюна обрабатывали коллекции, создавали экспозиции, вычерчивали графику - карты, схемы, разрезы и т.д.
Кафедра геологии
Верхний ряд: Красильников Л. М.,
Нижний ряд: Синина С. М., профессор;
Трубачев А. И., профессор; Харачебан
В 82 витринах пяти залов
образцов минералов, горных пор
окаменелостей. По количеству и раз
минералогических образцов геологичес
вошел в Перечень вузовских музеев мира
Л. Ф. Наркелюн, А. И. Матвеев,
геолого-минералогическом музее ЧитПИ, 1978 г.

Научное издание

ВЕСТНИК ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Воспоминания об учёном, педагоге, производственнике, общественном деятеле Леониде Францевиче Наркелюне

№ 4

Редактор Т. Р. Шевчук
Вёрстка И. В. Петровой

Подписано в печать 29.12.2022.
Формат 60·84 1/8. Печать ксерографическая.
Гарнитура Arial.
Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 9,4. Заказ № 22198
Печать по требованию.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30